

Дарья Запольская

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Прости, отпусти меня и давай всё закончим.

Анжелика Миронова осталась сиротой и наследницей многомиллионного состояния и забота о ней легла на плечи Краснова Алексея — крупного бизнесмена, который знает толк в управлении делами. Но что будет, если девушке не по нраву такой расклад? И дело не в горячем красавчике опекуне, а может все таки в нем?!

Первая любовь
Дарья Запольская

Глава 1

— Анжелика, примите мои соболезнования, — мужчина с редкой проседью волос положил свою ладонь мне на плечо. Его лицо действительно выражало сочувствие, но оно не вернет моих родителей.

Мама с папой погибли в автокатастрофе, оставив меня одну в этом большом мире. Близких родственников у меня нет, родители были единственными детьми в своих семьях, что делает меня круглой сиротой. В шестнадцать лет оказаться никому ненужной, какого это? Стоя у надгробной плиты, не чувствуя удушающего холода ноября, я не могла описать своих чувств. Из меня как будто высосали все эмоции, оставив мое тело пустым сосудом.

В воспоминаниях о последних днях высечен звонок поздней ночью и безэмоциональный голос сотрудника полиции, который сообщил мне ужасную новость. А дальше, все как в тумане. И вот сейчас я стою на сырой кладбищенской земле, окруженная людьми в траурном одеянии, которые пришли сюда высказать слова соболезнования и отдать дань памяти супругам Мироновым. Но я знаю, что есть те, кто глубоко внутри себя рад такому исходу событий. Мой отец был крупным бизнесменом и по крупницам собирал свое дело. И не все шакалы еще сгинули, в гонке за лидерство на рынке среди конкурентов. И своим воспаленным мозгом, который был убаюкан лошадиной дозой успокоительного я знала, что смерть родителей — не несчастный случай, а убийство.

Люди разошлись, оставив меня одну. И я бы вросла в землю, если бы фигура в поле моего зрения не ждала меня.

Прочитав про себя слова молитвы, как умела, дотронулась ладонью до холодной мраморной плиты, оставляя крошечную частичку тепла.

За воротами около старенькой хонды меня ждал адвокат нашей семьи — Иаков Соломонович. Сколько себя помню, он всегда вел дела моего отца, хоть и был уже в почтенном возрасте.

— Анжелика, мы должны ехать на оглашение завещания, поэтому поторопись, — он открыл для меня пассажирскую дверь и жестом велел ускориться.

Я была ему благодарна, что он не пытался меня утешить, не сюсюкался со мной и разговаривал как со взрослым человеком, не давая повода лишний раз пустить слезу.

Оглашение завещания было назначено на сегодняшний вечер, должны приехать все, кого отец указал при составлении завещания.

При нормальных условиях, я бы нервничала перед встречей с людьми, кому отец передал свое имущество, потому что он был закрытым человеком и избегал близких отношений с окружающими, только мама была его самым близким человеком, и даже смерть их не разлучила.

Весь путь до нотариальной конторы прошел в тишине, для каждого она была спасительной.

Мы приехали самыми последними, о чем нам сообщила девушка-секретарь. Сняв с себя пальто, я прошла в небольшой кабинет, где вокруг стола женщины средних лет, сидели двое — мужчина и женщина. Женщине на вид было около тридцати, в глаза бросились ярко-розовые нарощенные ногти и выжженные от частого окрашивания светлые волосы. Блондинка в самом натуральном исполнении. Мужчину я знала, он был другом отца, он часто приходил к нам домой. Олег вроде бы. Он галантно уступил мне место.

— Что ж, можем начинать, — женщина-нотариус достала конверт и вскрыла его, разворачивая лист А4. — Оглашается завешание Миронова Андрея Юрьевича. И так, будучи в трезвом уме и в здравой памяти, я Миронов Андрей Юрьевич, завещаю свой автосервис Базанову Олегу Федоровичу, остальное движимое и недвижимое имущество, в том числе сто процентов акций «СтройГрад» завещаю Мироновой Анжелике Андреевне.

— Что вы несете? — блондинка перебила нотариуса и вскочила на ноги. — Эта пигалица еще с горшка не слезла, — и указала на меня пальцем с отвратительным маникюром.

Я бы возмутилась про горшок, но не могла пошевелиться. Я не верила во все происходящее. Но меня пугало не количество полученного имущества, а отношение блондинки. Люди погибли, а все что ее волновало, это деньги.

— Успокойтесь, — женщина-нотариус повысила голос. — Я еще не закончила оглашение. Соблюдайте порядок! — она прочистила горло и продолжила. — В случае, если на момент моей смерти, Миронова Анжелика Юрьевна будет недееспособной, оставшейся без попечения родителей и законных представителей, назначить ее опекуном Краснова Алексея Александровича.

Новая волна шока. От этих слов меня бросило в жар. И плохие мысли путались в голове. Во-первых, я не знала никакого Краснова, во-вторых, складывалось чувство, что отец знал, о своей смерти и неспроста завешание включало опекуна для меня.

Женщина-нотариус оглядела нас и убрала завешание.

— На этом все.

Коротко и по делу, в стиле Андрея Миронова.

— А где что-нибудь про меня? Я сюда зачем тащилась? — она бросила на меня гневный взгляд. — Это все ты виновата.

— Отстаньте от девочки, она лишилась родителей, — Иаков Соломонович встал передо мной, защищая от испепеляющего взгляда блондинки.

— Да вы хоть знаете сколько денег кануло в никуда? — теперь она сверлила адвоката. — Я жизнь положила на эту чертову компанию, и она должна была стать моей!

— Хватит, — глубокий, спокойный голос оборвал ее истерику и все взгляды устремились в дверной проем.

Высокий подтянутый мужчина в черном костюме занимал весь проход. Он смотрел прямо на меня, и под его стальными серыми глазами стало неуютно. Слишком резко я отвела взгляд, что не осталось незамеченным.

Я бы могла бросить ему вызов и ответить таким же холодным взглядом, но сегодня мной овладела глубокая печаль, и я не способна показывать свой колючий характер.

— Да кто ты такой? — блондинка не унималась. — Пошел вон.

— Я попрошу сменить тон и вести себя прилично. Вы не с друзьями своими разговариваете, — мужчина сдвинулся с места и направился прямо ко мне. — Прошу прощения, я опоздал, рейс задержали. Я Краснов Алексей. Завешание уже огласили?

Не. Может. Быть. Это мой опекун? И опять я слишком резко дернулась и уставилась на него. Сердце падало все ниже с каждым его шагом ко мне. Диафрагма сжалась и желудок свело. Незнакомый мне мужчина будет мне вместо семьи. Он двигался плавно, как гепард, готовящийся к прыжку и все это время он не сводил с меня глаз.

Он встал позади меня, уперев свои руки в спинку стула, в нос ударил аромат его парфюма. Я закрыла глаза, вдыхая мускатные и древесные нотки аромата. Очень похожие на

тот, что носил мой отец. И даже на секундочку можно представить, что это мой отец, стоит рядом и как коршун охраняет меня от нападков истерички.

От него веяло силой. Даже спиной я чувствовала его присутствие. Внутренние органы продолжали биться в конвульсиях, а сердце начало отбивать чечетку под ребрами.

Выжженная блондинка поспешила удалиться, громко хлопнув дверью.

— Да, мы уже огласили, — женщина-нотариус сразу преобразилась, распрямила плечи и как будто даже помолодела на пару лет, натянув милую улыбку. — Согласно последней воли господина Миронова, вы будете опекуном Анжелики.

Я подняла голову, чтобы проследить за реакцией мужчины, но он просто кивнул и ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Тогда поехали, — он перевел на меня взгляд и направился к выходу.

Абсурдность ситуации сорвала и до того хлипкий рубильник на моих нервах.

— Я никуда с вами не поеду, я вас не знаю.

Он замер в дверном проеме и через плечо небрежно бросил:

— Тогда тебя заберут в интернат.

До этого момента я не думала о своей судьбе и что со мной будет после похорон родителей. И теперь вся серьёзность моего положения всплыла на поверхность. Я загнана в неотвратимое положение.

Ноги как будто приросли к полу. Я осталась одна и моя шестнадцатилетняя душонка никому не интересна. И кажется, даже отец не позаботился при жизни найти мне более подходящего кандидата в опекуны. Даже Иаков Соломонович был бы более приятной кандидатурой.

Иаков Соломонович подхватив меня за локоть, потащил к выходу.

— Анжелика, все будет хорошо, и я обещаю вам, что про интернат он пошутил.

Я не знала, кто такой Краснов Алексей Александрович, но все меня в нем заочно раздражало. Он опоздал на оглашение завещания, при этом новость о его опеке ничуть не удивила его. И его пренебрежительное отношение ко мне... Черт! Задушить бы его прямо сейчас. Его хладнокровное спокойствие зарождало во мне бурю эмоций. И моей злости есть объяснение. Я осталась сиротой и мою жизнь до совершеннолетия доверили какому-то мужику, которому судя по всему вообще плевать на то что происходит.

Аккерман фактически выволок меня на улицу.

— Лика, ты поедешь с Алексеем Александровичем, документы на опеку будут готовы через пару дней.

— Но, если документов еще нет, как я могу ехать с ним? — я цеплялась за каждую возможность избежать своей несчастливой участи.

Я бросила взгляд на Краснова. Он стоял и держал заднюю пассажирскую дверь открытой для меня, выжидающе смотря прямо мне в глаза. И от его тяжелого взгляда, не предвещавшего ничего хорошего, становилось только хуже.

— Лика, девочка моя, — Иаков Соломонович, сжал мои ледяные ладони, — Ты взрослая, умная девочка. Тебе нечего бояться, потому что твой отец не мог отдать жизнь своей единственной дочери кому попало. Поверь, когда ты поближе познакомишься с Алексеем, ты сразу все поймешь.

Но меня сложно было убедить, упрямство — черта, доставшаяся от отца. Я снова бросила взгляд на Краснова. Все также стоит и ждет, но терпение ускользает от него, и я понимаю, что сейчас, в эту минуту, выбора у меня нет.

Я киваю Аккерману и шагаю навстречу своему опекуну.

— Куда мы едем? — я первая нарушаю тишину в салоне автомобиля.

На меня через зеркало заднего вида смотрят холодные серые глаза и хочется отвести взгляд, но я этого не делаю. Пусть думает, что меня трудно загнать в угол, даже если мои колени потрясывает, а в районе солнечного сплетения спазмы похлеще чем при остром аппендиците.

— Домой.

Коротко и ясно. Но мне все равно ничего не ясно. Что мне теперь считать своим домом? Нам предстоит два года играть в отцы-дочери и жить под одной крышей, изображая для органов опеки семью, но я не смогу смириться с тем фактом, что моей семьи больше нет, а этого человека я не знаю.

— Это куда?

Он бросает на меня свой взгляд буквально на мгновение и возвращает внимание на дорогу.

— Ты всегда так много вопросов задаешь? — звучит не очень дружелюбно и мне кажется, что нормально общаться у нас точно не получится.

— Я думаю, в данной ситуации нормально задавать вопросы, — говорю то, что думаю и мысленно даю себе подзатыльник за такую спешку. Но он никак не реагирует.

Я уже не надеюсь услышать ответ, скучаяще изучая салон автомобиля, но Краснов разрывает тишину:

— У тебя будет возможность спросить все, что хочешь.

Мы въезжаем на закрытую территорию элитного жилого комплекса, и вопросов в моей голове становится все больше.

Мои родители были состоятельными людьми, но мы никогда не выставляли свое положение напоказ. У меня не было страсти к брендовым вещам, возможно пару сумок от Луи Витон и туфли от Джимми Чу имеются, но в остальном я старалась не выделяться. Чем меньше людей знает, сколько я могу позволить тратить, тем меньше у меня завистников и сплетен вокруг. Возможно все дело в воспитании и том, что отец не сразу стал богат. Он всего добился сам и меня учил тому же, надеясь, что когда-нибудь я смогу достичь высот. Как жаль, что он это не увидит.

От грустных мыслей спас Краснов. Открыв дверь, подал руку, чтобы мне было легче выйти, но я проигнорировала этот джентельменский жест и ступила на асфальт без его помощи.

Поднимаясь на лифте, мне представилась прекрасная возможность, рассмотреть его еще раз. Высокий, примерно метр восемьдесят, подтянутый, модная стрижка, уверена, отбоя у женского пола нет, а судя по отсутствию обручального кольца, ему статус холостяка нравится.

Женский механический голос сообщил, что мы приехали на двадцатый этаж.

Действие успокаивающих таблеток подошло к концу и тело начала сотрясать мелкая дрожь. Я жутко нервничала, и паника медленно подступала, окутывая горло спазмом. Главное не забыть, как дышать.

Алексей Александрович открыл входную дверь и жестом пропустил меня вперед. На негнущихся ногах я ступила в темноту квартиры, понимая, что сделала это добровольно.

— Теперь это твой дом, твоя комната по коридору направо, — он жестом указал направление. — Там мой кабинет, гостиная, спальня и кухня.

Жилище у Краснова было прекрасным, как картинка в журнале. Четырехкомнатная квартира, обставленная дизайнерской мебелью, полностью отражала характер хозяина — строгость цвета и форм, отсутствие лишних деталей.

Он скрылся где-то в глубине квартиры, оставив меня в одиночестве посреди гостиной. И что мне делать? Из собственных вещей только траурное одеяние и мобильный телефон, который сигнализирует о последних минутах жизни.

Упав в мягкое кресло, не чувствуя ног, поняла, что слишком сильно устала и не заметила, как провалилась в такой необходимый сон.

Тело, изнеможенное бессонными ночами последних дней, отказывалось слушаться, тяжелым грузом растекаясь по креслу, а мысли, не унимавшиеся бесконечным потоком вопросов и неопределенностей, отказывались принимать дозу сладкого морфия. Казалось, будто я не сплю, а вишу где-то на поверхности сознания, ощущая все, что происходит вокруг. То, как погас свет, а тело накрыли пледом, как квартира погрузилась в тишину, нарушаемую лишь ходом настенных часов. И я должна принять эти часы покоя, но подсознание не дает расслабиться, напоминая о ужасе пережитых дней.

И утро, как звонкая пощечина, ударяет в лицо ослепительно-белым светом.

Алексей Александрович стоит прямо передо мной. Одетый в костюм-тройку, как модель с обложки Форбс. Руки сложены на груди, взгляд пытается что-то найти на моем лице, но кроме слюней и взъерошенных волос после сна в неудобной позе он точно ничего не обнаружит. Ни тени смущения в моих глазах. Он еще не заслужил моего доверия, чтобы я могла в открытую проявлять свои эмоции, исключением будет фирменная ирония с нотками язвенной приправы.

— Завтрак готов, приводи себя в порядок и поговорим, пока у меня есть время. — Он кидает взгляд на наручные часы и кивает, подтверждая какие-то свои мысли.

Я не спешу идти в ванную, назло его указаниям, плетусь за ним на кухню.

На столе стоит омлет и свежие булочки, аромат которых будет моего внутреннего людоеда, издающего неприличные звуки. Сам же Краснов, облокотившись о подоконник, потягивает кофе.

— А мне чашечку кофе? — я приподнимаю бровь, изучая стакан сока неопределенного цвета.

— Для формирования нервной системы категории подростков твоего возраста кофе противопоказан.

Я демонстративно закатываю глаза и отодвигаю подальше от себя сок. Желание хотя бы понюхать неоднозначную жижу невероятно сильно, но упрямство и желание противостоять Краснову еще больше.

Мой жест протеста остается без внимания.

— Я думаю у тебя есть вопросы, — мужчина ставит чашку на стол и садится напротив меня.

— Кто вы такой?

— Краснов Алексей Александрович, бизнесмен, владею сетью баров и ресторанов. До вчерашнего дня жил в Лондоне, но по известным причинам вынужден был вернуться в столицу нашей необъятной родины. Не женат, детей нет, также, как и судимостей. Ещё?

На его лице не дернулся ни один мускул, ни одна черта не выдала изменения эмоций,

как будто он зачитывал давно выученный текст.

— Как мне к вам обращаться?

— Как хочешь, для меня это не важно, — на стол легла связка ключей и банковская карта. — Это теперь твое. В твоём распоряжении личный водитель, — из-за моей спины буквально выплыл молодой человек. — Вячеслав.

На некоторое мгновение я перестала жевать свой завтрак, стараясь успевать за происходящим. Как я не заметила постороннего человека? Или он тихо вошел?

— Он отвечает за тебя, когда меня не будет рядом, считай его своей подружкой.

— В туалет тоже с ним ходить? — я изучала предоставленную мне жертву. Смазливый парень, годов эдак двадцати пяти. Скорее всего специально нанятая для меня «подружка».

— Если надо, в туалет тоже, — Краснов встал и послал многозначительный взгляд, какой обычно бросают отцы дочерям, предупреждающий, что послушаться никак нельзя. — Некоторое время, если повезет, мы не будет пересекаться. Надеюсь за это время ты освоишься. Ещё вопросы?

Брошенный взгляд на часы поставил точку за меня, не оставляя возможности узнать больше. Мое молчание было принято, как разрешение удалиться, и Краснов ушел, не попрощавшись.

Мне тоже следовало поторопиться, поскольку пропускать занятия я не планировала.

Дорога до гимназии показалась вечностью. Моя «подружка» не проронила ни слова, чему я была несказанно рада, на разговоры совсем не тянуло. Я морально готовилась ко встрече с одноклассниками и их лицемерными рожами. Уверена, все уже в курсе произошедшего и каждый будет считать своим долгом высказать слова соболезнования, которые мне не нужны. Их слова пустой звук, которые не облегчат тяжелый груз на моем сердце. Сколько слов утешений я выслушала, и ни одни из них не принесли мне того самого утешения.

А мой опекун ни слова утешения или соболезнования не проронил, словно болен алекситимией. И откуда же он взялся? Почему отец выбрал именно его? Кто он, черт возьми, такой? И только при мысли о нем, сразу появляется желание сделать какую-нибудь пакость, чтобы вывести на эмоции, взглянуть на живого человека, имеющего чувства, стереть этот холодный взгляд с его физиономии.

Подъехав к капищу зла, Славик выскочил из машины, чтобы открыть для меня дверь на глазах у юных мажоров, порождая новую тему для сплетен.

— Славик, — я улыбнулась ему, опередив его порыв открыть дверь, ступив на землю без посторонней помощи. — Я девочка самостоятельная и не люблю весь этот пафос.

Он послушно кивнул.

— Давай мы с тобой договоримся. Двери я открываю сама; пакеты, сумки ношу сама; и не надо мне помогать, если я этого не прошу.

— Я понял, Анжелика Андреевна.

— Ладно, над официозом мы поработаем в другой раз, на сегодня хватит.

Я направилась к крыльцу, наблюдая, как Славик паркует новенький Мерседес представительского класса, готовясь к нападкам сверстников.

— Очуметь, Анжи!

Марина, моя подруга, одна из немногих, кто не придавала никакого значения моему новому статусу сироты, за что я была благодарна. Меньше всего хотелось напоминаний о моем одиноком будущем. И несмотря на глубокую боль, щемящую сердце, я буду оставаться дочерью своего отца и никогда на глазах у посторонних не покажу своих истинных эмоций.

Марина росла в обеспеченной семье, но воспитывалась бабушкой, отчего характер подруги и манеры поведения отличались от местной знати.

— Значит теперь ты живешь с красавчиком, — она многозначительно поиграла бровями.

— Прекрати, он взрослый мужчина.

— Надо найти, что про него пишут в Интернете, — Маринка с диким энтузиазмом забивала имя Краснова в поисковую систему. — Так-с, бизнесмен, тридцать четыре года, холост, владеет сети баров «Бессонница» и ресторана «Туманный Альбион», бла-бла-бла, это не интересно, тут все понятно. О, фотки.

Я нагнулась к экрану мобильного подруги, чтобы взглянуть, каким видят Краснова пользователи сети-Интернет. Всего пара фото, но Краснов выглядел просто шикарно. Одет в дорогой костюм, впрочем, как всегда, холодный взгляд серых глаз смотрит прямо в объектив и кажется, в душу, отчего мурашки толпой бегут по телу.

— Очуметь! — подруга мечтательно закрыла глаза и скрестила пальцы. — Хочу когда-нибудь себе такого мужика.

Я не могла сказать, что разделяла желания подруги, поскольку Краснов не похож на мужчину, заводящего серьезные отношения на долгий срок. Если бы не печальные обстоятельства, я желала бы никогда с ним не встречаться. И даже сейчас, смотря в пронзительно-холодные глаза, смотрящие с экрана телефона, понимаю, что они всегда будут напоминать мне обстоятельства встречи с их владельцем.

Неделя тянулась чередой однообразных дней, напоминая «день сурка». Краснов уходил из дома рано, приходил поздно, радуя меня своим отсутствием. Славик начал улавливать мое настроение и не рыпался с водительского места, но разговор у нас не клеился. Пару раз я пыталась с ним заговорить, но он, натренированный Красновым сводил все диалоги к быстрому завершению. Лишь Маринка спасала меня от полного одиночества, болтая без остановки.

— У Маркушенко Димы в субботу днюха в рестике будет. Приглашает абсолютно всех, вчера пост в Инсте видела. Мы обязательно должны пойти.

Идти на празднование дня рождения Маркушенко совершенно не хотелось. Мы не так тесно общались, чтобы обмениваться любезностями на его празднике. И при мысли об одноклассниках, пытающихся произвести впечатление короткой юбкой, желудок скручивало в спазм, грозя вывернуть содержимое наружу. Я лучше буду тухнуть в одиночестве дома, чем испытывать дискомфорт в окружении чужих мне людей.

И мой настрой Маринка знала лучше всех.

— Мне плевать, что ты там думаешь. Мы точно пойдём, — она скрестила руки на груди. — Я знаю, что у тебя траур, но нужно возвращаться к жизни, какой бы сукой она не была.

Она была права, что нужно возвращаться к жизни, но это не убедит меня в необходимости присутствия на дне рождения у Маркушенко.

Последний урок, где должна была быть контрольная по физике, мы решили прогулять, ввиду неподготовленности Марины и моего плохого настроения.

Славик беспрекословно кивнул, когда я попросила его подбросить Марину до дома. Погода стояла отвратительная, сильный ветер бросал в лицо мелкую снежную крупу, оставляя на коже неприятный след начала зимы.

Забравшись на заднее сидение, я глубже зарылась в полы пальто, натягивая до самого носа пушистый шарф. Холодное время года всегда сказывалось на мне неблагоприятно. Сколько себя помню, ни одна зима не обходилась без гриппа или ангины. И эту зиму нужно максимально себя беречь, чтобы равнодушные опекуны не отправило меня на больничную койку.

Всю дорогу подруга пыталась флиртовать с водителем, но парень оставался неприступной скалой, при этом бросая в зеркало заднего вида любопытные взгляды. Мне с трудом удавалось сдерживать улыбку, рвущуюся наружу из-за комичности ситуации. Судя по всему, Славик был не против пообщаться с Мариной, но желание шло в разрез с указаниями Краснова. Алексей Александрович удивительным образом мог контролировать жизнь каждого, кто его окружал. Ему удалось проделать это и с моей жизнью, не прибегая к прямому контакту, но я чувствовала, что он знает о каждом моем шаге, контролируя направление.

— Спасибо что подвезли, — Маринка чмокает меня в щеку и посылая воздушный поцелуй Славику, выходит в декабрьскую стужу.

Славик провожает печальным взглядом стройную фигуру Маринки, и я не могу сдержаться.

— Я могу дать её номер телефона, ты вроде как ей понравился, — моя голова пролазит между передними сидениями, и я снизу-вверх смотрю на парня.

— Не положено.

— Я не могу понять, почему ты так боишься Краснова? Он же не может тебе запретить общаться с девушками.

Славик смотрит прямо мне в глаза, тщательно обдумывая ответ, прежде чем сказать.

— Я его не боюсь, а уважаю. Марина красивая, но я не стану подрывать доверие Алексея только потому что она красивая.

— Что же такого особенного в этом Алексее? — мне действительно интересно, и я жду ответа, потому что до сегодняшнего дня Слава ничего мне не рассказывал о Краснове, предпочитая отмалчиваться.

— Он хороший человек, не простой, не идеальный, но он многим помог изменить жизнь к лучшему, — парень удивляет меня. — Я обязан ему до конца жизни. И больше ничего не скажу.

Я притворно надуваю губы и откидываюсь на спинку сидения, радуясь, что лед тронулся в наших отношениях со Славой и возможно, время спустя у нас получится стать хорошими друзьями.

Надеясь, что Краснова, как обычно нет дома и я смогу без стеснения заниматься своими делами, влетаю в квартиру, но натываюсь на хозяина. И он не один. На меня смотрит Иаков Соломонович.

— Добрый день, — улыбка сползает с моего лица, потому что воспоминания о дне, когда последний раз я видела адвоката, врываются в сознание, пробуждая плохое

предчувствие.

— Здравствуй, Анжелика, я привез документы, которые нужно подписать.

Я снимаю с себя верхнюю одежду и плетусь на кухню за мужчинами. Колени, по непонятным мне причинам, трясутся, а желудок стягивает в тугий узел.

Передо мной на стол кладут стопки бумаг, в которых я ничего не понимаю, потому что мозг отказывается воспринимать текст. Буквы, складывающиеся в слова, расплываются в черные одинаковые строчки.

— Что это? — мой голос дрожит.

— Это документы по наследству. Тут все имущество, которое переходит к тебе, но пока ты не достигла совершеннолетия управлять твоим имуществом будет законный представитель. Порядок управления также прописан в документах.

Как бы я не старалась понять смысл написанного, не понимала. Внезапно одолевшая меня, паническая атака, полностью лишила меня способности мыслить.

— И что мне делать? — я уставилась на Аккермана.

— Ты должна прочитать условия порядка управления твоим имуществом и поставить подпись. Затем Алексей Александрович поставит свою и все.

— А разве документы на опеку уже готовы?

— Конечно, этот вопрос уже решен, — Аккерман говорил с привычным ему спокойствием, но я не видела лица Краснова, потому что он стоял позади меня.

Я всеми позвонками чувствовала его присутствие, как будто его энергетика окутывала меня плотным удушающим пузырем. Он стоял в полуметре позади, но аромат парфюма и тепло, как будто нарочно стремились коснуться моего тела, держа в напряжении каждую клеточку организма.

Как бы я не старалась, напряжение не давало возможности ясно мыслить и я, не давая себе времени на размышления, подписала документы.

— Ещё, я должен тебе сообщить, что компании нужен исполняющий обязанности генерального директора, мы можем подобрать кандидата и провести собеседование.

Мысли путались, Аккерман выжидающе на меня смотрел, а я не могла сосредоточиться, находясь в напряжении от присутствия Алексея позади меня.

— Вы же понимаете, что я в этом плохо разбираюсь?

Горячие ладони Краснова легли на мои плечи, посылая по телу сотни микро-разрядов, окончательно отключая мозги. Мы не успели узнать друг друга лучше, последнюю неделю я вообще не видела мужчину и этот жест стал для меня неожиданным. Краснов не был похож на человека, который мог легко найти общий язык с подростком вроде меня. Скорее он походил на человека, который будет держаться в стороне до последнего момента.

Мне казалось, что его руки очень тяжелые, хотелось скинуть их с себя, но я не двигалась, тело словно парализовало.

— Не нужно никого искать, я сам буду управлять компанией от лица Анжелики. Так хотел её отец.

Он слегка сжал мои плечи и убрал руки. Казалось, что температура в комнате опустилась на несколько градусов, потому что тело покрылось мурашками. Я думала, что могу спокойно вздохнуть, или лучше уйти в свою комнату, скрывшись за плотно закрытой дверью, но мужчина нагнулся, чтобы подписать документы, ловя меня в кольцо своих рук. Его лицо оказалось очень близко. Слишком близко. Полы его пиджака касались моих рук, оставляя невидимые ожоги. Такого напряжения я ещё никогда не чувствовала. Но стоило

только ему выпрямится, холодный воздух, словно пощечина вернул моим легким способность дышать.

— Тогда оформим генеральную доверенность и издадим соответствующее распоряжение, — Иаков Соломонович собрал документы и, попрощавшись, быстро удалился.

Я хотела встать, но Краснов одним взглядом пригвоздил меня к месту.

— Как контрольная по физике? — его голос был ровным, как всегда, но взгляд обещал кровавую расправу.

— Что? — я включила дурочку. — Контрольная?

— Да, контрольная, — он сделал шаг ко мне, отчего я отвела глаза, не в силах придумать нормальную отмазку.

— Смотри мне в глаза, — это приказ, и я повинуюсь, наблюдая как он подходит максимально близко, отчего мне приходится запрокинуть голову. Его парфюм снова окутывает меня, и я превращаюсь в недееспособный овощ. — А теперь ответь на мой вопрос. Как прошла контрольная по физике?

Извилины, не в силах справиться со стрессовой ситуацией, не находят иного выхода, как сказать правду.

— Я прогуляла физику, — мне неловко, и я опускаю взгляд, но горячая ладонь ловит мой подбородок и возвращает в исходную позицию, на которой серые глаза обжигают холодом.

Впервые мне страшно. Я не знаю, какой Алексей человек и чего от него ждать. За то время, что я нахожусь под опекой, мы так ни разу нормально не поговорили и я не имела возможности узнать, какой он на самом деле человек. По его лицу нельзя понять о чем он думает, взгляд всегда одинаково холоден, он закрыт от внешнего мира непрístupной стеной. Несмотря на то, что Славик считает его хорошим человеком и в Интернете он прославился как щедрый благотворитель, пока я сама не узнаю Краснова, он будет для меня чужим человеком. Все мое тело напряжено в ожидании. Я даже готова к тому, что он может меня ударить, влупить пощечину. От этих мыслей тошнит, потому что если окажется, что он может поднять на меня руку — это конец. Это неизбежно приведет к регулярному ритуалу, ввиду моего несносного характера и упрямства стоять на своем до конца.

Краснов изучает мое лицо, как будто хочет найти ответы на ему одному известные вопросы. Мне хочется убрать его руку от лица, но я прикована своим страхом на месте. В районе солнечного сплетения тугий узел, отчего даже больно дышать. Родители никогда не поднимали на меня руку, уверенные, что любую проблему можно обсудить и найти решение. Возможно я заслужила небольшую порку за свой проступок, потому что в первую очередь должна была стать олицетворением гордости своей семьи, а не зарекомендовать себя как прогульщицу. Родители всегда гордились за мои успехи в учебе, а сейчас я втоптываю свою безупречную репутацию отличницы в грязь собственными ногами.

— Ты очень похожа на мать, — его слова словно ушат холодной воды. Я ожидала чего угодно, даже приготовилась к худшему, а он снова заставляет меня сидеть и хлопать глазами, как идиотку.

Я действительно была копией своей матери, за исключением лишь глаз, они мне достались от отца. Папа всегда гордился тем, что ему досталась прекрасная женщина, подарившая точную копию себя с одним лишь бонусом — глазами цвета карамели.

Алексей не спеша отпускает мой подбородок, как будто желает сохранить в памяти этот момент, задевая в моем сердце кровоточащую рану. Он на мгновение задерживает взгляд на моих глазах и кажется, я вижу глубокую скорбь, но это быстро проходит. Становится понятно, что ругать за прогул он меня не станет.

Мужчина отворачивается к окну и я, пользуясь этим моментом для побега.

Закрывшись в комнате, даю волю слезам, опускаясь на пол. Мне больно и стыдно. Я не могу больше сдерживать свою боль, желая выплеснуть наружу отчаяние. Свернувшись калачиком, на жестком паркете, я зажимаю зубами кулак, чтобы мои беззвучные всхлипывания остались незамеченными. Хочется кричать, ударить кулаком о стену, выплеснуть все, что накопилось внутри, но это роскошь давно минувших дней, непозволительная блажь. Я понимаю, что веду себя как маленький обиженный ребенок от которого все отвернулись и он жаждет внимания. Чего я добилась прогуляв контрольную по физике? Краснов одним взглядом заставил меня испытывать стыд за свой поступок и ради приличия я должна извиниться за свое поведение, но я не стану этого делать.

Когда слезы уже высохли на моем опухшем лице, я решаю, что нужно сделать уроки, иначе Краснов однажды потеряет свое терпение и один Господь ведает, что тогда будет. Моя истерика дает о себе знать головной болью, которая мешает сосредоточиться на выполнении домашнего задания. Правила кажутся слишком сложными, набор бессвязных слов, мне

приходится по десять раз перечитывать одну и ту же строчку. И я не успеваю закончить с тригонометрией, как дверь в комнату открывается, заставляя меня подпрыгнуть от испуга.

— Ужин готов, — Алексей стоит в дверном проеме в домашних штанах и футболке. Даже в таком виде он выглядит потрясающе. И если бы сейчас была наша первая встреча, я бы ни за что не дала ему больше тридцати лет.

— А стучать? — я ловлю себя на том, что слишком долго его рассматриваю и перевожу взгляд, уткнувшись в учебник, делая вид, что занята изучением сложного правила, но на самом деле, просто жду, когда он выйдет, предоставив мне возможность привести себя в порядок.

— Больше не закрывай дверь и я не буду стучать.

— Может быть мне и в ванной дверь не закрывать? — цежу сквозь зубы, не в силах сдержать злость.

— В ванной тем более, — он опирается бедром о дверной косяк. — И я все ещё жду тебя, ужин остынет.

Не в силах сохранить спокойствие, наплевав на опухшие глаза, смотрю на него, желая донести своим взглядом, всю свою неприязнь, но натыкаюсь на профиль, изучающий древесный рисунок двери.

— Ты можешь подождать меня на кухне? — говорю спокойнее, но внутри все по-прежнему кипит.

Он переводит на меня взгляд, но смотрит как будто сквозь, и медленно отлепив тело от дверного проема — уходит.

На то, чтобы вернуть себе более-менее приличный вид уходит пару минут и я плетусь на кухню.

Алексей удивляет уровнем своих кулинарных способностей, когда ставит передо мной стейк из говядины с овощами, аромат которых сводит с ума. Желудок дает о себе знать и я понимаю, что очень голодна. Но я не спешу, ожидая когда мужчина тоже сядет за стол. Это наш первый совместный ужин и мой шанс показать свое воспитание.

Передо мной снова стоит бокал с сомнительной жижой зеленого цвета. Должно быть выражение моего лица говорит само за себя, потому что Алексей отпивает эту субстанцию.

— Я специально для тебя сделал, очень вкусно, — он протягивает мне бокал.

Пахнет фруктами и я решаюсь сделать глоток.

— Это смузи?

— А ты думала я отравить тебя пытаюсь?

Себе же он наливает красное вино.

— Ешь, — он не смотрит не меня, все его внимание обращено на стопку бумаг с графиками и цифрами.

Мясо тает во рту и кажется, что даже в самом дорогом ресторане Москвы не подают такого стейка, и мне тем более никогда так не научиться готовить.

— В воскресенье будет благотворительный вечер, ничего не планируй.

— Какой еще благотворительный вечер? — я отрываюсь от еды и тарашусь на мужчину, который по-прежнему занят изучением бумаг.

— Ежегодный благотворительный вечер, который организывает «СтройГрад». Будет много журналистов, представителей верхушки и ещё всякий сброд. От тебя требуется выписать чек на неприличную сумму и мило улыбаться.

— А вы не можете как-нибудь без меня?

— Нет, — Краснов впервые за весь вечер смотрит на меня. — Не переживай, я буду рядом.

Его слова должны были меня успокоить, но они напротив посеяли во мне панику. Я ни разу не была на светских тусовках, на которые обычно ходили мои родители, и понятия не имею как себя вести и что делать. Но сказать об этом Краснову будет бессмысленно, уверена, что единственное чего я добьюсь — это холодного взгляда.

Я собираю посуду после ужина и начинаю мыть тарелки, ощущая всем телом присутствие Краснова, который по-прежнему ковыряется в бумажках. Я слышу шелест бумаги и решаю, что это прекрасная возможность сообщить ему о своих планах на субботу.

— Я в субботу буду поздно, мы с Маринкой на день рождения пойдем, потом может быть у нее немного, — я не успеваю закончить предложение.

— Нет, — Краснов обрывает меня холодным отказом, а я даже не спрашивала, а просто говорила о своих планах.

— Почему? — я не поворачиваюсь к нему, продолжая мыть посуду. Я знаю, что пойду на день рождения несмотря на запреты, это уже дело принципа.

— Я сказал нет, причины тебя не должны волновать.

Смысла продолжать разговор нет, и, закончив с посудой, я направляюсь к себе в комнату, чтобы доделать уроки.

К большому сожалению Алексея Александровича, он сам начал войну о которой даже не подозревает и ему придется очень непросто.

Про двери Краснов не шутил, потому что когда я проснулась дверь в комнату была открыта настежь. Чтобы позлить мужчину я демонстративно хлопнула ей, собираясь переодеться, чтобы не засветить свое голое тело, но дверь с грохотом ударилась о стену, открываясь, давая возможность лицезреть Алексея Александровича в гневе. Ну наконец-то я могу различить хоть одну эмоцию на его лице.

— Лица, я сказал не закрывать дверь, — угроза слетает с его губ глубоким гортанным голосом и мне нравится это.

— А если я тут голая буду? — я складываю руки на груди и улыбаюсь с вызовом.

— Твоя комната самая последняя по коридору, при всем моем желании я тебя не увижу.

Слово не воробей... Я, цепляясь за сказанные им слова, уже знаю, как вывести его на новый уровень гнева.

— Так значит желание есть? — я начинаю расстегивать пуговицы на рубашке пижамы, наблюдая, как сжимаются его кулаки, а брови стремятся к переносице, но надо отдать должное, Краснов быстро берет себя в руки.

— Не позорься, милая. Тебе нечем меня удивить.

Слова, как пощечина и я готова уже послать его к черту, но он уходит раньше, чем я успеваю что-то сказать, скрывшись в темноте коридора.

— Урод.

Я роюсь в чемодане, пытаюсь отыскать свою мини-юбку, которая ждала своего особого случая. Она отлично подойдет для того, чтобы Краснов захлебнулся от злости. Я представляю его лицо, когда он увидит мои стройные ножки, обтянутые черной кожей, и хихикаю от предвкушения. Но юбки, как назло не оказывается в скудной кучке моих вещей. И я решаю, что нужно заехать в родительскую квартиру и забрать оставшиеся предметы гардероба. Так как у меня не было возможности самой собрать свои вещи, их привез Слава в мою первую ночь здесь. Хорошо, что он догадался взять косметичку.

Я достаю тушь и прокрашиваю ресницы, чего обычно не делаю. Мне досталась природная красота и я редко пользовалась косметикой, предпочитая просто ухаживать за кожей лица.

Когда я сажусь в машину, меня ждет неприятный сюрприз в виде Алексея, сидящего за рулем.

— Где Слава?

— Он отъехал по делам, я тебя отвезу в школу, а он — заберет.

На протяжении всего пути до гимназии Алексей разговаривал по телефону, он был недоволен общением с собеседником, потому что я замечала, как он с силой сжимал руль и несколько раз глубоко вздыхал, чтобы не сказать что-то резкое. Пару раз он бросал на меня взгляд через зеркало заднего вида и хмурил брови. И мне даже начало казаться, что речь идет обо мне. Но когда мы подъехали к гимназии он просто пожелал мне хорошего дня и уехал, стоило мне отойти от машины.

После уроков меня ждал Слава, облокотившись о капот белого внедорожника. На нем был серый свитер и джинсы, а не привычный мне черный костюм. На крыльце уже собрались девятиклассники и обсуждали парня, мечтательно брызжа слюной. Несмотря на то, что смотрелся Славик не хуже юных мажоров, которых я знала, выглядел он уставшим,

как будто всю ночь разгружал вагоны, и я решила поделиться этой мыслью с ним.

— Вам не стоит волноваться, — он улыбнулся и собирался открыть заднюю дверь, но я его остановила.

— Можно я поеду спереди?

— Конечно, — он открыл для меня переднюю дверь и помог залезть внутрь. Натягивая ремень безопасности, я заметила, что за нами наблюдали десятки пар девичьих глаз, с нескрываемой завистью, что гарантировало мне новые слухи.

— Почему машина другая? — я осматривала светлый салон БМВ. — Неужели Мерс дяди Леша сломался? — я притворно надула губки, как будто мне жаль имущество Краснова.

— Это моя, — гордо заявил парень, заводя двигатель, который тут же мягким урчанием отозвался по салону автомобиля.

Я с удивлением вытаращилась на парня и он искренне засмеялся, было видно, что ему приятна моя реакция.

— Сколько же тебе платит Краснов?

— Мне обязательно на этот вопрос отвечать?

— Можешь не отвечать.

От обычного водителя Вячеслава не осталось и следа, рядом со мной сидел уверенный в себе молодой парень, машина которого не спеша маневрировала по оживлённому проспекту. Даже его лицо казалось расслабленным и на мгновение можно даже забыть, что я его работа, представив, что мы друзья.

— Давай заедем ко мне домой? — мне тяжело дается этот вопрос, слова комом застревают в горле. — Мне надо кое-какие вещи собрать, — звучит тише.

Слава ничего не говорит, а молча ведет машину на другой конец города, к подъезду любимой сталинки, окна на третьем этаже которой больше не горят. Некоторое время я собираюсь с духом, чтобы переступить порог квартиры и просто смотрю на входную дверь.

— Если хотите, я сам могу забрать что нужно, а вы можете посидеть в машине, — предложение Славы очень заманчиво, но я вынуждена отказаться, потому что сама должна сделать это.

Когда я все таки прохожу внутрь, то сразу попадаю в плен родного запаха. В квартире пахнет так же, как в тот день, когда я последний раз была в ней. Вещи стоят на тех же местах, но везде чисто и нет никакого намека на отсутствие хозяев, как будто они вот-вот войдут, принося с собой запах декабрьского морозца.

— Здесь очень чисто, — я провожу пальцем по комоду в надежде увидеть пыль, которой нет.

— Алексей Александрович нанял человека, который следит за квартирой, — Слава не торопит меня, оставаясь позади топтаться на пороге.

Мне стоило бы поблагодарить Краснова, что заботится о моем доме, но делать я этого не стану, потому что владельцу холодны серых глаз будет плевать на мою благодарность. А его равнодушие только больше распалит во мне желание выводить его из себя.

Я быстро собираю вещи, чтобы не задерживаться и не терзать свою душу воспоминаниями. Проходя мимо родительской спальни, задерживаюсь на мгновение, не решаясь зайти внутрь и прогоняя наваждение, выхожу из квартиры.

Однажды мне придется вернуться сюда. Я много думала о том, что будет, когда мне исполнится восемнадцать и Краснов больше не будет мне опекуном. И мне сложно представить свою жизнь в полном одиночестве, где никто не будет рядом, даже формально.

— Если хотите, можем где-нибудь кофе попить, — Слава регулирует настройки климат-контроля, увеличивая подачу теплого воздуха мне в ноги.

— А дядя Леша ругаться не будет?

— На самом деле, это его идея, — после этих слов ни о каком кофе и речи быть не может.

— Я очень устала и хочу домой, — я посылаю ему мученическую улыбку и отворачиваюсь к окну, наблюдая за тем как мимо проплывает ночной город, окутанный сотнями огнями.

Все следующие дни в нашей ненастоящей семье началось временное перемирие, потому что мы не пересекались. Краснов пропадал на работе, появляясь дома глубокой ночью, а может и не на работе, но мысль о последнем, что он может быть с кем-то, сильно тревожит меня. И меня пугает мое нездоровое отношение к личной жизни Алексея. Я убеждаю себя, что мне должно быть плевать где он и с кем, потому что он чужой мне человек, но каждый раз, закрывая газа, не могу отделаться от мыслей, что он приятно проводит время, в то время как я сижу дома в гордом одиночестве. Я лежу в кровати и жду когда щелкнет дверной замок, встаю и хочу выйти в коридор чтобы спросить как прошел его день, но вовремя себя останавливаю и залажу под одеяло, напоминая себе, что мы не друзья. Сон накрывает меня ближе к рассвету, когда квартира погружается в тишину, поэтому в субботу я даю себе возможность отоспаться и просыпаюсь от настойчивого звонка. На экране мобильного имя подруги.

— Алло, — я отвечаю, не отрывая лица от подушки.

— Анжи, только не говори, что ты ещё спишь, — судя по звукам, раздающимся из динамика, подруга куда-то едет. — Я была в салоне красоты, мне сделали просто бомбическую укладку. Сбрасывай мне свой адрес, я приеду — накрашу тебя по человечески, а то ты опять стрелки криво нарисуешь.

— Зачем мне красится? — я отрываю свое тело от постели и плетусь на разведку в надежде, что в квартире нет ни одной живой души, кроме моей.

К моей большой радости — я одна.

— Анжи, ты прикалываешься? Мы на день рождения идем, а не к бабуле на чай. Так, скидывай адрес и жди меня.

Я отправляю подруге свою геолокацию, потому что даже не знаю адрес, и через полчаса Маринка уже изучает квартиру Краснова.

— Я думала квартирка побогаче будет, — Маринка достает свою огромную косметичку и приступает к макияжу.

У Марины точно был прирожденный талант, которым она грамотно пользовалась.

По моей просьбе она не стала делать яркий макияж, остановив свой выбор на нежном образе, который подчеркнул глубину моих карих глаз и накинул пару лет, превращая в молодую девушку, а не подростка шестнадцати лет.

— Кстати, — Маринка прошла по моим губам прозрачным блеском. — У тебя тоже скоро день рождения будет, что хочешь в качестве подарка?

— Ещё целых три месяца, — я отмахнулась от подруги. — Я не решила, что хочу.

Выпрямив волосы утюжком, натянув чулки, надела ту самую мини-юбку, которая подчеркнула мой упругий зад и белую блузку с высоким воротником и широкими рукавами в ретро-стиле.

— Надо сделать фоточку для Инсты, — Марина достала свой телефон и мы немного покривлялись перед зеркалом, чтобы сделать «горячие» фото. — Мои подписчики просто взорвут Директ, чтобы узнать твое имя. Когда ты уже регистрируешься? Даже у моей собаки есть Инстаграм.

— Мне это не интересно, — я закидываю ключи, телефон и наличку в сумку.

Краснов дал мне в пользование банковскую карту, которой я так ни разу и не

воспользовалась, тратя свои накопленные деньги. Это был ещё один протест его контролю. Очевидно, что оплачивая покупки банковской картой, он будет знать где я и что покупаю.

Прежде чем выйти из квартиры, я из окна осматриваю парковку перед домом в поисках знакомых автомобилей. Если окажется, что Слава дежурит под окнами, выйти незамеченными не получится. Но на парковке нет знакомых мне машин. Сердце бешено колотится, когда мы спускаемся на лифте, меня бросает то в жар, то в холод от мыслей, что я сбегаю, послушавшись Краснова. Но назад пути уже нет. Я должна отстаивать свое право на свободу и возможность проводить время с друзьями как хочу. Он не может запереть меня дома и думать, что я сложу ручки и буду покорно вязать ему носочки. Если ему можно приходить домой за полночь, почему мне нельзя?

Выйдя из такси, я замираю, изучая огромную вывеску названия ресторана и не могу пошевелиться. Ноги как будто приросли к промерзшему асфальту. И единственное, что вертится в моей голове: «Сука».

— Анжи, ты чего застыла? Там уже все собрались, — подруга тянет меня к стеклянным створкам дверей, но тело отказывается слушаться, оставаясь неподвижной статуей.

— Это ресторан Краснова, я не хочу туда идти, — сама судьба дает возможность уйти пока не поздно, обратиться от этого места подальше, вернуться в одинокую квартиру и сходить с ума.

Но у подруги другие планы.

— Что значит не хочу? В чем проблема? Ну, подумаешь, это его ресторан. Его тут не будет сто процентов.

Я с прищуром смотрела на подругу, слова которой все равно меня не успокоили.

— Анжи, ты сюда для чего ехала? Чтобы на улице мерзнуть или потусить, развеяться, утереть всем нос?

Мерзнуть на улице я действительно не собиралась, но и заходить внутрь было рискованно. Кто-то из персонала мог знать меня и сообщить Алексею о моем нахождении. Но с другой стороны, не этого ли я добивалась? Я хотела показать ему, что не боюсь его запретов и он не может мне запрещать. Глубоко вдохнув морозного воздуха, взяв себя в руки, шагнула вперед.

Раньше я никогда не была в «Туманном Альбионе» и была удивлена масштабами заведения. Несколько тематических зон, длинная барная стойка с дорогим алкоголем на стеклянных стеллажах, танцпол и вип-ложи.

День рождения Маркушенко праздновали в дальнем зале, оформленном в современном хай-тек стиле. Дима, увидев нас с Маринкой, обнажил ослепительную улыбку и двинулся навстречу. Дима был красивым парнем и умел расположить к себе, чем активно пользовался. Несмотря на свой юный возраст о его романах слагали легенды.

— Девушки, вы ослепительны, — он обнял Марину, которая действительно сияла как диско-шар в своем платье.

— Анжелика, — он кивнул мне, поскольку наши отношения не дотягивали до дружеских.

Так сложилось, что в школе популярностью я не пользовалась, спасибо моему характеру, не выделяясь из общей массы большинства. Маринка же была настолько общительна, что знала каждого в гимназии и с каждым могла найти общий язык. Её постоянно приглашали на вечеринки, встречи и гламурные мероприятия, а она в свою очередь таскала меня с собой в качестве +1.

— Миронова, ты что ли? — из-за спины Маркушенко выплыла звезда нашей гимназии Алёна, что б ей провалиться.

На ней было платье в пол с разрезом до середины бедра, волосы уложены в голливудскую волну, а на губах алая помада. Внешности девушки можно было только завидовать, копия Блейк Лайвли. Алёна Крупина была ученицей выпускного класса и пользовалась своей популярностью по полной программе. Ходили слухи, что она состоит в эскорт-агентстве и её видели со взрослыми мужчинами в дорогих ресторанах. Я привыкла не верить слухам, но поведение девушки и дорогие украшения на юном теле подсказывали, что слухи не врут.

— Алёеёёна, — я растянула её имя и натянула широкую улыбку.

— Я думала Димуля пошутил, когда сказал, что ты придешь, — тон девушки предвещал неприятную беседу. — Будешь забирать документы из гимназии?

— С чего ты так решила? — я непонимающе уставилась на нее.

— Ну, обучение в гимназии не бесплатное, а ты теперь сирота. Не думаю, что органы опеки потянут такие суммы.

Хотелось рассмеяться ей в лицо, но я лишь улыбнулась, радуясь, что никто не знает о моем опекунстве. И слухи о моем личном водителе не разрослись до катастрофического масштаба. Уверена, что это Краснов позаботился о своей репутации и смог не засветить свое прекрасное имя в моей короткой биографии.

— Милая, — я подошла к ней вплотную, чтобы мои слова не были услышаны посторонними людьми. — Мои органы опеки потянут и не такие суммы.

Отстранившись, послала ей сучью улыбку и взяв под руку Марину, направилась к гостям, занимающим свои места за столом.

Была ли я собой довольна? Нет. Следовало держать язык за зубами, а ещё лучше, не приходить на этот гнилой бал-маскарад. Оказавшись среди неприятных мне людей, я начала жалеть, что пришла сюда только что бы насолить Краснову. Получается, что плохо я сделала только себе.

Но блюда, подаваемые в «Туманном Альбионе» были шедевром гастрономии и я, вмиг обо всем забыла, окунаясь с головой в этот вечер, а точнее наслаждаясь прекрасной едой. За столом шла непринужденная беседа, парни обсуждали машины, предстоящие экзамены, а девчонки трепались о новых коллекциях известных кутюрье. Впервые за несколько недель я расслабилась и не думала о личных переживаниях и тревогах. Шеф-повар ресторана отключил мои мозги.

— Дима весь вечер с тебя глаз не сводит, — шепнула мне подруга.

Маркушенко действительно весь вечер бросал на меня взгляды а его лицо сияло лёгкой улыбкой. Но такие парни меня не привлекали. Несмотря на репутацию хорошего мальчика среди учителей, я знала, что он любитель крепкого алкоголя и травки. В его инстаграм-аккаунте подписчики каждые выходные могли лицезреть «культурное» времяпрепровождение. И даже сегодня, находясь в ресторане, оплаченном родителями, он не изменял себе, добавляя в бокал с колой виски из-под стола.

После десерта, мы с Маринкой вышли на танцпол, присоединившись к группе незнакомых девушек, отдаваясь власти музыки. Я двигалась в такт музыке, закрыв глаза. Хотелось остаться в этом моменте, забыв про все печали, стать перышком, качающимся в потоке воздуха.

На мои бедра легли руки и в нос ударил резкий аромат парфюма, смешанный с

алкоголем. Взглянув через плечо, встретила с затуманенными глазами Маркушенко. Он был пьян.

— Руки убери, — я продолжала танцевать, угрожающе взглянув на парня.

Но Дима не хотел меня слышать, потому что придвинулся ближе, покачиваясь в такт со мной. Мне было неприятно ощущать его рядом с собой, поэтому я старалась отойти, но его руки мертвой хваткой вцепились в мое тело.

— Может быть сбежим и поедим ко мне? Родителей нет дома, — его дыхание обожгло мое ухо, посылая рвотные позывы по телу. Я терпеть не могла пьяных парней, которые не понимают слова нет.

— Я сказала руки убери, — я перестаю танцевать, начиная злиться в первую очередь на себя, потому что в который раз ловлю себя на мысли, что не стоило приходить.

— Ты такая неприступная, — он улыбнулся и придвинулся ближе, врежаясь в меня своим телом. — Но так даже интереснее.

Через слои одежды, что нас разделяла, я отчетливо почувствовала его эрекцию и отшатнулась. Парень был не просто пьян, он был не в себе. На губах улыбка, а взгляд пустой. Оглядевшись поняла, что на нас никто не смотрит, все погружены в музыку и приставания Маркушенко не станут новой темой для сплетен.

— Мне пора, — я хотела сделать шаг в сторону, но застыла, поймав холодный серый взгляд. Сердце пропустило удар, второй, а ноги налились свинцом. Краснов стоял у входа в зал и смотрел прямо на меня, прожигая взглядом, который ничего не выражал, а рядом, накручивая светлые волосы на палец, вертелась Алёна. Девушка выставила свою грудь вперед и не сводила глаз с Краснова, который не отрывал взгляда от меня, заставляя сердце стучать с неистовой силой. И приятный вечер подошел к концу.

Схватив сумочку и пальто, подошла к Марине, которая танцевала, как в последний раз.

— Марин, я убегаю, Краснов здесь.

— Да ладно? — подруга ошарашенно выпучила глаза. — Он тебя видел?

— Да, — я обернулась, но Краснова в проходе не было, что давало мне возможность уйти из ресторана первой, взять такси и как можно скорее мчаться домой. — Я позвоню вечером.

Чмокнув подругу в щеку и избегая столкновения с Маркушенко, направилась к выходу из зала. Сердце стучало, как бешенное, отзываясь тупой болью под ребрами. От напряжения в попытках придумать убедительную отмазку для Краснова затылок сковала ноющая боль.

Мой побег проходил без свидетелей, даже официанты куда-то исчезли. Ресторан был пуст. Лишь из зала, где проходило празднование дня рождения Маркушенко доносились звуки музыки. Свернув в сторону туалета застыла, услышав стоны. Не отличаясь умом и чувством самосохранения, скинула обувь и на носочках двинулась на шум, характерный для занятия сексом.

Однажды мы с Мариной в целях расширения кругозора смотрели порно, но так и не поняли, в чем его практическая польза. И сейчас я чувствовала себя вуайеристом, внутри которого необъяснимое желание узнать, кто скрывается за дверьми уборной. К головной боли присоединился спазм, сжавший желудок и грозивший вернуть этому ресторану приготовленную пищу.

Мне однозначно будет стыдно за свой поступок, но пройти мимо — выше моих сил. Сквозь щель приоткрытой двери было прекрасно видно, как грудь Крупиной подпрыгивает при каждом новом толчке, в такт её стонам. Девушка сидела на столешнице раковины голая,

широко раскинув ноги, увенчанные красными туфлями. Платье лежало у ног, мать его, Краснова. Он стоял спиной к двери, отчего я хорошо видела в отражении зеркала его напряженное выражение лица и плотно закрытые глаза. Прикрыв рот ладонью, чтобы не издать ни звука, поняла, что по щекам текут слезы. Горечь обиды, смешанная с разочарованием выстрелила в мое нежное сердце, оставляя зияющую дыру. Нужно было уносить ноги, заставить себя уйти, но тело предательски не слушалось, вращаясь в холодный кафель. Я могла открыть дверь и прекратить этот кошмар, заставив их испытывать стыд, но я как замороженная стояла на месте, глотая слезы. Все мои самые страшные мысли о Краснове подтвердились, подтверждая мою наивность. Краснов, о котором говорили с восхищением и затаив дыхание, трахал восемнадцатилетнюю шлюшку в туалете ресторана, где праздновали день рождения школьники. Мой опекун, который словами и действиями дал понять, что не совершает опрометчивых поступков не закрыл дверь, подставляя свою репутацию под удар.

— Я сейчас кончу, — простонала Алёна, но мужчина остановился и схватив девушку за волосы стащил на пол, жестко опустив на колени. С её губ слетел всхлип вместе с моим. Его движения были грубыми и резкими и уверенными, как будто он проделывал это не единожды. Но Алёна не убегала и не звала на помощь, ей все это нравилось и она с восхищением смотрела на мужчину. Они так были поглощены процессом, что я осталась незамеченной.

На серый кафель упал презерватив. Большой палец мужчины надавил на подбородок, размыкая алые губы, чтобы погрузить в её рот член. Хорошо, что тело Краснова закрывало обзор, но я слышала, как девушка начала давиться и сопротивляться. Но мужчину это не останавливало, его движения стали резче и глубже. Он замер, закинув голову назад.

Через некоторое время, он скрылся в кабинке, предоставляя возможность взглянуть на Алёну, алая помада которой была размазана по лицу вместе со спермой и слезами. Не в силах наблюдать за униженным видом девушки я сорвалась с места и побежала к выходу, сжимая в руках обувь, так и не надев ее.

Вылетев из ресторана, врезалась в Славика, который подхватил меня, спасая от падения.

— Анжелика Андреевна, все в порядке? — во взгляде действительно беспокойство, но сейчас я слишком шокирована увиденным, чтобы выдавить из себя хоть слово. По щекам катятся горячие слезы, и я сдерживаюсь, чтобы не завывать от боли, разрывающей меня изнутри.

Я вырываюсь из крепких рук Вячеслава и бегу по заснеженному тротуару, поскользываясь и стремительно лечу вперед, но Славик подхватывает мое тело, предотвращая падение.

— Анжелика, что случилось? — он разворачивает меня лицом к себе, по-прежнему крепко удерживая, чтобы я не убежала. — Ты почему босиком? — он переводит взгляд на мои ноги и приподнимает мое тельце над землей, спасая пальцы ног от обморожения.

Он усаживает меня в машину, укрывая ноги пледом, захлопывает дверь и ставит машину на сигнализацию, блокируя все двери. Мое тело сотрясают рыдания стоит мне только вспомнить увиденное. Я теперь не смогу смотреть Краснову в глаза, потому что буду вспоминать, как он трахал Кручину. Эту картинку уже ничего не выжжет из моей памяти. И в том, что я стала свидетелем увиденного только моя вина.

Я заливаюсь смехом, осознав, что Краснов не хуже Маркушенко в желании удовлетворить мужскую нужду. Ни для кого не было секретом, что Алёна спит с Димой, а теперь еще и с Алексеем. Молодец девчонка — времени зря не теряет, не упускает ни одну

возможность подзаработать своим телом.

Моя истерика немного стихает, и я замечаю, как Краснов приближается к машине и все мое тело напрягается. Я не хочу, чтобы он меня видел в таком состоянии, потому что он сразу все поймет. Я подтягиваю колени к себе и вжимаюсь в сидение, ожидая, когда откроется дверь. Но мужчина останавливается в паре метров от автомобиля и о чем-то говорит со Славиком. Они быстро что-то обговаривают, и Краснов садится в припаркованную рядом машину. Я выдыхаю, но легче мне не становится, я уверена, что кровавая расправа только впереди и мой побег так просто мне с рук не сойдет.

Мы движемся за город, но меня накрывает безразличием. Мне все равно куда меня везут и что со мной будет. Слава всю дорогу молчит и даже не смотрит на меня через зеркало заднего вида. Мы едем около часа, но мне кажется, что прошла целая вечность, и когда мы сворачиваем на лесную дорогу, пробираясь вглубь соснового леса я думаю, что вот тут меня под сосенкой и закопают. Но мы въезжаем на территорию коттеджного поселка, бревенчатые домики которого поражают размерами. Не дома, а сказочные замки, окруженные заборами в едином стиле. И кажется, что это просто картинка на новогодней открытке.

Мы въезжаем на территорию одного из домов, и я понимаю, что это конечная остановка, но выходить не собираюсь. Я лучше проведу ночь в машине, чем встречу лицом к лицу с опекуном.

Слава выходит из машины и скрывается в доме, и мне становится спокойнее от того, что меня никто не трогает ровно до того момента, как пассажирскую дверь с моей стороны открывает Краснов. Сердце набирает обороты и стремится выпрыгнуть из груди.

Мужчина наклоняется ко мне, и я дергаюсь, отодвигаясь подальше. Это происходит само собой, я не успеваю подумать о том, как это выглядит со стороны и что он может подумать. Но ему, кажется, плевать.

Он хватает меня за лодыжку и тянет на себя. Инстинкты кричат, что нужно сопротивляться, но я объективно понимаю, что ничего не смогу сделать, даже если сейчас вырвусь и побегу. Он догонит и проблем будет ещё больше.

Я не знаю, что от него ждала, но точно не того, что он возьмет меня на руки и понесет в дом. Его руки крепко держат мое хрупкое тельце, и он уверенно шагает к крыльцу. Моя блузка задралась, и я чувствую его пальцы на моей голой коже. Там, где он касается моей кожи все горит, и я не могу думать ни о чем другом, только о его руках на моем теле. Мне кажется это слишком интимным и кровь приливает к щекам. Сознание настолько измученно событиями сегодняшнего дня, что я теряю рассудок и думаю не в том направлении. Краснов ставит меня в центре гостиной, освещаемой только одним торшером в углу комнаты. Я поспешно поправляю задравшуюся юбку и собираюсь рухнуть в кресло, но мужчина не дает мне этого сделать.

— Стой на месте, — говорит он, грубо стаскивая с меня куртку и бросает ее в кресло, внимательно изучая мой внешний вид. Под его пристальным взглядом я чувствую, как тело начинает гореть. Я скрещиваю руки на груди в попытке закрыться. Мне интересно, о чем он думает и догадался ли, что я подсматривала за ними в туалете?!

Я, затаив дыхание, наблюдаю как он снимает пальто и ослабляет галстук на шее, расстегивая верхние пуговицы, и ожидаю своей печальной участи. Я вижу, как он напряжен и кажется, таким еще никогда не видела.

— Я скоро приду, — он направляется к лестнице на второй этаж. — А ты стой где стоишь и не двигайся, — это звучит, как предупреждение о чем-то очень плохом. И я, совершившая не одну ошибку сегодня, не хочу знать, где находится грань терпения Краснова.

Оставшись наедине с собой мне кажется, что ничего страшного не случилось, что меня не за что наказывать или ругать. Но приказ Алексея стоять и не двигаться уже похож на наказание. Через несколько минут неподвижного пребывания на холодном полу ноги начала

сковывать ноющая боль и мне ничего не остается, как отвлечься и рассматривать интерьер. Когда я рассматриваю люстру, висящую у меня над головой, возвращается Алексей.

— Ничего себе, ты все стоишь, — он наигранно удивляется и садится в кресло напротив меня, в его руке я замечаю стакан с темной жидкостью, подозревая, что это алкоголь. — У тебя отлично получается меня слушаться.

Мужчина переделся в домашнюю одежду и по капелькам воды, стекающим с его волос, я догадываюсь, что он был в душе, пока все это время я стояла и пялилась в потолок. И его слова подталкивают меня к мысли, что это должно быть мне уроком. А следующие слова мужчины это подтверждают.

— Я велел тебе стоять, и ты стоишь. Ты сказала, что пойдешь на день рождения, я сказал тебе нет. Что тебе было не понятно? — когда он говорит весь его вид выражает спокойствие, но я замечаю с какой силой он сжимает бокал, понимая, что он на грани.

Я молчу, уставившись на стену позади мужчины, чувствуя, как подступают слезы, готовые вырваться в любой миг.

— Я не слышу ответ на свой вопрос, — он поддается вперед и смотрит прямо в мои глаза, или мне так кажется, потому что я ничего не вижу перед собой из-за пелены собирающихся слез.

Стакан с грохотом оказывается на поверхности журнального столика, и я вздрагиваю от неожиданности. Я думала, что уже все выплакала и словно пустыня Сахара не способна разводиться сырость. Но я ошиблась. Слезы, скатываясь по щекам, по шее, заползли на мою грудь, оставляя мокрые следы на белом шифоне.

— Твой отец говорил, что ты послушный ребенок, — говоря это, он знал какой эффект окажут слова. — Но я вижу, что это не так. Придется тебя научить слушаться с первого раза, — я не хотела его слушать, потому что это было очень жестоко.

Мужчина залпом прикончил свой напиток и некоторое время смотрел куда-то в пол, в то время как я захлебывалась своими слезами.

— Снимай юбку, — он сказал это уверенно, не поднимая на меня взгляда.

Все клеточки моего тела парализовало и я, не поверив своим ушам, перестала дышать. Лучше бы он меня разочек ударил, чем так унижал.

— Не буду, — прозвучало жалко, но лучше так, чем стоять и молчать. — Я не одна из твоих проституток, чтобы раздеваться по твоей прихоти.

Мужчина засмеялся, откинувшись в кресле.

— Милая, поверь, ты ещё слишком маленькая, чтобы мне нравилось наблюдать за тем, как ты раздеваешься. Дело в самой юбке, она просто отвратительная, — он встал, обходя журнальный столик и оказываясь совсем рядом. — И ты опять не хочешь слушаться.

Мне не страшно, но тело сотрясает мелкая дрожь, когда я думаю о том, что Краснов будет лично стягивать с меня одежду. Я прикрываю глаза и жду, потому что сама ни за что не буду снимать юбку. Это унижительно и стыдно признавать, но я хочу, чтобы он сам её снял. Мои желания противоречат здравому смыслу и логике, но мне сложно контролировать распаленное сознание, когда Краснов так близко. Мне даже больно дышать, вдыхая его неповторимый аромат. Присутствие Алексея действует на меня, как алкоголь, я вмиг забываю, что между нами война и я должна сопротивляться.

Я слышу, как раскрылся складной нож, но глаза не открываю, потому что чувствую, как лезвие скользит вдоль моего тела, разрезая ткань юбки. Она мягко падает к моим ногам, и я понимаю, что это была еще одна ошибка, совершив которую мы оба переступили черту. Мне

это нравится и пугает. Я знаю, что блузка достаточно длинная, чтобы скрыть мое нижнее белье, поэтому не стесняюсь своих оголенных ног.

Стоит мне только разлепить веки, я попадаю в плен серых глаз. Алексей не отрываясь смотрит на меня, и я хочу сохранить этот момент в памяти, потому что чувствую, как пульс участился и сбилось дыхание. Я не понимаю, что к нему испытываю и как все это можно объяснить. Между нами почти нет расстояния и если я поддамся вперед, то смогу коснуться его губ. Кажется, что я под действием сильных транквилизаторов и не понимаю, что происходит, забывая, что несколько минут назад он ранил меня словами, а несколько часов назад занимался сексом на моих глазах. Но вся эта иллюзия снова растворяется в жестокой реальности.

— Ты больше никогда не увидишь своих друзей, — он говорит это прямо мне в глаза, окончательно уничтожая надежду на нормальные отношения, и который раз доказывая мне, что я ошибаюсь в людях.

Я до последнего жду, что он засмеется и скажет, что это шутка, но он молчит.

— Что? — мой голос осип и похож на писк.

— Они плохая компания для тебя, особенно Маркушенко Дмитрий.

— Не тебе решать с кем мне общаться, — я ударяю его в грудь, но он не сдвинулся ни на миллиметр, продолжая грозно возвышаться надо мной.

Он был прав по поводу Маркушенко и мог запретить общаться только с ним, а не обобщать и приписывать Маринку в черный список. Видимо всезнающий Краснов забыл уточнить, кто мои друзья и решил полностью лишить меня общения с людьми, заперев в лесной избушке.

— Это для него ты так вырядилась? — он по-прежнему смотрит прямо мне в глаза и его слова, как яд, отравляют все внутри.

— Я тебя ненавижу, — слова вылетают сквозь зубы раньше, чем я смогла обдумать их.

— Прекрасно, именно этого я и ждал от тебя, — он ухмыляется и добавляет. — Твоя комната наверху, последняя по коридору. И не закрывай дверь, хочу слышать, как ты плачешь.

— Ублюдок, — я подбираю остатки юбки с пола, но он резко выхватывает её.

— Это я сожгу.

Он наблюдает, как я поднимаюсь по лестнице, громко топая ногами в надежде провалиться вместе с этой лестницей и могу поклясться, что его взгляд прикован к моей заднице. Хорошо, что мне уже плевать.

Комната маленькая и в ней только кровать с тумбочками и комод, ящики которого пустые. Я понимаю, что из одежды у меня осталась только блузка, пропитанная моими слезами с остатками туши. Я хочу позвонить Марине, но понимаю, что телефон остался в сумочке, забытой в машине и бежать на улицу в трусах будет безрассудно.

Я чувствую себя опустошенной, как будто из меня высосали все человеческие эмоции. Мне даже некому пожаловаться на свою нелегкую судьбу. Но как бы тяжело мне не было, Краснов не дождетя моих слез. Сложно поверить, что отец выбрал его в качестве опекуна для меня, если только не хотел усложнить мое взросление, заставив пройти все круги ада.

В голове рой бессвязных мыслей, а на душе камень, который тянет меня на дно. И мне ничего не остается, как забраться под одеяло и погрузиться в сон.

Глава 8

— Мне плевать сколько это будет стоить, я тебе тысячу раз это говорил, — кажется, что Краснов орет мне в самое ухо, но, когда мне удастся открыть глаза, я понимаю, что это доносится с первого этажа. — Если мы не выиграем этот чертов тендер, я лично закопаю тебя в котловане.

Голова раскалывается и при малейшем движении давление внутри черепушки только нарастает. Все тело ломит, а першение в горле сигнализирует о том, что я заболела. Нужно будет принять противовирусные.

У изножья кровати лежит халат и свежее нижнее белье, я могла бы выбросить их в окно, но чувствую себя отвратительно, чтобы вступать с Красновым в схватку с самого утра. Думаю, надо приберечь силы до вечера.

Горячий душ приносит облегчение, и головная боль притупляется. Затянув потуже пояс халата, спускаюсь на первый этаж, где в гостиной, под истошные ругательства Краснова, спит Славик. Чтобы не разбудить парня, двигаюсь на носочках, беззвучно проникаю на кухню. На обеденном столе разбросана куча бумаг, а Краснов разговаривает по телефону, глядя в окно, и, кажется, не замечает моего появления. Любопытство берет надо мной верх, и я беру бумажку, лежавшую посередине хаоса.

— Положи где взяла, — мужчина даже не повернулся, сказав это, но я знаю, что это адресовано мне.

Краснов сказал — я не сделала. Как обычно. Вчитываясь в содержание документа, я понимаю, что это бухгалтерский отчет, и судя по припискам от руки, он не сходится.

— Ты меня слышишь? — мужчина резко выхватывает у меня из рук бумагу. — Не трогай, ты все равно ничего не понимаешь.

Его слова ранят, становится понятно, что он считает меня глупой девчонкой.

Он раздражен и не смотрит на меня, избегая зрительного контакта. Мужчина поспешно собирает документы, закрывает крышку ноутбука и выходит, бросив мне через плечо:

— Сейчас приедет визажист, встретить его сама. Я занят.

Я вспоминаю, что он говорил мне про благотворительный вечер и мое настроение опускается ниже минимума. Я чувствую его холодность и отстраненность, как будто вчерашний вечер встал между нами стеной. Мне должно быть наплевать, но я не могу заставить себя ненавидеть Краснова или хотя бы ничего не чувствовать к нему. Мне сложно понять, что он значит для меня, как мне относится к нему, как вести себя в его присутствии. И мне даже не у кого спросить совета.

Стоило только Краснову скрыться на втором этаже, как в дверь постучали и через мгновение через порог переступил мужчина в валенках Гуччи.

— Мама Мия! А вот и наша красавица! — он сгреб меня в объятия и расцеловал в обе щеки. — Копия Юля.

Я понимаю, что речь идет о моей маме, значит он знал её.

— Вы кто? — я начинаю подозревать, что это и есть мой визажист, судя по модным валенкам и шлейфу яркого парфюма, но нужно знать наверняка.

— Я Пабло, прямиком из Парижа, сделаю из тебя настоящую конфетку, — он подмигивает мне и по-хозяйски проходит вглубь дома.

Слава, проснувшийся от шума, не был удивлен появлению Пабло. Некоторое время я

находилась в прострации, неготовая к хлопотам. По телу разлилась слабость, требующая срочно отправиться в кровать и забыться в крепком сне. Но мое тельце усадили в кресло и все завертелось, Пабло возился с моими волосами, собирая их в высокую прическу, затем приступил к макияжу. Когда я была собрана талантливыми руками мужчины, то была удивлена преображению. Макияж накинул мне пару лет и мой возраст могла выдать лишь плоская фигура.

— Них..., - Слава осекся, когда увидел меня, что вызвало у меня улыбку. Это лучшая реакция из тех, которая могла быть. — Я тут одежду принес.

Парень положил на диван бархатную коробку. Внутри оказалось роскошное нежно-розовое фатиновое платье с отделкой из бисера и страз длиной в пол. Интересно, Краснов сам выбирал? Нет, не нужно об этом думать, это не важно.

— Ты просто ангел, — говорит Пабло и начинает собирать свои инструменты.

Я должна чувствовать предвкушение вечера, но все что я чувствую, это печаль. Мои родители не смогут увидеть какая я красивая, не возьмут за руку, и мы не разделим счастливые мгновения вместе.

После того как я полностью собрана: на ногах туфли на шпильке, в руках сумочка, на плечах полушубок, Краснов спускается в черном смокинге, по-прежнему избегая меня взглядом. Я надеюсь услышать комплимент по поводу моего внешнего вида или хотя бы увидеть одобрителный кивок, но он проходит мимо, разговаривает лишь со Славой по поводу нашего маршрута и что он поедет на своей машине.

Слава помогает добраться до машины, удерживая меня под руку, чтобы я не поскользнулась в то время, как Краснов с буксом выезжает за ворота дома.

— Он злится?

— Почему бы вам самой не спросить у него? — Славик улыбается мне, открывая пассажирскую дверь, но я не спешу садиться.

— Он не захочет со мной разговаривать.

— Откуда столько уверенности в этом?

Мы подъезжаем к какому-то загородному клубу, территория которого освещена сотнями огнями, создавая праздничную атмосферу. Когда машина останавливается у входа, пассажирская дверь открывается, и Алексей протягивает мне руку. Я немного торможу, пялясь на мужчину, как будто он мне причудился, но потом нахожу в себе смелось вложить в раскрытую ладонь свою. Мужчина крепко держал меня, пока я перебирала своими ножками по заледенелому асфальту до дверей. Стоило только нам оказаться внутри, как он отпустил меня и отстранился на пол метра, разрушая трепет в моей груди.

Зал, где проходило мероприятие был фантастически оформлен. С потолка свисали цветочные композиции и сотни маленьких лампочек, отражавшихся в глянцевой поверхности пола. Фуршетные столы ломились от закусок и напитков. Мужчины были одеты в смокинги, праздничные костюмы, а сопровождающие их дамы в вечерние наряды.

Краснов представлял меня разным людям, как дочь Андрея Миронова, никак не обозначая наши с ним отношения. Меня приветствовали с улыбкой, осыпали комплиментами и желали всего самого лучшего в наступающем новом году, а я изредка бросала взгляд на мужчину, лицо которого не выражало, как обычно, никаких эмоций.

После того, как я закинула в себя пару закусок, чтобы не пугать людей урчанием желудка, меня вновь начали представлять важным шишкам города.

Из глубины зала к нам шел солидный мужчина с проседью на висках, под руку с ним

шла Алёна Крупина, в белоснежном платье и неизменной алой помадой на губах. Сердце пропустило удар. Когда она помахала нам рукой, или не нам, а персонально Краснову, сердце пропустило ещё один удар. Желудок сжался в спазме от воспоминаний о недавних событиях, и я готова была сорваться на бегство, только не встречаться лицом к лицу с юной соблазнительницей.

Мужчина, поцеловав мою руку, тем самым вызвав новый приступ отвращения, кивнул Краснову.

— Лица, это Сергей Куприн, — сказал мне Алексей, слегка наклонившись к моему уху.

— А это моя дочь, Алёна, — мужчина представил и так известную нам девушку, которая в это время пожирала глазами моего опекуна.

— Мы знакомы с Алёной, — я постаралась натянуть милую улыбку, мысленно придушивая блондинку. — Вместе учимся.

— Как прекрасно, — мужчина собирался ещё что-то сказать, но зазвонивший мобильник, заставил его отойти, оставляя Алёну наедине с нами.

Девушка явно не скрывала своего интереса к Краснову и всем своим видом демонстрировала желание еще разок провести с ним время. Её платье открывало шикарный вид на ложбинку упругой груди, в то время как моё полностью закрывало все важные участки тела, не давая и шанса на конкуренцию. Да и о какой конкуренции может идти речь, если я проигрываю ей по всем фронтам.

— Приветик, — сказала она, положив руку на бедро. — Я никак не могу забыть нашу последнюю встречу...

Она не успела договорить, потому что Краснов схватил её за локоть и поволок к выходу из зала, в сторону коридора. Со стороны это выглядело как будто они просто идут под руки. Некоторое время я стояла на месте, давая им возможность отойти на достаточное расстояние, не переставая удерживать спину Краснову глазами. Когда они скрылись за углом зала, в темноте коридора, ведущего к комнатам отдыха, я, подхватив свою пышную юбку, двинулась за ними.

Подслушивать и подсматривать становится моей плохой привычкой, но я не могу с собой ничего поделать, оставаясь в неведении.

Я пересекаю зал и останавливаюсь у коридора, прислонившись спиной к стене, прислушиваясь к разговору, чтобы меня не заметили. Из зала меня не видно, потому что этот угол скрывает большая колонна и я спокойна, что никто не станет свидетелем моего постыдного поступка.

Сердце вот-вот вырвется из груди, но я не могу спокойно ждать в стороне, оставив этих двоих наедине.

Я не могу видеть, что происходит в тусклом свете коридора, но я слышу, о чем они говорят. К сожалению, я не успела к началу разговора, поэтому становлюсь невидимым свидетелем диалога в самом разгаре.

— Нет, — голос Краснова холоден.

— Но нам было хорошо, — Алёна стонет шепотом, раскрывая всю свою сексуальность.

— Я сказал нет.

— Я только и думаю о тебе...

— Придется забыть. Ты оказала мне услугу, я тебе хорошо заплатил, как и полагается. Я тебе ничего не обещал. Я предупреждал, что это секс без обязательств, мне казалось, ты приняла правила игры. И если ты не хочешь, чтобы твой папочка узнал, где ты берешь

деньги на дорогие шмотки, тебе придется забыть, как меня зовут и все, что между нами было, в том числе и этот разговор.

Девушка притихла и я, затаив дыхание ждала её реакцию, но вместо этого из-за угла бесшумно вышел мужчина, наткнувшись на меня.

— Твою мать, — он выругался и отлепив меня от стены, придерживая за талию повел к сцене.

Меня потрясывало от предвкушения наказания за то, что я подслушала их разговор. Но Краснов ничего не говорил, и выглядел спокойным, как будто не спалил меня. Но я уже успела понять, что мужчина отлично умеет маскировать свои эмоции и никогда нельзя наверняка знать, как он поступит в тот или иной момент.

Краснов взял в руки микрофон и все также удерживая меня за талию начал свою речь.

— Уважаемые гости, мы рады видеть вас на сегодняшнем благотворительном вечере. Я рад приветствовать новую главу компании — Анжелику Андреевну, которая, как я надеюсь, сможет продолжить дело своего отца, оправдывая его надежды. От лица Анжелики Андреевны я благодарен каждому, кто внес пожертвования в фонд и хочу пожелать вам приятного вечера.

Прозвучали аплодисменты. Официант подал Алексею бокал шампанского, он поднял бокал, как и другие гости и залпом осушил содержимое, не переставая удерживать меня возле себя. Я старалась мило улыбаться, но уверена, что улыбка выглядела неестественно.

После серий фото с гостями, Алексей, крепко держа меня за талию, отчего кожа на теле горела, повел меня к выходу.

— Мы уходим? — спросила я, когда мужчина накинул на мои плечи полушубок.

— Мне надо покурить, я не могу оставить тебя без присмотра.

— Ты куришь?

Взяв меня за руку, удерживая от падения, мы направились за угол здания, подальше от посторонних глаз.

Глубоко затянувшись, мужчина выпустил столб дыма в морозное небо.

— Пятнадцать лет не курил.

— Ты злишься? — я спрашиваю, пока не успела передумать, обдумывая свои слова.

— Очень, — говорит он, делая очередную затяжку, — Если бы я знал, что будет так, не возвращался бы в Россию.

— Как так?

— Сложно. А с тобой ещё сложнее, — он смотрит прямо мне в глаза и мне кажется, что он снял маску безразличия, потому что его взгляд другой, не как обычно.

— Почему отец именно тебя выбрал опекуном?

— Если бы я знал, — мужчина тушит сигарету и отводит глаза.

— Ты знаешь, — я беру его на понт. — Скажи.

Он делает глубокий вздох.

— Мы были сослуживцами. Воевали в Чечне, он закрыл меня от пули, получив ее в плечо. Я дал слово, что когда-нибудь сделаю для него все, что будет нужно, — я вижу, что ему тяжело говорить. — Он позвонил мне примерно за два месяца до аварии. Сказал, что переписал завещание и просил в случае его смерти прилететь в Москву. И я прилетел.

Его слова подтверждали теорию о том, что смерть родителей не несчастный случай, а спланированное убийство и мой отец чувствовал, что его жизни угрожают.

— Почему полиция ничего не делает? — спрашиваю я шепотом.

— Нет улик. Но ты не должна об этом думать.

— Не думать?

— Лика, я обещал твоему отцу, что ты будешь в безопасности. Если твоих родителей действительно убили, то я найду виновных. Веришь мне?

Я боюсь расплакаться, поэтому просто киваю.

Мы возвращаемся в теплое помещение спустя некоторое время, и я понимаю, что ноги в дурацких туфлях заledenели от пребывания на морозе, но сказать об этом не решаюсь, боясь получить по голове за то, что не сказала об этом раньше. Мы не возвращаемся к гостям, Алексей передает координатору мероприятия, что мы уезжаем и подхватив меня под руку, ведет к выходу. И снова морозный воздух ударяет по моим легким.

— Кто придумал туфли на шпильках? — я ворчу, стараясь успевать за быстрым шагом мужчины.

Я умела ходить на высоких каблуках, но жизнь меня не готовила к забегу на шпильках, тем более зимой. Летом я могла бы их просто снять, но перспектива гулять босиком, по заледенелым дорожкам, не радостная. Тем более я уже успела в этом году побегать в одних чулках по снегу, так что норма выполнена.

Алексей, тяжело вздохнув, подхватывает меня на руки.

— Чего глаза вытаращила? — говорит он, шагая в сторону парковки с моим тельцем на руках. — Ты либо упадешь, либо ноги сломаешь.

Невозможно отрицать то, что мне нравится находится в его руках, наслаждаясь ароматом его парфюма, рассматривая мелкие морщинки, собравшиеся вокруг его глаз. И я, как зачарованная смотрю на него, несмотря на то, что еще вчера вечером он вел себя как ненормальный псих. Я-то себя знаю, и не позволю ему взять полный контроль над своей жизнью, как бы он этого не хотел. За свою свободу я ещё повоюю, а пока можно насладиться хрупким миром.

Алексей заводит двигатель автомобиля и включает обогрев на полную мощность, направляя потоки воздуха мне в ноги. Я сдерживаю улыбку, поджимая губы, от этого незначительного жеста заботы.

— Ты пил шампанское и поедешь за рулем?

— Все время забываю, что в России другие нормы, — он ухмыляется и выезжает со стоянки, заметив мой недоумевающий взгляд, поясняет. — В Англии выпитый бокал шампанского не станет препятствием для поездки за рулем.

— А где Слава?

— Отправил домой, около часа назад. Ему тоже нужно отдохнуть.

А у Краснова, оказывается, действительно есть что-то вроде сердца, но это не точно. Или это все-таки холодный расчет, чтобы Славик не уволился после нескончаемых ненормированных рабочих дней.

— Вы были друзьями с моим папой? — спрашиваю я, когда мы уже мчимся по трассе.

— Мы с твоим отцом выросли в одном дворе. Он был меня старше на пару лет, поэтому относился, как к младшему брату, и когда мы попали в Чечню, то присматривал, как в детстве. Я был очень молод, мне было восемнадцать. Это были сложные времена, — Алексей на мгновение замолкает, ему тяжело говорить от нахлынувших воспоминаний. — Мы попали под обстрел, и твой отец меня закрыл собой. И в тот же день, в госпитале, ему сообщили, что у него родилась дочь. По состоянию здоровья, его отправили домой, и в следующий раз мы встретились уже спустя несколько лет. Потом я переехал в Лондон и потихоньку общение сошло на нет. Но я всегда считал его своим другом.

— Отец никогда не рассказывал мне о появлении шрама на плече, — я опускаю глаза,

потому что слезы начинают подступать к горлу.

Но вопрос, почему отец выбрал именно Алексея в качестве опекуна для меня, остается не решенным. Если они не общались последние годы и Краснов жил в Лондоне, почему бы не найти кого-то поближе. Подсознание не перестает подкидывать мне мысль, что это не просто так.

— А что там с бухгалтерским отчетом? — спрашиваю я, чтобы удовлетворить свое любопытство и показать ему, что я не глупая девчонка, и что-то понимаю во взрослых делах.

Алексей, кажется, не удивлен, потому что спокойно отвечает на мой вопрос:

— Кто-то в компании выводит деньги на счета подставных организаций-однодневок, объемы незначительные, но в случае налоговой проверки, могут возникнуть большие проблемы. Я уже решаю эту проблему, поэтому можешь не волноваться.

Мы едем в полной тишине и мне хочется еще что-то спросить, чтобы продолжить наш диалог, который мне так нужен. Но все, что меня интересует может привести к новой ссоре и разрушить, как мне кажется, наладившиеся отношения.

— Лика, — Алексей бросает на меня серьезный взгляд, заставляя сердце биться в два раза быстрее. — Мы должны с тобой кое-что прояснить.

Я замираю, не в состоянии сделать вдох.

— Что? — голос тихий, и едва различим.

— Ты подслушала мой разговор с Крупиной сегодня, — я понимаю к чему он ведет и кровь ударяет в голову, разливаясь жаром в затылке. — Есть что-то ещё, чему ты стала свидетельницей?

Он знает. Нет сомнений, он знает, что я подсматривала за ними в туалете. Но и мне глупо было надеется, что это скроется от Краснова, стоит только вспомнить мое поведение, когда я вылетела босиком из ресторана, сразу все встанет на свои места. Но и он прямо об этом не говорит, задавая мне вопрос. Что он ждет от меня?! Что я сама об этом расскажу?! Почему нельзя просто забыть об этом, не тревожить нервы воспоминаниями. Но Краснов, как будто чувствует «нужный» момент, чтобы напомнить мне, что между нами пропасть длиной в жизнь.

— Нет, — я не смотрю на него, потому что глаза предатели, выдадут меня.

— Маленькая лгунья.

— Неужели тебе так важно это услышать? — я поворачиваюсь к нему, ловя на себе его взгляд. — Да, я видела, всё видела, это что-то меняет?

Я готова расплакаться, но заставляю себя держаться, чтобы в очередной раз не обнажать свои чувства перед мужчиной. Я уже нарушила свое слово не плакать перед ним, и если ещё раз покажу свои слезы, то непременно заслужу репутацию истерички.

— Прости, — он говорит это искренне, и для меня слышать слова извинений неожиданно. — Ты не должна была это видеть.

Весь путь до коттеджного поселка мы проводим в тишине, и лишь подъезжая к воротам дома, я вспоминаю про свой мобильный телефон.

— А где мой мобильник?

— В доме, Слава принес утром.

Телефон, как и сумочку, я обнаруживаю в своей комнате. У комода стоит дорожная сумка с некоторыми моими вещами. И когда они все успевают организовать, даже не спросив моего мнения. Все это напоминает коматозный сон, где меня волочат из одного места в другое против моей воли.

Мобильник оказывается разряжен в ноль и мне приходится некоторое время ждать, прежде чем он включается на зарядке.

Несколько пропущенных от Маринки и Маркушенко, но перезванивать парню я точно не буду.

Я открываю сообщения от подруги, которая явно переживает из-за того, что не может до меня дозвониться. Несмотря на то, что время за полночь, я набираю номер Марины.

Спустя несколько гудков, на другом конце я слышу сонный голос подруги.

— Ты жива?

— Все нормально, мы уехали за город, здесь связь плохая, — вру я, чтобы не волновать подругу и не вдаваться в подробности.

— А я уже решила, что он тебя убил, — она смеется. — Димасик мне весь мозг склевал расспросами о тебе.

— Можешь сказать ему, что у него нет шансов.

— Ты завтра будешь на занятиях? Или тебя под домашний арест посадили?

— Эх, Маринка, — я вздыхаю, замечая из окна фигуру Краснова, который смотрит на меня, делая очередную затяжку. — Все сложно.

— Держи в курсе, не пропадай, — говорит подруга, зевая.

Я заканчиваю разговор и с трудом заставляю себя оторваться взглядом от фигуры мужчины, шагая в ванную, чтобы смыть косметику и лечь спать.

Глава 10

Открывая глаза, кажется, что я на корабле, качающемся на крутых волнах в шторм, понимаю, что голова кружится так сильно, как никогда еще не кружилась. Конечности с трудом слушаются меня, когда я на ходу пытаюсь запахнуть халат поверх ночной сорочки. В горле сухой ком, отчего тяжело дышать и мне срочно нужен стакан воды, а путь на кухню осложнен лестницей, с которой мне нужно спуститься, а не скатиться. Я двигаюсь медленно, чтобы не спровоцировать резкими движениями приступ головной боли. Тело настолько слабо, что я держусь за стену, чтобы не упасть. Вот и аукнулись мне мои босые ноги.

Спуск по лестнице занимает в разы больше времени и отнимает все мои силы. Ступив на паркет первого этажа, чувствую, что больше не могу сделать и шагу, опускаясь на пол. Силы покидают меня, и я теряю сознание.

Как хорошо ничего не чувствовать, пребывая в глухой темноте и тишине. Так ощущают себя люди, когда умирают? Или они вообще ничего не ощущают, растворяясь в полном забвении?

Мое бессознательное тело обнаруживает Краснов, возвращаясь из магазина, пуская в дом холодный воздух, стелющийся по полу. Я чувствую, как его холодные руки ощупывают моё горячее тело, и он зовет меня по имени. Я слышу его голос словно через толщу воды, не в силах разлепить глаза. Он поднимает меня на руки и распаленной кожей я ощущаю колючую ткань его пальто. Сколько раз он успел пожалеть, что стал моим опекуном?

Меня укладывают в постель, и я снова проваливаюсь в полную тишину.

Мои ноги ступают по мокрой траве, она приятно щекочет мои ступни, и я смеюсь. Приятно ощущать голой кожей прохладу земли, утопая ногами в сочной зелени поля. На холме возвышается огромный дуб, с ветвей которого свисают качели. На качелях я вижу родителей, они машут мне руками, и я как сумасшедшая бегу к ним навстречу. Вбегая на холм, мне не хватает воздуха, и я начинаю задыхаться, но преодолев препятствие, мне удается отдышаться, и я утопаю в крепких объятиях родителей.

— Лица, что ты тут делаешь? — мама обеспокоенно смотрит мне в глаза, удерживая в ладонях мое лицо. — Ты одна? — она смотрит мне за спину, пытаясь отыскать кого-то глазами.

— Конечно одна, — я утыкаюсь лицом в ее шею, как делала обычно, вдыхая родной аромат, который почему-то сейчас совсем другой. В нос вместо привычного аромата ванили, ударяют древесные нотки, что-то болезненно напоминающие, но я не могу понять что.

— Лица, — мама отрывает меня от своего тела. — Ты должна вернуться назад.

— Что ты такое говоришь?

— Мама права, — рука отца гладит меня по голове. — Ты не должна здесь быть.

Мама снова смотрит за мою спину, ища кого-то взглядом. Я оборачиваюсь, замечая знакомую фигуру. Высокий мужчина в черном костюме неподвижно стоит где-то вдалеке, но я не могу разглядеть его лица, испытывая стойкое ощущение, что мы знакомы.

— Кто это? — спрашиваю я, поворачиваясь к маме.

На её лице сияет улыбка.

— Он заберет тебя обратно.

— Что? Зачем? — я мотаю головой, не желая расставаться с семьей.

— Ты ему нужна, — говорит отец, сжимая мое плечо. — Мы всегда будем здесь, и однажды снова будем вместе, а пока ты должна быть в другом месте. Так что иди.

— Я не хочу, — слезы обжигают глаза, и я снова утыкаюсь лицом в шею матери.

Я срываюсь на рыдания, в отчаянии сжимая воротник её рубашки, ощущая холодное прикосновение широкой ладони на спине, и понимаю, что это не может быть ладонь моей матери.

Отстранившись и открыв глаза, попадаю под пристальный взгляд серых глаз, которые с беспокойством разглядывают мое лицо.

— Лица? — Краснов крепко удерживает меня в своих объятиях, лежа в моей кровати.

Мне требуется несколько секунд, чтобы понять, где я нахожусь и что мне приснился сон. Комната освещена тусклым светом прикроватной лампы, а за окном глубокая ночь. Я нехотя отпускаю из своих кулаков воротник мужской рубашки и поднимаю глаза.

— Почему ты здесь? — спрашиваю я на вдохе, пытаюсь вспомнить что вообще было.

— Я вообще-то у себя дома, — Краснов улыбается и крепче стискивает меня в своих объятиях. — У тебя ангина.

— Да?

— Я вошел в дом и увидел тебя без сознания на полу, вызвал врача, сделал тебе пару уколов, а ты начала бредить и метаться на кровати, пришлось принять меры.

Я кладу свои ладошки на его грудь, пытаюсь совладать со своим распаленным сознанием, который подбрасывает мне яркие картинки. Трудно поверить, что Алексей лежит рядом со мной, отчего я начинаю думать, что и это сон. Красивый, светлый сон, где всем хорошо и все счастливы. Но этот сон омрачается резким приступом тошноты, и я вынуждена вырваться из крепких рук мужчины, бежать в ванную, спотыкаясь о собственные ноги.

Меня выворачивает абсолютно ничем. Желудок, не видевший нормальной еды последние сутки, не может ничего отдать унитазу. И меня просто скручивает над белым другом в рефлекторных спазмах желудка.

Алексей удерживает меня от падения, но я не хочу, чтобы он видел меня в таком состоянии, поэтому между позывами бормочу, чтобы он ушел.

— Ты давай героиню из себя не строй, — мужчина крепко держал меня, убирая от лица пряди волос.

Когда меня отпустило, я повисла на мужчине, не в силах стоять на ногах.

— Я хочу намыться, — я перевела взгляд на свое тело, обнаруживая, что ночная сорочка насквозь мокрая, как следствие жара, и ткань неприятно липнет к телу, совершенно ничего не скрывая.

— Я наберу ванну, но тебе в таком состоянии нельзя долго лежать в горячей воде.

— Спасибо.

Алексей усаживает меня на кровать и скрывается в ванной, я слышу, как начала наполняться ванна. Голова тяжелая не только из-за повышенной температуры тела, но и из-за мыслей, которые не могут собраться в одну логическую цепочку.

Мужчина возвращается с большим полотенцем в руках.

— Ты должна попытаться снять ночную сорочку и закутаться в полотенце.

Алексей кладет рядом со мной полотенце и отворачивается, предоставляя мне возможность раздеться. Руки, словно залитые свинцом, сложно поднять выше головы и после очередной неудачной попытки выбраться из сырой одежды, я вынуждена обратиться

за помощью к мужчине.

— Мне нужна помощь, — мои щеки розовеют, и я надеюсь, что он спишет это на высокую температуру.

— Я встану за твоей спиной и помогу снять одежду, затем оберну полотенцем и помогу дойти до ванной.

Я киваю, поднимаясь на ноги.

Алексей аккуратно снимает с меня одежду, не задевая руками кожу, и я даже слегка разочарована. Он делает все аккуратно, не давая возможности испытывать неловкость или стыд, мне должно быть приятно за такое отношение, но мне почему-то грустно. Когда я оказываюсь замотана в огромное полотенце, которое закрывает мои колени, мужчина провожает меня до ванны. Проверив температуру воды, он помогает мне забраться в приятное тепло и оставив стоять в ванной скрывается за дверью, прикрыв ее наполовину.

Я разматываю полотенце и аккуратно, облокотившись о стену, погружаюсь всем телом в воду. Мужчина добавил пену для ванны и поверхность воды была скрыта воздушным облаком пузырьков, полностью прикрывая мою наготу.

Я смотрю на дверь, которую он не закрыл до конца, как делал обычно. И это ещё одна интересная особенность Краснова Алексея Александровича. Он не может жить с закрытыми дверями. Возможно у него клаустрофобия или еще какая-нибудь фобия, но это никак не вяжется у меня с образом Алексея. Он прошел Чечню, хладнокровный бизнесмен, который разбрасывается угрозами по телефону, но боится замкнутого пространства? Как-то все это странно. Все очень странно.

Когда кожа на подушечках палец скукожилась, в дверь постучали и в щели показалась голова Алексея.

— Ты закончила?

— Я не могу сама голову намыть.

Мужчина некоторое время о чем-то думал, борясь со своими внутренними демонами, и шагнул ко мне.

— Сядь и запрокинь голову назад, — сказал он и взял в руки лейку душа.

Я сгребла пену, прикрывая свою наготу и села, как он сказал.

Он аккуратно намочил мою голову, нежно помассировал кожу голову, намыливая ее шампунем и быстро смыл пену. Этот момент я навсегда сохраню в своей памяти, как самый трепетный и нежный, даже если однажды наши пути разойдутся, и мы никогда больше не увидимся.

— Теперь ты должна смыть пену и обернуться полотенцем, как только все сделаешь — позови меня и я тебя достану из ванны.

Он снова скрылся за дверью.

Распаренное тело стало еще непослушнее и если со смыванием пены я справилась, то замотаться в полотенце оказалось сложнее, чем я думала, поэтому прикрывшись им, я крикнула, что готова.

Когда Алексей зашел, я заметила в его руках махровый халат.

— Очень предусмотрительно, Алексей Александрович.

Он улыбнулся и помог мне надеть халат, замотав волосы в полотенце. Подхватив меня на руки, отнес в кровать, которая была застелена свежим постельным бельем. Он высушил мои волосы феном и это все въелось мне под кожу острым ощущением, что он уже делал это раньше. Как будто в его жизни была женщина, которая стала той самой причиной его

навыков по уходу. Спросить об этом я не решилась. Как только я оказалась закутана в одеяло, тепло разлилось по всему телу приятной негой.

Несмотря на все неприятные слова, что мы успели наговорить друг другу, поступки значат гораздо больше. Мужчина поставил на мои колени поднос с горячим куриным бульоном и уже привычную мне зеленую жижу. Руки немного потрясывало, но я смогла осилить тарелку бульона. Все это время Алексей сидел в кресле максимально сосредоточенный и его пальцы порхали над клавиатурой. Когда я прикончила фруктовое смузи, мужчина поднялся и забрал поднос.

— Молодец. А теперь ложись и засыпай.

Он погасил свет и вышел из комнаты.

Стоило только мне прикрыть глаза, как я тут же погрузилась в сон. Но мне ничего не снилось, я просто пребывала в успокоительной темноте.

Утром меня разбудил Алексей, вырывая меня из рук повелителя морфея.

— Пора делать укол, — мужчина начал подготавливать раствор для инъекции.

— Это обязательно? — я не боялась уколов, мне было неловко думать о том, что придется оголять пятую точку будучи в здравом сознании, а не под крепким градусом жара.

Тем более, что вчера никто не потрудился надеть на меня нижнее белье, оставив меня ногой под махровым полотенцем.

— Я должен съездить в офис, и чтобы ты пережила мое отсутствие, надо тебя уколоть.

Я послушно легла на живот, предоставляя мужчине полный контроль над моими ягодицами. Рука у Краснова была легкой, я даже не успела понять, что мне сделали укол, лишь адская боль, сковывающая ногу от распространения лекарства, была доказательством процедуры.

— Мне пришлось вызвать Вячеслава, он приедет через пару минут, я постараюсь закончить как можно скорее, — горячие губы мужчины оставили влажный след на моем лбу. — Температуры вроде нет.

Такой простой жест, а внутри все закипело от трепета, посылая горячие волны по телу. И пронзительные серые глаза больше не смотрят с отстраненной холодностью, а заботливо всматриваются в лицо. Поразительно, как одна ночь может изменить отношение одного человека к другому.

— Если будут силы, можешь спуститься поесть на кухне, если чувствуешь слабость, то попроси Славу, он принесет поднос в постель, — мужчина взял мой мобильный и набрал сам себе, и только сейчас я поняла, что до этого момента у меня не было его номера. — Если будет что-то важное звони.

Как легко Краснов управлял всем, что происходило вокруг него, приставив ко мне Славика, он избавил себя от необходимости контроля за непослушным ребенком в моем лице. Все мои передвижения, все мои действия отслеживались через Вячеслава и у него даже не было потребности в номере моего телефона. Но что изменилось? Славик приедет через некоторое время, и он может, как и раньше, звонить ему. Но мне хотелось верить, что, возведенная между нами стена начинает рушиться и мы можем попробовать жить как нормальная семья, несмотря на всю ненормальность наших взаимоотношений.

Спустя неделю мое состояние значительно улучшилось и приехавший врач, осмотрев меня, пришел к выводу, что я почти здорова и мне можно потихоньку возвращаться к привычной жизни и даже вернуться в школу.

— Вам очень повезло с Алексеем, — седовласый доктор похлопал меня по руке. — Он был лучшим студентом на курсе.

Я удивленно вытаращилась на Алексея, который стоял в дверном проеме.

— Так ты врач? — я заулыбалась, прикрыв рот ладонью. С каждым днем, узнавая Краснова с новой стороны, становилось все интереснее и загадочней.

— После года работы в государственной поликлинике понял, что не смогу так жить, — он пожал плечами, как будто ничего удивительного в его образовании и дальнейшей жизни нет.

— Вижу, что навыки ты не растерял, поэтому поводов для волнений за здоровье Анжелики у меня нет.

Я слонялась по дому и не знала, чем себя занять. Выйти на улицу и подышать воздухом Алексей не разрешил, поэтому я просто таращилась в окно, наблюдая как крупные снежные хлопья ложатся на землю. Созвонившись с Маринкой и узнав, какие задали домашние задания, хотела позаниматься уроками, но не обнаружила среди своих вещей учебников и тетрадей.

— Лёша, — я пошла на поиски хозяина дома.

Еще пару недель назад я не знала, как мне к нему обращаться, поэтому просто не употребляла его имени при разговоре, но его постоянное нахождение возле моей кровати и процедуры внутримышечной инъекции стерли границы неловкости, и я наконец смогла обращаться к нему по имени.

— Лёша, — я заглянула к нему в спальню и не обнаружив его, пошла на первый этаж. — Лёша, ты где?

Входная дверь с грохотом открылась, и мужчина предстал в образе огромной кучи снега, тащащей настоящую ёлку. Я даже рот открыла от восторга.

— У нас будет ёлка! — я с восхищением рассматривала живое дерево, прикасаясь к пушистым веточкам. — Совсем забыла, что скоро Новый год.

Новый год значил для меня очень многое, потому что я считала этот праздник самым семейным, когда за одним столом собирается вся семья, забыв про обиды, в ожидании чуда и нового этапа в жизни. Как будто смена календарного года — это новая страница в истории жизни, когда можно начать все с начала.

Алексей установил дерево на специальную подставку и торжественно вручил мне коробку с елочными игрушками. Я так увлеклась процессом украшения, что совсем не замечала, как на меня смотрел мужчина, устроившись в кресле с бокалом вина.

— Мы здесь будем до самых праздников? — мне нравилось пребывание за городом, но я уже начинала скучать по друзьям, в частности по Марине и даже по школе.

— А ты как хочешь? — его вопрос застал меня врасплох, кажется, это впервые, когда он поинтересовался моим мнением.

— Я, — голос предательски дрогнул, но прочистив горло продолжила более уверенно, не поворачиваясь лицом к Краснову, чтобы не потерять запал. — Я хотела бы вернуться в

город. Мне нужно закончить четверть, прикупить подарки, может быть пройтись по магазинам, хочу новогоднюю ночь встретить красивой.

— Хорошо, вернемся ненадолго в город, на пару дней?

Я обернулась.

— Но я не смогу закончить четверть за пару дней.

Алексей выглядел расслабленным, на его губах была легкая улыбка, и мне показалось, что он где-то в своих мыслях.

— Ты не хотела бы учиться в Англии? — он встал и медленно двинулся ко мне, словно хищник на свою жертву.

— Англии? — мое дыхание сбилось, когда горячая ладонь мужчины крепко обхватила мою лодыжку. Когда я перестану так остро реагировать на его присутствие?

Он протянул мне красную звезду, предназначенную для верхушки.

— Я тебя держу, вешай, — я стояла на табурете и несмотря на мой рост в метр семьдесят, была вынуждена встать на носочки, чтобы дотянуться до верхушки, и руки Алексея были лучшим гарантом моей безопасности. — Есть одна очень хорошая частная школа для девочек недалеко от Лондона.

Внутри все оборвалось. Не о таком подарке на Новый год я мечтала. Он хочет сослать меня в частную школу. Да еще и для девочек. Он перепил что ли?

— Знаешь, у меня с английским языком как-то не очень, — я водрузила звезду на макушку.

Я пискнула, когда мужские руки подхватили меня, и я оказалась в плену серых глаз. Пальцы его рук с отчаянием впились в мою кожу, посылая волны жара по телу. Дыхание Алексея обжигало мое лицо, нас разделяли жалкие сантиметры.

— Не смотри на меня так, — сказал Краснов и перевел взгляд на мои губы, я ждала, что он поцелует меня, но вместо этого поставил на пол.

Мое разочарование не скрылось от него, он сделал несколько шагов назад, запуская пальцы в волосы. Между нами происходит что-то необъяснимое и неправильное. Я это понимаю. Не в силах совладать с собой, я хочу поддаться вперед, броситься в его объятия и забыться, раствориться в нем целиком и полностью. Но это неправильно. Если я сейчас поддамся внезапным чувствам, уверена, что он оттолкнет меня и мы больше никогда не сможем нормально общаться и есть большая вероятность, что мы больше никогда не увидимся. Поэтому я делаю глубокий вдох и молча начинаю складывать в коробку лишние елочные шары, стараясь привести дыхание в порядок.

— Спокойной ночи, — Алексей не смотрит на меня, когда говорит это, поднимаясь по лестнице.

Ночь выдалась тяжелой, я долго ворочалась и не могла уснуть, прокручивая в голове события последних недель. Будь на моем месте нормальная девушка, она ненавидела бы Краснова всем сердцем, но я всем сердцем испытываю совсем другие чувства, ни капли не похожие на ненависть. И даже случай с Крупиной вызывает во мне щемящую боль под ребрами. Ревность.

В ночной тиши, при свете фонаря, пробивающегося через тонкий тюль, я подошла к зеркалу, рассматривая себя. Худая, с плоской грудью, с небольшой задницей, которая без одежды вообще теряется. И как таким телом можно привлечь мужчину? Никак. Я не могу ему нравиться, это невозможно. И мне следует поступить так же, выкинуть его из своей головы. Но сказать гораздо проще чем сделать.

Мы вернулись в город, но всю дорогу до московской квартиры никто из нас так и не решился начать разговор. Алексей вообще выглядел подавленным и сбрасывал все входящие звонки, не желая разговаривать даже по работе. Занеся сумки в квартиру, он уехал в офис, оставив меня одну. Дни, проведенные за городом, стали казаться самой настоящей сказкой, как будто мы были в другом мире, где не нужно было надевать маски и притворяться кем-то. Я даже была готова ещё раз заболеть... как эгоистично.

Я решила сделать ему приятный сюрприз, приготовив ужин. Он ещё ни разу не пробовал мою стряпню. Он был отличным поваром, и врачом, как оказалось, а я пока только произвожу впечатление обузы, раз он предложил мне учиться в частной школе для девочек. Фу.

Продуктов, которые можно было использовать, оказалось не так много, и я была вынуждена сходить в магазин, решив наконец-то воспользоваться банковской картой Краснова. Пусть увидит, что я могу быть самостоятельной и тратить деньги с пользой.

Приготовив свое фирменное блюдо, пасту карбонару, довольная собой, устроилась у телевизора в ожидании возвращения Алексея. Я уже представила, как он вернется домой, я накрою на стол и немного расслабившись, мы сможем поговорить. Но время шло, а я по-прежнему была одна. Стрелка часов перевалила за полночь, когда я уже не могла держать глаза открытыми и вырубилась на диване под шум ток-шоу. Проснувшись, не обнаружила следов пребывания мужчины, все было так же, как вечером. Он не ночевал дома.

Карбонара полетела в мусорное ведро вместе с моим настроением.

Приведя себя в порядок, вышла в морозное утро, встретившее меня порывом ветра прямо в лицо. Самое «лучшее» утро. У подъезда стоял Слава и увидев меня, вышел из машины.

— Доброе утро, куда поедем? — парень был в хорошем настроении, но увидев мой взгляд, улыбка быстро сползла с его милого личика. — Не доброе?

— В гимназию, — я уселась на переднее сидение и слишком резко дернула ремень безопасности, отчего система заблокировала механизм.

Мои нервы были ни к черту, отчего я бросила попытку пристегнуть свое никому ненужное тело. Зачем спасать то, что никому не интересно. Черт. Я опять начинаю думать об этом.

Еще пару дней назад Алексей не отходил от меня. Он всегда находился со мной в одной комнате, работая за ноутбуком, разве что в туалет не ходил за мной. Но что случилось по возвращению в город, он даже дома не ночевал. Возможно он был занят на работе, но пальцы рук у него целы, и написать СМС не составило бы труда. И чем больше я думаю об этом, тем больше мне хочется верить, что у него просто много работы, прогоняя мысли, что он был занят какой-нибудь женщиной.

— После гимназии поедем в торговый центр? — спросил Слава, когда припарковал машину у крыльца.

— Что? — я не могла поверить своим ушам, потому что я это обсуждала с Алексеем и Слава никак не мог знать о моих планах, значит Краснов нашел время позвонить Славику, но написать мне сообщение, что он не будет ночевать дома оказалось для него слишком сложным. — То есть да, в торговый центр.

Я была очень зла. Только мне показалось, что Краснов начал считаться со мной, как все в миг оказалось глупыми надеждами. Он никогда не будет говорить мне о своих планах и спрашивать о моих. Потому что мы друг другу никто. Ему легче все сказать Славику, чем

позвонить и обсудить мои передвижения со мной. Чувствую себя наивной дурой, которую обвели вокруг пальца.

— Анжи, ты кого-то убила? — Маринка стояла в окружении девочек из параллельного класса, когда увидела меня, идущей по коридору, и не знаю, что там было с моим выражением лица, но Синичкина даже глаза опустила.

— Ещё нет, — я с грохотом поставила сумку на подоконник, отчего некоторые даже вздрогнули.

— Тебе надо мне все рассказать, — подруга обняла меня за плечи.

— Я планировала после занятий пройтись по магазинам.

Подруга поняла мои намеки и согласилась составить компанию.

— Это твой личный водитель? — подала голос Синичкина, рассматривая из окна Славика, который стряхивал снег с капота.

Синичкина с интересом рассматривала парня, закусив нижнюю губу. Не трудно догадаться, о чем эта «мисс невинность» думала. Но я не могла винить её в этом. Слава действительно был хорош собой.

— Это Вячеслав, и он — гей! — сказала Маринка, так же мечтательно глядя на парня.

— Гей? — Синичкина удивленно вытаращила глаза. — А так и не скажешь.

— Поверь мне, я пыталась к нему подкатить, но безуспешно, — Маринка похлопала девушку по плечу и тяжело вздохнула.

Я едва сдерживала улыбку, чтобы не спалить ложь подруги.

Видимо Слава задел и сердце Марины, что было удивительно, поскольку Маринка во всех своих ухажерах искала лишь холодный расчет.

Занятия тянулись медленно, и я каждые пять минут бросала взгляд на часы, заклиная стрелку двигаться быстрее. И как только отзвенел звонок с последнего урока, мы почти бегом побежали на свободу. С неба падали крупные хлопья, и я подняла голову, наблюдая как снежинки падали мне на лицо, освещаемые тусклым фонарным светом в сгущающихся сумерках.

— Ты только после болезни, давай быстрее, — сказала Маринка и потянула меня к машине.

Слава ехал не торопясь, потому что на дорогах образовалась противная снежная каша. Дорожные службы не успевали расчищать дороги, потому что снег валил без остановки. Я обожала такую погоду, потому что все это создавала неповторимую атмосферу приближающихся праздников. Торговые центры уже были украшены к приближающимся праздникам, в главном вестибюле стояла огромная елка, которая сразу напомнила мне нашу елку, которую я лично украшала под пристальным взглядом Лёши.

Мы обошли несколько магазинов, где я купила подарки и даже теплый белый свитер, хотя в планах было найти праздничное платье.

Маринка засмотрелась на комплект кружевного нижнего белья и хотела мне что-то сказать, но осеклась. Я подозревала, что у нее кто-то есть, но она никогда не делилась со мной своей личной жизнью, а я не настаивала. Если подруга не хочет раскрывать свои секреты, она имеет на это полное право. У меня тоже есть секреты, которые я не могу ей выдать.

Комплект белья она так и не купила, и мы направились на фудкорт, чтобы немного перекусить.

— Ну, я жду, — сказала подруга, потягивая кофе через трубочку.

— Что ждешь?

— Ты с утра была такой фурией, что ангелочек Синичкина испугалась.

Я закрыло лицо ладонями, пытаюсь решить, что следует рассказывать подруге, а что лучше оставить в тайне.

— Пока я болела, мы вроде как поладили с Алексеем, но стоило только вернуться в город, и все снова стало как раньше, — из груди вырвался страдальческий стон и я уперлась лбом о поверхность столика.

— Да ладно? — подруга закричала так громко, что мне пришлось озираться по сторонам. — Ты втюрилась что ли?

— Тишшш, — я зашептала. — Ты чего так орёшь? Слава где-то рядом ходит, он может услышать.

— А он как будто ничего не замечает?

— Мы неделю только вдвоем были загородом, у Славы были выходные.

— Только вдвоем? — брови девушки взлетели вверх. — И что вы делали?

— Я болела, говорю же тебе.

— Точно болела?

— Тебе справку от врача принести?

Подруга откинулась на кресле, с прищуром изучая мое лицо.

— Только не спи с ним, — она говорила это серьёзно, а меня бросило в жар, стоило только понять, что она имеет в виду.

— Марин, ты думай, что говоришь, — я от стыда закрыла лицо руками.

— А что? Ты сейчас в таком возрасте, когда гормоны шалют, да и мало ли что там в голову ударит. Во времена королей в твоём возрасте уже детей рожали.

— Марина, перестань.

— Я думаю, тебе нужен парень. Начни с кем-нибудь встречаться, на свиданки там сходи, поцелуйся уже наконец с кем-нибудь.

— Мне это не нужно.

— Ты мне то не ври.

Подруга поднялась из-за столика и набрала кому-то, как выяснилось — Маркушенко.

— Привет, Димочка, — сладко протянула подруга в трубку. — Мы тут с Анжеликой про тебя болтали. Может быть ты хочешь пригласить её на свидание? Куда? Ну в кино, например.

Я пыталась дотянуться до неё, чтобы отобрать телефон и прервать их разговор, пока меня замуж за него не выдали, но подруга была сильнее меня, удерживая на расстоянии вытянутой руки.

— Да, Димочка, завтра заедешь за ней около шести вечера и не забудь про букет цветов. И не скупись, девочки любят дорогие подарки.

Она с победоносной улыбкой завершила разговор.

— Ты с ума сошла? — а я была вне себя от злости. — Если Краснов узнает, он мне голову свернет собственными руками.

— А давно ли ты стала послушной девочкой?

Такой подставы от подруги я не ожидала, но с другой ещё совсем недавно я не собиралась слушаться Алексея, добровольно передавая себя в покорное рабство. В моих планах было отстаивать свою независимость и свободу. Но Маркушенко — не самый лучший гарант этой свободы, скорее наоборот, это приведет к необратимым последствиям.

— Ты сногшибательно выглядишь!

Выглядела я как обычно. Маркушенко всучил мне огромный букет белых роз. Теперь я ненавижу белые розы. И порывался обнять, но я выставила ладонь вперед, предотвращая столкновение наших тел. Излишняя активность парня меня напрягала, и я начала подозревать, что он что-то употребил.

— Я купил два билета на Проклятие душ, такси сейчас подъедет, — он говорил это с явным восхищением собой.

Но вести девушку в кино на ужастик — это полный отстой. Я уже пожалела, что не отменила это заведомо провальное свидание и не послала его куда подальше. Но причиной моего согласия стало то, что Краснов так и не появился дома. У Славы появились неотложные дела, и он был вынужден уехать. Но он хотя бы сообщил об этом.

Весь путь до кинотеатра Дима не затыкался, рассказывая о своих планах на новогодние каникулы, что открыло мне глаза на то, почему мне не нравятся сверстники. Он говорил только о себе, совершенно не интересуясь хочу ли я это слушать. Все мужчины одинаковы — не спрашивают моего мнения.

Маркушенко напоминал мне пятилетнего ребенка, который хвастается новыми игрушками.

— Мы могли бы вместе поехать на турбазу. Мои предки не будут против, если я возьму тебя с собой.

— Нет, спасибо, — я была слишком напряжена и голос надломился. — У меня были планы.

— Да ладно, соглашайся. Будет круто. Квадрики, шашлыки, кальянчик.

— Дим, — я взглянула на парня, который был слишком возбужден судя по его зрачкам. — У меня очень важные планы.

— Книжки читать будешь?

Я с прищуром уставилась на него не в силах понять, он пытается мне понравится или закопать себя еще больше.

К сожалению, или к счастью, я ни разу не ходила на свидания с мальчиками, потому что всегда пресекала любые попытки произвести на меня впечатление у сильного пола. Я была так поглощена учебой, что даже не задумывалась о том, что можно проводить время как-то иначе. Но Марина была права, наступил тот возраст, когда хочется казаться старше, чем ты есть, ловить на себе заинтересованные взгляды. Я не хуже других девочек, я не хуже Крупиной, которая могла похвастаться своим послужным списком. Я не собираюсь опускаться до её уровня, но по крайней мере, я могу позволить себе попробовать сходить на свидание. Пусть даже с таким парнем, как Маркушенко. Я же ничего ему не обещала и девушкой его не называлась.

— Наш сеанс скоро начнется, пойдём, — он взял меня за руку и потащил в сторону зрительного зала.

Его ладонь была горячей, но не такой большой, как у Краснова, без длинных пальцев с грубоватыми подушечками, которые соприкасаясь с моей кожей приятно щекотали её. Спина Маркушенко была широкой, но не такой, как у Алексея, за ней нельзя было спрятаться. И взгляд у Димы был не таким пронзительным, проникающим под кожу. Все

было в Диме не так.

Как только свет в зале погас, рука Маркушенко легла на мою коленку, вызывая лишь приступ отвращения. Сбросив его клешню со своей ноги, поморщилась, радуясь, что в темноте трудно разглядеть моё лицо.

Я хочу уйти.

Фильм был страшным. Не люблю такие фильмы. Почти весь сеанс я просидела с закрытыми глазами и проклинала Диму, который комментировал самые жуткие моменты. Это самое ужасное свидание в моей жизни. Ещё и первое. Как после этого вообще ходить на свидания?

Как только пытка фильмом закончилась и включился свет, я тут же встала и поспешила на выход, открывая приложение по вызову такси.

— Классный фильм, — Дима забрал верхнюю одежду из гардероба и на мое удивление помог надеть пальто. — Тут через дорогу есть кафешка, я столик забронировал.

— Мне нужно домой, я уже такси вызвала.

Настроения объяснятся с парнем не было, и омрачалось оно еще тем, что меня никто не искал. Пропущенных звонком и смс — 0.

— Я тебя провожу, я же джентльмен.

Я закатила глаза, шагая вслед за парнем. И что Крупина в нем нашла? Он же совсем ребенок, который даже не представляет, как правильно ухаживать за девушкой.

— Можно вопрос? — я включила девочку-кокетку, мило улыбаясь парню.

— Для тебя, детка, можно все.

Меня передернуло, но ни один мускул не дернулся на моем лице, сохраняя образ милашки.

— Что у вас с Алёной Крупиной? Я не ревную, просто интересно.

Для того, чтобы парень не соскочил и ответил на интересующий меня вопрос, заботливо поправила воротник его куртки, задевая рукой подбородок.

— У Алёнки отец козлина, денег ей не дает и из дома выгоняет. Ну, и я как джентльмен предоставляю ей свою кровать, — парень засмутился, как будто действительно рассказывал про великий подвиг. — Если хочешь, я и тебе могу предоставить.

— Меня из дома никто не выгоняет.

Но и в сказку про бедную Алёну я не верила. Не выглядела она несчастной девочкой, у которой конфликты с отцом. Слишком заботливым папочкой он казался на благотворительном приеме.

— Я её в гимназии не видела уже давно, — сказал я, наиграно задумавшись.

— Так она на Бали улетела. Там какой-то форум и что-то очень важное.

Вот вам и бедная девочка.

Подъехало такси, и я поспешила нырнуть в нагретый салон автомобиля, парень устроился рядом.

— А чего ты про Алёну спрашиваешь?

— Просто всякие слухи ходят, — я пожалала плечами. — Решила вот у тебя спросить, чтобы убедиться, что слухи врут.

— А что болтают?

— Что она эскортница.

Парень засмеялся.

— Чего смешного? — я испуганно смотрела на парня, не понимая причину такой

реакции.

— Ты такая милая, — он почти успокоился. — Но слухи не врут. Я же говорил, что отец у неё козлина.

Лучше бы я не спрашивала у Маркушенко ничего. Правильно говорят, меньше знаешь — крепче спишь. Слова парня не выходили у меня из головы всю дорогу до дома, несмотря на то, что парень опять трепался о какой-то фигне.

Он вышел из такси проводить меня до подъезда. Парень приблизился неприлично близко, намереваясь поцеловать меня, но я сделала шаг назад.

— Может быть в клуб сходим на выходных? — парень щелкнул меня по носу, раздражая ещё больше.

— Ты забыл сколько нам лет?

— А ты забыла кто я? Меня все в городе знают, я все организую.

Как самонадеянно.

— У меня строгий... — я замешкалась, пытаюсь правильно выразиться, но Маркушенко все и так понял.

— Опекун, да?

Я кивнула и не прощаясь, направилась к подъездной двери. Мне повезло, что кто-то выходил и я просочилась в щелку закрывающейся двери.

Букет цветов мешался, когда я пыталась отыскать ключи от квартиры, потерявшиеся в сумке. Но дверь резко распахнулась, представляя моему взору Краснова. На нем не было рубашки и мой взгляд, естественно, уперся в рельеф его крепкого тела. Ещё немного и я пустила бы слюну, не в силах оторвать взгляд от косых мышц живота, которые скрывались под резинкой спортивных штанов. Но Краснов спас меня от этого позора, затащив за капюшон в квартиру и выхватил букет.

— Где ты была? — вместо приветствия услышала строгий вопрос.

— А ты? — я начала стягивать пальто, смотря ему прямо в глаза, бросая вызов и предвкушая предстоящий скандал.

— Где. Ты. Была. — мужчина начал наступление. — Я тебе задал вопрос.

— Не смей так со мной разговаривать. Я не твоя собственность.

Мужчина устремился на кухню, я поплелась следом, желая продолжить словесную перепалку. Краснов открыл окно и выкинул букет. Двадцатый этаж не оставил шансов на выживание, и цветочная композиция развалилась, ударившись о поверхность земли.

— Доволен собой? — я скрестила руки на груди, ничуть не расстроившись из-за выброшенного букета. Он мне все равно не нравился.

Краснов возвышался надо мной, и по тому как напрягались мышцы его челюсти можно было понять, как сильно он сдерживается.

— Лика, я тебе уже говорил, что он плохая компания для тебя.

Судя по всему, мужчина знал где и с кем я была. И его вопросы о моем нахождении были лишними.

Я не хотела, чтобы он сдерживался, я хотела знать, что он думает на самом деле без фильтра. Но и испытывать его нервы на прочность я не планировала. Бешеный Краснов мог сломать мою жизнь в два счета, потому что фактически я находилась в его руках. Законно.

— Ты все за меня решил? Куда мне ходить, с кем мне ходить, кто меня в школу будет возить. Может быть ты мне и мужа подберешь?

— Прекрати паясничать, — он ударил по столу кулаком, но я даже не дернулась. —

Этот сопляк — наркоман, он тебе испортит жизнь.

— Ты про всех все знаешь? — я приблизилась, сокращая дистанцию между нами, не разрывая зрительного контакта.

Наверное, это впервые, когда я решила открыто вступить в конфликт. Нам обоим было бы проще, если бы я покорно кивала и перебесилась в своей комнате, строя новые планы по усложнению жизни Алексею. Но вместо этого я сама начала рыть себе могилу.

— Ли́ка, ты ещё слишком молода, и многого не понимаешь.

— Так значит я ещё слишком молода. А Крупина для тебя не молода?

Удар ниже пояса.

— Ты мне до конца жизни будешь это припоминать? — я вижу, что задела его чувства, но это меньше, чем я могу себя потешить в отместку ему за ночи вне дома.

— Ты не ответил ни на один мой вопрос. Я для тебя пустое место?

— Ты ребенок.

Все встало на свои места. Все дело в моем возрасте. Его не волнует моя личность, он заиклен лишь на моем возрасте. Интересно, если бы мы встретились при других обстоятельствах, он бы понял сколько мне лет, было бы это для него так важно. Да какая разница, уже ничего не изменить.

— Так значит там, за городом, мне показалось, что между нами что-то происходит? — я задала вопрос, который изначально был обречен на провал.

— Ты все придумала.

Придумала ли я? Обманывалась ли я? Что все это значит, как все это объяснить? Я запуталась. Я не моргая смотрела на мужчину, желая вlepить ему пощечину. Но имела ли я на это право? Кто я ему?

— Я забрал твои документы из гимназии, больше ты туда не вернешься.

— Что? — я не верила в то, что происходит.

— Я тебя предупреждал, девочка моя.

Он специально это сказал, чтобы открыто подчеркнуть, что я его. Девочка. Что он имеет власть надо мной, и я в любом случае буду вынуждена делать то, что он скажет. Я могла бы сбежать из дома, но мне совершенно некуда пойти, да и есть ли смысл убегать, если Краснов все равно найдет.

— Ты шутишь?

— Нет, — он откупорил бутылку вина и плеснул щедрую порцию алкоголя, выпивая ее залпом и наполняя бокал по новой. — Я с тобой сопьюсь и скурюсь.

Ещё один бокал вина канул в теле Краснова.

— Так избавься от меня! Сдай в интернат, что тебе мешает? — я сорвалась на крик.

Мгновение и я оказалась прижата спиной к стене. Руки Краснова по обе стороны от моего лица с силой врезались в стену. Я в ловушке. Обстановка в комнате напряжена до предела, но страха нет. Я уверена, что мужчина не причинит мне боли, по крайней мере физической.

— Сколько можно играть на моих нервах? — он говорит почти шепотом очень близко от моих губ, очень близко. Я могу разглядеть все оттенки радужки его глаз, которые прожигают меня с неприкрытой злостью. — Однажды настанет тот день, когда у меня не будет другого выбора, ты мне просто его не оставишь.

Он резко отстранился и ушел. Я вздрогнула, когда хлопнула дверь его спальни. Впервые он закрыл дверь. Ноги подкашивались не в силах стоять, я опустила на корточки, закрыв глаза, ощущая, как бешено бьется мое сердце. Это начало конца.

Утром мне было велено собирать вещи, потому что мы возвращались за город, где Краснов планировал оставаться до самого Рождества. Я предупредила Марину, что на все праздники отправляюсь в лесную глушь, не сказав ей о том, что опекун забрал документы из гимназии. Я надеялась, что за праздники мужчина остынет и я уговорю его передумать.

До празднования Нового года оставалась неделя, и дом начал заполняться продуктами, заготовками к праздничному столу. Под елкой росло количество упакованных подарков, но Краснов даже не пытался со мной заговорить. Я была предоставлена сама себе. В основном читала книги, переписывалась с Мариной и старалась не попадаться на глаза мужчине, который при виде меня начинал хмуриться. Да и я не торопилась к примирению, потому что не считала себя виноватой в чем-либо. Краснов задел мою гордость, растоптав все мои ожидания. Если у нас не получится вернуть общение на приемлемый уровень, я вынуждена буду переступить через себя только ради возвращения в гимназию. Но я буду оттягивать этот момент до последнего, до самого последнего дня выходных.

Тридцать первого декабря я напросилась со Славой в город, чтобы докупить алкоголь и фрукты. Если Краснов и был против, то промолчал. Мы ждали приезда большого количества гостей, и мужчина переживал, что купленный ранее алкоголь закончится раньше, чем мы

перейдем к основному блюду.

Я вновь оказалась внутри Славиного БМВ.

— Когда вы уже помиритесь? — спросил он, выезжая за пределы коттеджного поселка.

— Когда рак на горе свиснет.

— Алексей отходчивый, ты просто подожди.

Стоп. Слава ведет себя слишком... дружелюбно? Он расслабленно ведет машину и улыбается, когда наши взгляды встречаются, что в корне отличается от привычного поведения парня.

— Ты обращаешься ко мне на «ты»? Ты все время выкал.

— В Мерседесе, на котором я тебя вожу стоит прослушка, Алексей бывает слушает.

Я даже не знаю, что сказать по этому поводу, потому что не понимаю, зачем прослушивать нас.

— Удивлена? — парень правильно понимает мое молчание. — Военная привычка. Не принимай на свой счет.

Это все равно никак не оправдывает Краснова. Все что я сейчас чувствую — это обида. Глубокая, мать её, обида. Я не вызываю доверия? Он сам назвал меня ребенком, который ничего не понимает, но тем не менее прослушивает наши разговоры в авто. Что он хочет услышать на записях? Мои девчачьи разговоры с Маринкой о прокладках или молчание Славы. Как это глупо.

— А на одежду он мне жучки не прикрепил? — я в шутку рассматриваю своё пальто, пытаюсь отыскать подслушивающее устройство.

— Анжелика, я же сказал не принимай на свой счет, это для безопасности.

— Безопасности? Интересно, а от какой опасности меня охраняют?

Парень не ответил, лишь послал мне многозначительную улыбку.

Чувствую себя полной дурой, от которой все время что-то скрывают. Складывается такое чувство, что мне о чем-то не говорят, либо у Краснова паранойя.

Закупив все необходимое, мы направились в обратный путь. Слава разрешил мне выбрать музыку, и я как ненормальная подпевала Меладзе и Агутину. Слава лишь смеялся, удивляясь моим музыкальным предпочтениям. Кажется, он даже успел заснять меня на видео. Впервые за несколько дней я немного расслабилась. И сложившаяся ситуация с Алексеем уже не казалась такой серьезной. Все люди ссорятся, а потом мирятся. И мы не будем исключением и однажды найдет точки соприкосновения.

Когда мы въехали во двор, на территории были запаркованы дорогие автомобили, наполированные до блеска, словно только вышедшие с конвейера.

— О, Князев уже приехал, — Слава кивнул на черный гелендваген и помог мне выбраться из машины; водрузив по пакету в каждую руку, мы направились в дом.

Мы занесли пакеты на кухню, где открылась непривычная картина: Краснов и ещё какой-то парень, подозреваю, что это хозяин гелендвагена, одетые в цветастые фартуки, резали салаты. Я никогда раньше не видела мужчин, которые с профессиональным мастерством орудовали кухонными ножами. Мой отец кроме яичницы не способен был что-либо приготовить, и мы с мамой, как хранительницы семейного очага, баловали его вкусными блюдами. Но сейчас моя жизнь, кажется, развернулась на сто восемьдесят градусов, и теперь мужчины готовят ужин.

— А вот и мы! — Слава протянул руку для пожатия высокому мужчине.

— Твоя? — мужчина пожал Славе руку и кивнул на меня.

— Моя, — сказал Краснов, не оборачиваясь и через секунду добавил. — опекаемая. Дочь Миронова Андрея.

Мужчина кивнул, как будто все сразу встало на свои места. Он представился Константином и слегка сжал мою ладошку. Он был красив, с правильными чертами лица, ясными голубыми глазами, в обрамлении густых ресниц и я на секунду зависла, не в силах оторвать взгляд от него. Все друзья Краснова похожи на моделей Vogue? В этом я убедилась чуть позднее, когда в гостиной собрались гости. Я помогала мужчинам с последними приготовлениями. Заправила салаты, намыла фрукты, достала курицу из духовки, аромат которой сразу распространился по всему первому этажу и гости заглядывали на кухню, не в силах терпеть ожидание.

— Я пойду переоденусь, — сказала Алексею и сняла рукавицы, в которых доставала из духовки курицу.

— Не перестарайся. Сегодня много мужчин в доме.

Впервые за продолжительное время он мне что-то сказал, но я понимала, что он не мог этого не сказать. Мужчин действительно собралось не мало и все с интересом наблюдали за мной. Уверена, что им уже успели сказать, что я дочь Миронова Андрея, потому что я ловила на себе сочувствующие взгляды.

Я не стала долго возиться с нарядом. Надела джинсы и новый белый свитер. Протерла тушью по ресницам и блеском по губам. Улыбнулась отражению и распустив волосы, спустилась к гостям. Уже включили музыку и гости начали активное празднование за столом.

К Константину присоединилась его супруга — Инга. Она мне не понравилась. Она смотрела с неприкрытым высокомерием и делилась своим мнением по каждому поводу. Было видно, как Константин сдерживал свое раздражение. Каждый раз, когда Инга что-то говорила, он морщился и отпивал виски из бокала.

Меня представили какому-то Михаилу, который был очень крупным и пугал меня. Его криминальная рожа не давала мне покоя весь вечер, пока он не выпил лишнего и не уснул, свернувшись калачиком на диване. Были ещё какие-то коллеги Краснова с женами. Я смогла запомнить лишь Яну, которая поглаживала едва заметно округлившийся животик. Слава чувствовал себя максимально комфортно в этой шумной компании, и я сделала вывод, что они все знакомы не первый год. Сидевшая рядом со мной девушка, с огненно-рыжими волосами подливала в мой бокал не лимонад, а шампанское, подмигивая.

Через пару бокалов, я расслабилась и слушала разговоры мужчин, которые были похожи на фантастические приключения. Все смеялись и под действием алкоголя атмосфера в доме стала уютной, и все гости стали казаться мне до боли родными. Ещё никогда я не праздновала Новый год в такой большой и шумной компании, привыкшая к тихим посиделкам с родителями.

Вспомнив свой последний Новый год с родителями грудь сжимает в тиски, и мне становится трудно дышать, ощущая, как в уголках глаз собираются слезы, но я делаю глубокий вдох, уговаривая себя не плакать в присутствии посторонних людей. В необходимости притупить боль, я залпом осушаю свой бокал, чувствуя, как алкоголь обжигает горло и спускается в желудок, отзываясь волной тепла в организме.

Когда заиграла медленная композиция, мужчины пригласили своих дам на танец, и я с улыбкой на лице наблюдала за этим, ощущая всем телом взгляд Краснова. Не в силах выдержать напряжение, встала и накинув пальто, вышла на улицу. Было тихо и хорошо

слышно доносившуюся из дома музыку. Небо было ясным, и я запрокинула голову, разглядывая созвездия.

Позади меня хлопнула дверь, и я обернулась. Краснов. На нем была одна рубашка и я хотела сказать, чтобы вернулся за пальто, но вовремя себя остановила, напоминая себе, что у меня нет на это прав. Он четко дал понять, что мы друг другу чужие люди и я все придумала. Эти мысли не отпускали мое растревоженное алкоголем сознание, только укрепляя мои обиды.

— Чего убежала?

— Жарко, — я глубже кутаюсь в пальто, противореча своим словам.

Мужчина не торопится подходить ко мне ближе, оставаясь в паре метров позади. Я слышу щелканье зажигалки и через несколько секунд до меня доходит терпкий аромат сигаретного дыма. Я успела уловить связь между сигаретами и нервами Алексея. Когда он на грани срыва, в его руках непременно оказывается сигарета. Я пытаюсь вспомнить, чем могла испортить его настроение сегодняшним вечером, но в голову ничего не приходит.

— Я положил под елку подарок для тебя, — мужчина спускается с крыльца, потушив сигарету.

Но он не торопится поравняться со мной, оставаясь за моим плечом.

— Не стоило, Алексей Александрович.

В моем голосе проскальзывают нотки раздражения, которые трудно скрыть от него.

Он резко разворачивает меня к себе, отчего я не могу удержать свое нетрезвое тельце на ногах и заваливаюсь на бок в ожидании падения. Но у Краснова отличная реакция и он ловит меня, крепко прижимая к себе.

— Сколько ты выпила? — его голос серьезный, но взгляд обеспокоенный, блуждающий по моему покрасневшему лицу.

— Не знаю, — я не могу оторвать от него взгляд. Алкоголь дает о себе знать и все происходит как будто в замедленной съемке, где я уже не контролирую свое тело.

Я подаюсь вперед, сокращая расстояние между нами и накрываю его губы в легком, невесомом поцелуе, потому что раньше никогда не целовалась. Мужчина не двигается, и я отстраняюсь, не в силах поднять глаза. Сердце в бешеном ритме болью отзывается под ребрами и на утро я пожалею о своем поступке. Но в эту минуту, под действием алкоголя мне кажется все правильным и логичным.

— Лика, — мужчина слегка отстраняется, но продолжает удерживать в своих руках. — Я сделаю вид, что ничего не было.

Его губы касаются моего лба, задерживаясь на коже дольше, чем нужно, и он уходит, оставляя меня одну.

На что ты рассчитывала, Анжелика? Я со стоном закрываю лицо ладонями и впустив в легкие обжигающий морозный воздух, прямиком иду в спальню, не имея желание продолжать улыбаться среди гостей. Я залезла под одеяло прямо в одежде, пытаюсь успокоить свое разбушевавшееся сердце.

Утро, или можно сказать почти день, встретило меня тишиной. Дом был пуст и на удивление прибранным. В холодильнике нашлись прошлогодние салаты, которыми я с удовольствием позавтракала. Слава присоединился ко мне, когда я уже прикончила вторую порцию.

— Доброе утро и с Новым годом, — парень поморщился яркому свету из окна кухни и осушил несколько стаканов воды.

— Во сколько разошлись? — спросила я, ставя на плиту турку.

— Около двух часов ночи. Но Алексей заливался примерно до четырех, еле бутылку отнял.

Это было плохим знаком. Употреблял ли Краснов алкоголь в таких количествах до моего появления в его жизни? Или это все моя вина? Но я постаралась выбросить это из головы, напоминая себе о том, что это его личное дело и я лично в него ничего не запикиваю.

Я сварила кофе и поставила чашку для Славы, который с благодарностью улыбнулся. Взяв еще одну порцию, направилась к хозяину дома, ощущая с каждым приближением к его комнате сильные спазмы в районе солнечного сплетения. Я прекрасно помнила события вчерашнего вечера и думала, что не смогу нормально смотреть мужчине в глаза, но если я и дальше продолжу вести себя как ребенок, то это окончательно убедит его в моей незрелости.

Я ни разу еще не заходила в спальню Краснова. Дверь была прикрыта, в небольшой щели, в пару сантиметров, я увидела спящего мужчину.

На носочках проникла внутрь, рассматривая обстановку. Поставив на тумбочку чашку кофе, дотронулась до плеча мужчины, который в ту же секунду, как мои пальцы коснулись его кожи, распахнул глаза и схватив меня за руку, повалил на кровать, прижимая всем своим весом. Я оказалась прижата лицом к подушке полностью обездвиженная.

— Напугала, — сказал он и ослабил хватку, позволяя мне развернуться.

Я лежала в его кровати, окутанная запахом мужчины, наслаждаясь этим моментом, чувствуя себя извращенкой.

— Я принесла кофе.

— Спасибо, — мужчина потянулся за чашкой, по-прежнему нависая надо мной. Мои ноги оказались зажаты между его, и я не могла оторвать свой взгляд от его тела, когда он выпивал залпом напиток. Из одежды на нем были лишь боксеры и мне открывался шикарный вид на его мышцы, отчего щеки начали гореть, и я отвела взгляд. Мужчина вел себя так, как будто между нами ничего не происходило. Абсолютно ничего. Не ссоры, ни моего недопоцелуя, как будто всего этого не было.

— Сколько времени? — он вылез из кровати, натягивая домашние штаны.

— Около двенадцати, наверное.

— Я съезжу в город, вернусь вечером, тебе что-нибудь нужно?

Я помотала головой, пытаюсь выбраться из мужской постели. Запутавшись в одеяле, вскрикнув, рухнула на пол, больно ударившись коленом. Какой позор.

— Ты ещё пьяна? — мужчина помог мне подняться, удерживая за локоть. — Голова не болит?

— Нет, я в порядке, — я стряхивала невидимую пыль с коленей и обхожу мужчину,

оставляя его одного, не в силах выдержать испытываемой неловкости.

Краснов уехал, оставив нас со Славой вдвоем, и мы решили распаковать подарки. Для меня предназначалась красная небольшая коробка, украшенная белым бантом. Сорвав подарочную упаковку, обнаружила бархатный футляр, внутри которого была золотая подвеска в виде ангела.

Подарком для Славы оказались билеты на концерт Макса Коржа.

— Как он узнал? — парень был просто поражен. — А у тебя что? — он заглянул мне через плечо, изучая золотую подвеску. — Тебе подходит.

Парень помог мне надеть украшение. Цепочка плотно обвила тонкую шею, и ангел лег в яремную впадину, как будто там всегда и находился.

— Надеюсь это не отслеживающее устройство, — я думала, что Слава оценит мою шутку, но парень поморщился.

— Ты все еще не можешь забыть то, что я сказал?

— Просто для меня это дико.

— Он просто за тебя волнуется, как любой другой на его месте. И ему сложно быть родителем, потому что он никогда не был в этой роли, понимаешь?

Я кивнула, восхищаясь тем, как парень пытается оправдать Краснова. Но меня все равно было трудно убедить в целесообразности поступков Алексея. Хуже всего было то, что вопрос с моей учебой так и не был решен. Мужчина забрал документы из гимназии, но я же не могу перейти на домашнее обучение. В любом случае, мне нужно где-то получать образование.

— Он очень старается быть хорошим опекуном.

Я чуть не рассмеялась, услышав слова Славы, потому что Краснов вообще не старался, он делал только так, как было удобно ему. Будь он хорошим опекуном, я бы не была отрезана от общества высоким забором посреди соснового леса, а могла спокойно общаться с друзьями и одноклассниками. И меня бесило его нежелание мириться с моим окружением, которое я сама вольна выбирать. Все-таки, мне не пять лет, чтобы он выбирал мне друзей. И где-то он может быть прав, но такие радикальные меры только усиливают мое желание не подчиняться ему. Если бы он поговорил со мной, нормально высказав свои аргументы, я могла бы послушать его и сделать то, что он скажет, но он решил пойти по короткому, более простому для него пути.

Через пару дней Славик уехал к родственникам во Владимир, в шутку попросив забыть его номер до конца праздников. Мы остались с Красновым вдвоем, но я почти его не видела. Большую часть времени он работал, полностью погрузившись в экран ноутбука, а когда отрывал взгляд от монитора, то начиналась нескончаемая череда телефонных разговоров.

Мой телефон тоже не замолкал от настойчивых звонков Маркушенко, но я сбрасывала, не желая узнавать на что ещё способен Краснов, услышь он наш разговор. Да и выяснять отношения с Димой не хотелось, я надеялась, что он все поймет по моим не принятым звонкам и самостоятельно прекратит попытки завоевать мое сердце.

За нашим последним ужином за городом, я решила начать разговор.

— Праздники подходят к концу и мне надо возвращаться в школу, — я старалась говорить легко, ковыряя салат в тарелке, но мне было трудно держать свои эмоции под контролем.

— Я уже подобрал несколько вариантов, — мужчина избегал моего взгляда.

— А меня спросить не хотел? — я с трудом сдерживаюсь, чтобы не повысить голос, но меня выдают пальцы, которыми я с силой сжимаю вилку. Как бы я не старалась держать в узде свою злость, она вырывается наружу.

От Краснова ничего нельзя скрыть, он как будто все видит даже с закрытыми глазами.

— Мы можем хоть раз нормально поговорить? — его голос спокойный, но я вижу, как сгущаются тучи в его глазах.

— Мы нормально разговаривали, пока ты не начал вести себя, как козёл! — я ударяю ладонью по столу, поднимаясь со своего места.

Я уже хочу сорваться на бегство, понимая, что сказала лишнего, то что вообще никогда не должна была говорить. Но мужчина тоже поднимается с места, ударяя кулаком по столу. Мы как два разъяренных быка смотрим друг на друга, разделяемые поверхностью стола. И никто уже не сможет нас остановить. Мы абсолютно одни. У нас развязаны руки и мне страшно, что все это закончится на печальной ноте.

— Ты первая все начала, пошла на свидание с этим придурком!

Я не ожидала этого услышать и даже открыла рот, ловя воздух как рыба. Мысли пытаются собраться воедино, подсказывая мне, что его пренебрежительное отношение — это месть за мое свидание. Но какого лешего он имеет на это право?

— Ты не ночевал дома! — я уже не могу контролировать себя, вспоминая выброшенную карбонару. — Я как дура ждала тебя, даже ужин приготовила. А ты даже не позвонил!

— Я работал! Для тебя между прочим стараюсь, чтобы сохранить компанию твоего отца!

— Я тебя об этом просила? — из груди вырываются рыдания, слезы обжигают глаза, и я больше не в силах продолжать перепалку, опускаюсь на пол, подбирая колени.

Я обещала себе не плакать перед ним, я обещала быть сильной и не смогла сдержать обещание. Слабачка.

Я жадно ловлю ртом воздух, задыхаясь от собственной никчемности. Я осталась совсем одна, родителей нет, родственников нет, опекун не хочет слышать меня, принимая решения за меня. И уйти я никуда не могу, связанная по рукам и ногам тотальным контролем Краснова. Чувство собственной ненужности только усиливается, когда мужчина спокойным

тоном говорит:

— Так больше не может продолжаться. Завтра же улетишь в Лондон.

— Ты не можешь так со мной поступить, — я поднимаю на него заплаканные глаза, но мужчина не смотрит на меня.

Он уходит, оставляя меня одну. Я одна, я совсем одна....

Я шагаю позади Краснова, пробираясь через толпу людей, суетящихся в аэропорте, крепко сжимая ручку чемодана. И в голове проскальзывает мысль убежать, «потеряться» в толпе. Но Краснов как будто чувствует мой настрой и хватает меня за локоть, силой удерживая возле себя.

Утром ему пришлось затолкать меня в машину и заблокировать двери, чтобы я не убежала. Всю дорогу до аэропорта я сверлила его взглядом, мысленно желая разбиться где-нибудь на обратном пути. Но мужчина игнорировал меня и даже ни разу не взглянул через зеркало заднего вида.

Я старалась не расплакаться, осознавая, что он фактически отказывается от меня, ссылая в закрытый пансионат для девочек, где я окажусь среди таких же ненужных детей, брошенных своими родителями. Я не успела даже написать Марине, потому что мужчина отобрал у меня мой телефон, всучив новый, где был забит лишь один номер телефона — его. Я отказывалась верить в происходящее, ущипнув себя в надежде, что все это страшный сон. Но я не проснулась.

— Как прилетишь — тебя встретят, — мужчина подтолкнул меня вперед к стойке регистрации.

Я на негнущихся ногах пошла вперед, не оборачиваясь назад.

Сидя в самолете, в тысячах метрах над землей, я до боли сжимала подвеску ангела, крылья которого врезались в кожу, оставляя кровавые следы. Я буду носить эту подвеску, как напоминание о поступке Краснова, чтобы всегда помнить удушающую боль, которую он мне причинил.

ЧАСТЬ 2.

Восемнадцать месяцев спустя.

Распрямив плечи, уверенной походкой, рассекая воздух аэропорта, замечая любопытные взгляды. Я считала дни до этого момента, чтобы вернуться в Москву и навсегда вычеркнуть из своей жизни Алексея Краснова.

Полтора года, что я провела в частной школе для девочек, оказались не такими ужасными, как я представляла. Первое время меня задирали из-за моего плохого английского, но когда я стала уверенней и освоила язык на уровне носителя, то все насмешки стихли. Несколько месяцев я вынашивала план мести, но миссис Роуз, которая преподавала у нас психологию, смогла отговорить меня от этого. Женщина сразу заметила мое упрямство и нежелание подчиняться правилам и научила контролировать себя, чтобы направлять энергию в нужное русло. Поздними вечерами, за чашкой чая, она рассказывала про свою жизнь, которая тоже складывалась не лучшим образом, но она никогда не сдавалась и не складывала руки и смогла добиться много.

Девочки в пансионате оказались такими же несчастными жертвами своих семей, как я и предполагала. Все они были неуютны своим богатым родителям. Сесилию сослали из-за того, что она была влюблена в сына садовника, в надежде, что разлука притупит ее чувства. Аманда была застукана за курением сигарет, и родители не нашли ничего лучшего, чем изолировать ее от общества, даже не поговорив с ней.

Мне было искренне жаль девочек, как и себя. Но будучи в женской компании, объединенной общим непониманием со стороны взрослого поколения, мы стали источником силы друг для друга и научились во всем искать положительные стороны. После выпуска, каждая из нас пообещала, что изменит свою жизнь в лучшую сторону и найдет счастье.

За все время моей ссылки, Краснов ни разу не позвонил и не написал мне. Но я знала, что он звонил директору и был осведомлен о моих успехах и смиренном поведении.

В марте мне исполнилось восемнадцать, и я больше не нахожусь под опекой Краснова. Подумав об этом, улыбаюсь, представляя, как наконец-то смогу начать свободно жить без контроля мужчины. Буду ходить на свидания с кем захочу, общаться с кем захочу и поступлю в ВУЗ, который выберу сама.

У выхода из здания замечаю высокую фигуру Вячеслава, который вглядываясь в толпу не видит меня.

Я останавливаюсь прямо перед ним, оголяя зубы в улыбке.

— Привет, — я машу рукой перед его носом.

Парень с удивлением смотрит на меня, скорее всего не узнав, и когда до него доходит, то расплывается в улыбке и заключает меня в объятиях.

Он изменился за время, что мы не виделись. Стал шире в плечах и взгляд стал более серьезный, без привычной мне смешинки в глазах.

Я тоже изменилась, не только внутренне. Существенные изменения коснулись внешнего вида. Грудь выросла до твёрдой двоечки, округлились бедра и волосы отросли до самого копчика.

— Я тебя не узнал, — парень разглядывал меня, покружив за руку, оценивая все части тела. — Такая красавица.

Я кокетливо улыбнулась. Мне нравилось его восторженное выражение лица. Это придавало мне уверенности. Все-таки это первый мужчина, который может оценить мое преобразование спустя полтора года.

— Алексей не смог тебя встретить, готовит ужин в честь твоего приезда, поэтому по старой доброй традиции — я буду сегодня твоим водителем, — парень взял у меня чемодан и подставил локоть, который я с улыбкой приняла, и мы направились к машине.

В том, что Краснов меня ждет — я не сомневалась. И была готова к этой встрече уже давно.

Слава открыл для меня пассажирскую дверь Мерседеса, и я погрузилась в знакомый салон автомобиля, наполненный тем же ароматом, что и раньше.

— Как дела? — спросила я.

— Все хорошо, работаем. Много работаем.

— Он все ещё курит? — Слава бросил на меня взгляд, который говорил о том, что он понял кого я имею в виду. Но так как машина прослушивается, я не надеялась услышать ответа, но парень поймал волну моей смелости и ответил:

— Первое время, когда тебя не было, он дымил как паровоз, но потом успокоился.

— Он с кем-нибудь встречается? — спросила я осторожно, рассматривая маникюр на руках.

Слава засмеялся.

— Я ещё ни разу не видел с ним одну и ту же девушку больше одного раза.

Я улыбнулась, радуясь его словам. Хотя мне должно было быть грустно, оттого что Краснов никак не может найти себе достойную спутницу. Но не буду лукавить, пребывая в Англии мне снились эротические сны с участием опекуна, после которых я ненавидела себя еще больше за неспособность ненавидеть его, подсознательно желая. В пансионате я была отрезана от внешнего мира, лишённая возможности выйти в интернет, поэтому о том, что происходит в жизни моих знакомых, даже не догадывалась. Я просто исчезла на восемнадцать месяцев.

Слава поставил мой чемодан у квартиры и направился к лифту.

— Ты разве не зайдешь? — я удивленно, с долей испуга, смотрела на парня.

— Вы давно не виделись и вам есть, о чем поговорить, — он подмигнул мне и шагнул в раскрытые двери лифта.

Рука зависла над кнопкой звонка. Внутри вне замерло от предвкушения встречи. Если в самолете я была уверена в своей решительности, то сейчас я чувствовала нервозность в ожидании встречи.

Опустив руку, поняла, что не хочу встречаться с ним лицом к лицу, стоя на лестничной клетке. Достав из сумки ключ, открыла дверь, переступая порог квартиры, которая сразу навеяла воспоминания. Мебель на тех же местах, те же обои, все осталось точно таким, каким я смогла запомнить. Из кухни пахнет жареным мясом и пряными специями.

Я специально хлопаю дверью, чтобы привлечь внимание хозяина квартиры, который занят ужином на кухне.

Краснов появляется в коридоре слишком быстро. Он одет в джинсы и белую футболку, которая подчеркивает рельеф его тела, и мне приходится приложить не мало усилий чтобы отлепить взгляд от пресса и поднять глаза, встретившись с пронзительным взглядом серых глаз.

Я подготовилась к встрече. На мне ярко-красный брючный костюм, под пиджаком

которого только кружевное бра, неприлично выглядывающее из декольте. И туфли на высоком каблуке, благодаря которым разницы в росте больше нет, и я могу смотреть мужчине в глаза не поднимая головы.

— Как прошел перелет? — вместо приветствия слышу от него, как будто мы расстались только вчера.

Я игнорирую его вопрос, снимая туфли, не переставая смотреть на него. Медленно подхожу вплотную, замечая, как он напряжен. Положа ладошки на плечи, встаю на носочки и шепотом обжигаю его ухо.

— Я скучала....

Мне нравится ощущать крепкие мышцы его тела и больше не бояться, что он оттолкнет от себя из-за моего возраста. Теперь этот пунктик больше не стоит между нами и я жажду отыграться на его нервах.

Мужчина рвано выдыхает, и я замечаю его попытку обнять меня, но не позволяю этого сделать, отстраняясь иду на кухню, даже не посмотрев на него.

Стол уже накрыт, но я не тороплюсь садиться, беря со стола бокал с вином. Облокотившись о столешницу кухонного гарнитура жду возвращения Краснова, смакуя красную терпкую жидкость. Я не хочу пить вино, но мне нужно привести в порядок нервы, чтобы сохранить напускное спокойствие и алкоголь должен помочь мне расслабиться.

— Это мой бокал, — мужчина пытается отобрать у меня бокал, но я заносу руку над головой, и его взгляд падает мне на грудь.

Воротник пиджака отогнулся из-за поднятой руки, предоставляя мужчине возможность лицезреть, прикрытую тонким кружевом, грудь. Он прикрывает глаза, делая шаг назад, не замечая моей победной улыбки.

— Ладно, можешь оставить себе, — он отодвигает для меня стул, приглашая к столу.

Я оставляю недопитый бокал вина на столешнице кухонного гарнитура и сажусь за стол.

— Я ничего не трогал в твоей комнате, только кровать поменял, на более удобную.

Мужчина смотрит себе в тарелку. Неужели ему неловко? Совсем не похоже на Краснова. Но так даже интереснее.

— Я не останусь у тебя, — я пробую стейк и закрываю глаза от удовольствия. — Ты прекрасно готовишь.

Судя по выражению лица Алексея, он не понимает, что происходит и не готов к такому моему поведению. Что ещё больше вселяет в меня уверенности. Я больше не буду скрывать свои эмоции и чувства, притворяясь хорошей, послушной девочкой, которая должна делать так, как будет правильно. Кто придумал что правильно, а что нет?!

— Я возьму нужные мне вещи и поеду к себе. Я уже совершеннолетняя и не нуждаюсь в твоей опеке, — я складываю руки в замок и смотрю на мужчину, который начинает хмуриться. — И я хочу, чтобы ты организовал встречу с Аккерманом, надо решить бюрократические вопросы. Ты больше не обязан работать на меня. Можешь возвращаться в Англию и продолжать свою спокойную жизнь.

Я встаю, наблюдая за тем, как портится настроение Алексея. Но в итоге мужчина кивает:

— Я все сделаю.

Я иду в свою комнату, забирая только то, что может понадобиться мне в первое время. На душе тяжело оттого, что я сама ставлю точку, но в эту минуту я считаю это лучшим

выходом. И глядя в глаза Краснова, наполненные печалью, мне не жаль уходить, напоминая, что это именно он отказался от меня, отправляя в промозглую Англию. Надевая обувь, протягиваю мужчине комплект ключей от его квартиры.

— Они мне больше не нужны.

Он не торопится их забирать, поэтому мне приходится самой вложить их в его руки. Я вижу, что он хочет мне что-то сказать, но я мотаю головой, пресекая все его попытки остановить меня.

Родительская квартира встречает мертвой тишиной, которой здесь самое место.

Теперь я буду жить здесь одна. Комнат для меня одной много, но возможно однажды, у меня тоже будет семья и комнаты будут наполнены новой жизнью.

Переодевшись в теплую пижаму, набираю номер Марины, голос которой мне необходимо услышать. Я жду несколько гудков, прежде чем на том конце провода, подруга звонким голосом говорит:

— Если это спам, то мне ничего не нужно, у меня все есть.

— Это я, дурочка, — я улыбаюсь в трубку. Кончено у нее нет моего нового номера телефона, его вообще ни у кого нет.

— Ааааа, — я слышу её визг. — Не может быть! Ты все-таки вернулась! Рассказывай, почему ты была в Англии? Ты все-таки переспала с красавчиком опекуном, и он решил тебя сослать за бугор, чтобы никто об этом не узнал?

— Фууу, — я смеюсь над бурной фантазией подруги. — Я просто вынесла ему все мозги, и он не в силах меня терпеть отправил учиться в Англию.

— Это не интересно, — подруга явно расстроилась, и я даже представила, как она надула губы.

— Может быть завтра увидимся, кофе выпьем? — предлагаю я.

— Так, у меня завтра вступительные экзамены в полдень, но потом я буду свободна. Так что давай около четырех в «Шоко» на Патриарших, хорошо? — я слышу какой-то шум на заднем фоне и через несколько секунд подруга торопливо добавляет. — Мне пора идти, целую.

Я улыбаюсь, отмечая, что подруга совершенно не изменилась. Но она знала, что меня отправили в Англию, значит она пыталась узнать, куда я исчезла.

Оставив чемодан не разобранным, застелила постель свежим бельем и легла, укрывшись одеялом с головой.

С завтрашнего дня начнется моя новая жизнь, где никто не будет контролировать каждый мой шаг, указывая мне что и как делать. Но сердце все равно стучит неистово сильно. Тревожное чувство не отпускает меня, и я не могу уснуть.

Лежа в полной тишине, мне кажется, что в квартире кто-то есть. Я слышу посторонние звуки и сильно зажмуриваю глаза, убеждая себя, что в квартире никого быть не может, что это ветер или ветки дерева ударяют в окно. Но как бы я не старалась успокоиться, утомить бьющееся сердце, сон не накрывал меня. И я пролежала с открытыми глазами в полной темноте до самого рассвета.

Не в силах больше лежать, я встала и пошла на кухню, обнаружив полное отсутствие каких-либо продуктов. Накинув поверх пижамы кофту, вышла на улицу в поисках круглосуточного магазина, поскольку часы показывали четыре утра.

Закупившись всем необходимым, вернулась домой и загрузила в кофе машину зерна. Без кофе мне этот день не пережить.

Лежа в горячей ванне, мой позитивный настрой на день, который должен был ознаменовать начало новой жизни, улетучился, и ему на смену пришла меланхолия. Мне нужно было себя чем-нибудь занять до встречи с подругой, чтобы не сойти с ума от одиночества.

Я открыла список ВУЗов Москвы в поисках того, который мог бы меня заинтересовать. Но как бы я не старалась проникнуться возможной профессией, я только раздражалась, потому что мне ничего не нравилось. Нехватка сна сказывалась сильнее, чем я могла предположить.

Собираясь на встречу с подругой выбрала желтый сарафан и босоножки на танкетке, не забыв надеть шляпу, чтобы спастись от палящего июльского солнца.

Марина уже ждала меня за дальним столиком в кафе. Она совсем не изменилась.

— Очуметь! — точно не изменилась. — Анжи, ты капец какая красotka.

Подруга стиснула меня в своих объятиях.

— Рассказывай, — она махнула рукой официанту. — Как Англия?

— Сыро, холодно и кроме закрытой территории пансионата, я ничего не видела.

Подошедший официант, принял у нас заказ и удалился, прежде, чем Маринка успела съесть его глазами.

— То есть вас совсем не выпускали?

— Ну, были каникулы, когда можно было выходить за территорию, но куда мне идти?

Пару раз мы с девочками съездили в Лондон, прикупили новую одежду и так по мелочи, но в основном, я все время была в пансионате, — я тяжело вздохнула, вспоминая то время.

— И Краснов к тебе ни разу не приехал? — подруга сочувственно сжала мою руку.

— Нет, — я улыбнулась, прогоняя грусть. — Я не хотела его видеть.

— А сейчас? Ты виделась с ним? — в глазах подруги зажегся озорной огонек. Я поняла, что она хочет услышать, поэтому не стала томить ее ожидание.

— Я заезжала к нему, забрала вещи и уехала. Ничего не было.

Улыбка сползла с лица подруги, и она свела брови, как будто плохо расслышала мои слова.

— В смысле уехала?

— Он больше мне не опекун, мы друг другу чужие люди и оставаться в его квартире нет необходимости.

— Он тебя выгнал?

Официант принес напитки, но подруга даже не заметила этого, продолжая сверлить меня взглядом, который так и кричал, что я дура.

— Нет, — я улыбнулась, отпивая капучино. — Я сама ушла.

Говоря это, я испытываю гордость за себя, что смогла так легко порвать с Красновым.

— Анжи, ты должна была остаться! — подруга опустила над самым столом, переходя на шепот, как будто нас кто-то мог подслушать. — Я, когда позвонила тебе, то он взял трубку и сказал, что ты теперь учишься в Англии, но голос у него был таким разбитым, как будто ты умерла. Поверь мне, ты должна была вчера остаться и возможно что-нибудь да было.

— Марина, — я улыбаюсь. — Ничего бы не было и не будет.

— Такого мужика упускаешь, — подруга отпила из своей чашки, слизывая пенку с губ.

Возможно она была права, но зная, что в постели Краснова девушки не задерживаются, не хочу стать очередной красавицей на одну ночь.

— Давай теперь ты рассказывай, как дела? — я стараюсь говорить непринужденно, и подруга не замечает, как тяжело мне это дается.

— Закончила гимназию, скучая по тебе. Маркушенко совсем с ума сошел, когда узнал, что ты в Англию свалила, даже за тобой хотел лететь. Но потом Крупина его утешила в

туалете, — я морщусь, вспоминая все, что было связано с Крупиной и Маркушенко. — Сегодня вот на юридический документы подала, вступительные сдавала.

— Рада за тебя.

— А ты куда пойдешь? Может быть со мной? Тоже на юридический?

— Нет, — я изучаю пенку на капучино, говоря то, в чем боялась признаться себе. — Отец оставил мне компанию и надо научиться ей управлять. Думаю, что пойду на экономический, или на управление бизнесом. Пока не решила.

Подруга кивает, улавливая мой настрой.

— Может быть в клуб в выходные сходим? Потанцуем, выпьем пару коктейлей, — предлагает подруга после непродолжительного молчания. — Не переживай, мой парень нас потом развезет по домам.

— Парень? — я удивлена, потому что это впервые, когда Марина говорит, что у нее есть парень.

— Да, я раньше не говорила, потому что он..., — она делает паузу, и набирая в легкие воздух, говорит. — Старше меня на десять лет.

Я понимаю, как ей тяжело об этом мне рассказать, поэтому просто сжимаю её ладошку, искренне улыбаясь. Я правда рада за подругу, потому что мне не важно с кем она проводит время, главное, чтобы она была счастлива. Никто не вправе осуждать её, тем более я, подруга, которая наоборот должна поддерживать в трудную минуту.

— Мариночка, я тебя не буду осуждать, ты же знаешь, — я вижу, как подруга выдохнула от напряжения. — Ты в праве быть с кем угодно, это твоя личная жизнь.

Глаза подруги начинают блестеть от подступающих слез.

— Я знала, что ты меня поймешь.

Ещё немного посидев в кафе, мы распрощались, и я поехала домой. Я была рада встрече с подругой, но от мысли, что я вернусь в пустую квартиру, наполненную мертвой тишиной, становилось не по себе. Подниматься в квартиру я не торопилась, задержавшись у подъезда, всматриваясь в закатное небо.

Как только дверь за Анжеликой закрылась, я с силой ударил кулаком о стену, злясь на себя за неспособность остановить её.

Девушка расцвела и знала это. Хотя и до этого дня я всегда считал её привлекательной. Черт бы меня побрал. Если бы не моя извращенная натура, которая хотела ее с того дня, как увидел её хрупкую спину, с маленькими позвонками, в ванной, возможно все сложилось бы по-другому и не пришлось отправлять её за море.

Я закрываю глаза, вспоминая её взгляд, наполненный восторгом, когда я принес ёлку в дом, хрупкое тело, которое вытягивалось словно струна, когда она развешивала игрушки. Если бы тогда я не оттолкнул её, позволил влюбиться в себя, ушла бы она вот так легко?

Я звоню Аккерману, договариваясь о встрече, как того просила Анжелика, потому что знаю, что это еще одна возможность увидеться с ней.

Иногда я жалею, что растоптал её чувства, отправив в Англию, не спросив её мнения. Но когда я вспоминаю, что представлял в своей голове, какие отвратительные мысли у меня были, то считаю свой поступок единственно верным.

Я вывел компанию на новый уровень, побив все рекорды прошлых лет, только чтобы у девушки была подушка безопасности, на случай, если все пойдет под откос. Именно этим я и жил последний год, упорно заставляя себя работать. Даже продвижение ресторана и бара ушло на второй план. Но как бы она не хотела избавиться от меня, у нее ничего не получится. От мысли, что компания без меня и месяца не протянет, я улыбаюсь. Только я могу убедить совет директоров в принятии верного решения. Эти старые брюзжащие мухи не смыслят ничего в бизнесе, заикленные только на личной прибыли. Они сожрут девушку, даже не выслушав её. Им плевать, что она дочь Андрея Миронова, который и создал для них эту кормушку, им главное не потерять свой стабильный доход.

Неделя пролетает словно один день и когда Иосиф Соломонович сообщает мне о готовности всех документов, я даже немного растерян. Я должен сказать об этом Анжелике, но номер, который у меня есть, оказывается вне зоны действия сети. После офиса, я заезжаю домой чтобы переодеться и съездить к девушке, чтобы лично сообщить ей о готовности документов и назначенной встрече. Но только я успеваю надеть джинсы, как раздаётся звонок в дверь.

— Кого ещё принесло? — я не жду гостей, и собираюсь уезжать, поэтому буду не рад даже лучшему другу.

Но на пороге, к моему удивлению, стоит Анжелика. Она проходит в квартиру, отодвинув меня в сторону.

— Ты пьяна? — я наблюдаю за неровной походкой девушки, которая идет напрямик в мою спальню. — Лица, ты меня слышишь?

Я останавливаю девушку, одетую в розовую пижаму, у самой кровати, развернув лицом к себе. Под глазами залегли темные тени, кожа бледная, взгляд из-под опущенных ресниц. Но алкоголем не пахнет.

— Я не могу спать, — она в отчаянии прижимается щекой к моему обнаженному торсу. — Можно я у тебя посплю одну ночь?

Не дожидаясь моего ответа, она забирается на кровать и уткнувшись лицом в подушки, засыпает быстрее, чем я успеваю понять, что произошло.

Я укрываю девушку одеялом и иду в гостиную, чтобы немного поработать и предоставить девушки необходимые часы сна. Работа дается с большим трудом, потому что я не могу отбросить в сторону мысли о спящей в моей кровати девушки. Несколько часов я напряженно пытаюсь вникнуть в содержимое квартального отчета, но все усугубляется ещё сильнее, когда в дверном проеме я замечаю Анжелику, не отрывающую от меня взгляда.

— Ты почему не спишь? — я убираю в сторону ноутбук.

На Анжелике моя футболка, едва закрывающая её ягодицы. Она медленно подходит ко мне, устраиваясь на коленях, чем вводит меня в ступор.

— Лирика? — я не понимающе смотрю на девушку, глаза которой затуманены от возбуждения.

Её руки скользят по моему голому торсу, и я чувствую, что в штанах становится тесно. Губы девушки приоткрыты и с них срывается стон, когда я запускаю руки под края футболки, понимая, что она абсолютно голая.

— Лирика, ещё не поздно остановиться и пойти спать, — я провожу пальцем по её нежной складочке, ощущая какая она горячая и мокрая.

Я просыпаюсь от дикого желания, потому что эротические сны слишком яркие и правдоподобные. Первые секунды после резкого пробуждения, я не понимаю где нахожусь. Но знакомая обстановка и запах подушек, сразу расставляет все на свои места, напоминая мне, как я здесь оказалась. Не давая себе и шанса, чтобы передумать, скидываю одежду, натягивая футболку мужчины. От нее умопомрачительно пахнет, и от этого новая волна возбуждения проходит по моему телу, заставляя твердеть соски.

Я иду в гостиную, замирая при виде мужчины, мышцы которого перекачиваются, когда он поднимает руку, чтобы растрепать волосы. Его тело словно высечено из камня, и я хочу потрогать его. Но если он меня оттолкнет?

— Ты почему не спишь? — он кажется обеспокоенным, убирая в сторону ноутбук.

Сейчас или никогда.

Я подхожу к мужчине, садясь к нему на колени, устроив ноги по обе стороны от его бедер. Я не знаю, как правильно начинать заниматься сексом, потому что это мой первый опыт, но я не сомневаюсь в способностях мужчины, которые хочу испытать.

— Лика? — мужчина аккуратно кладет свои руки мне на бедра, и я понимаю, что он тоже хочет этого.

Я глажу его тело, наслаждаясь твердым рельефом и прижимаюсь ближе, ощущая растущую эрекцию в его штанах. Его широкие ладони скользят по ногам, проникая под футболку и задевают чувствительное место, отчего с губ слетает стон. Мне нравится чувствовать его руки на своем теле.

— Лика, ещё не поздно остановиться и пойти спать, — мужчина сам себе противоречит, проводя пальцем по моим нежным складочкам, размазывая влагу по клитору.

— Ты хочешь меня? — я запускаю руки ему в волосы, наслаждаясь их мягкостью, в то время как пальцы мужчины медленно исследуют самую сокровенную часть моего тела.

— Да, — этого достаточно, чтобы обоим сорвало крышу.

Его губы жадно целуют мои. Сминают их в диком танце. Его язык исследует мой рот, открывая новый уровень наслаждения. Мне мешает футболка, я хочу чувствовать мужчину всеми клеточками тела, но у меня не получается её снять. От жалких попыток расправиться с одеждой спасает Алексей, разорвав на мне раздражающую ткань.

— Ты моя девочка, — Алексей с восхищением смотрит на мое тело и жадно всасывает сосок, заставляя меня прогнуться и стонать от удовольствия. Напряжение внизу живота растет, и я хочу быстрее покончить с этим, ощущая немаленьких размеров эрекцию мужчины.

Трясущимися пальцами я пытаюсь стянуть с него штаны, но у меня плохо получается.

— Не торопись, — Алексей снова притягивает меня к себе, самозабвенно целуя, как будто завтра уже не настанет. От этих поцелуев у меня кружится голова и я не хочу останавливаться. Он погружает в меня палец, совсем немного, но этого достаточно, чтобы выбить из легких воздух. Перед глазами взрываются фейерверки.

Я никогда не испытывала ничего подобного, ощущая, как мое тело разрывает изнутри от необходимости почувствовать его член внутри себя. Это сумасшествие.

— Ты такая узкая, — мужчина вынимает палец и облизывает его. — И вкусная.

Я больше не могу ждать, и спускаясь на пол, освобождаю член Краснова из трусов,

поднимая глаза встречаюсь с пронзительным взглядом, обещающим мне незабываемую ночь, где я буду долго и пронзительно стонать, умоляя его о пощаде, потому что размеры мужского органа, кажется, могут меня разорвать.

— Мы можем пойти в спальню, там будет удобнее, — мужчина хочет встать, но я толкаю его обратно, снова устраиваясь на коленях, ощущая нежной кожей горячую плоть.

Я привстаю и чувствую, как головка упирается во влагалище, желая полностью погрузить в себя.

— Ли́ка, мне нужно надеть презерватив, — Краснов дергается, но я снова толкаю его, одновременно насаживаясь на член.

— Заткнись! — я чувствую, как все внутри горит от натянутости мышц и его член еще не полностью во мне.

Мужчина закрывает глаза, с силой сжимая мои ягодицы и когда я пытаюсь опуститься ниже, он понимает, что я девственница, потому что член уперся в преграду.

— Ли́ка, скажи мне, что это не то, о чем я подумал!

— Это то, — я выдыхаю в его губы и страстно целую, в надежде, что он закончит начатое.

Судя по его рукам, которые исследуют мое тело, сжимают нежную грудь, ему трудно отступить. Внутри все напряжено, и я готова умолять, лишь бы он не останавливался.

Краснов переворачивает меня, укладывая на спину и резким толчком погружается полностью, до самого основания. Острый приступ боли пронзает мое тело, но губы мужчины ловят мой крик. Он начинает медленно двигаться. И боль сменяется приятной истомой. С каждым разом толчки становятся все грубее, и я чувствую, как внизу живота усиливается давления. Мужчина не перестает меня целовать, жестко врезаясь своим телом в мое, задевая клитор, отчего мои ногти царапают его плечи.

— Моя девочка, — Краснов шепчет мне в губы, когда хочет выйти, но я не даю ему это сделать, удерживая обвитыми вокруг торса ногами. Он кончает, звонко шлепнув меня по ягодице, вызвав лишь улыбку на лице. Я чувствую, как член внутри меня пульсирует, и обессиленный мужчина накрывает меня своим телом, пытаясь отдышаться.

— Я уже старый для всего этого, — он выдыхает мне в шею.

Мне нравится ощущать его вес на себе, и нравится ощущать приятную боль между ног. Мы лежим молча некоторое время, пытаясь привести в порядок дыхание. Мужчины приподнимается, высвобождаясь из моих тисков и я замечаю кровь.

— Мы испортили диван? — я улыбаюсь, рассматривая мужчину, не стесняясь своей наготы.

Он кивает и взяв меня на руки, относит в ванную.

Под струями горячего душа мы целуемся медленно и не торопясь, изучая тела друг друга. Язык мужчины скользит по моей шее, прикусывая пульсирующую венку, спускается ниже, лаская сосок. Я закрываю глаза, чувствуя, как возбуждение снова окутывает меня. Взяв мою руку, мужчина кладет её на свой член, твердый, как камень. Я провожу по всей длине, не в силах поверить, что это могло обратиться во мне. И я хочу снова испытать это удовольствие.

— Ли́ка, у нас был незащищенный секс, — Алексей прикрыл глаза, когда я ещё раз провела рукой по его длине, размазывая каплю смазки с головки. — Я не думаю, что мы готовы к детям.

— Успокойся, — я целую его, наслаждаясь каждым прикосновением. — У меня завтра

ожидаются красные дни календаря.

— Я запишу тебя к доктору, и он выпишет противозачаточные, потому что я буду трахать тебя без презерватива, — он оставляет засосы на моей груди, чуть ниже ключицы, словно отметины о принадлежности ему одному. — Хочу чувствовать только тебя.

Алексей помог мне намыть голову и закутав в махровое полотенце, отнес в кровать. Впервые за неделю, я уснула крепким сном, стоило только моей голове коснуться подушки.

Проснулась я от ласк мужчины, поцелуи которого спускались все ниже. Открыв глаза, я застучала его между своих ног, растягивая губы в улыбке от воспоминаний о страстной ночи. Язык мужчины скользнул по лобку, зубы прикусили край половых губ и вот его рот накрывает мой клитор, всасывая его и заставляя меня застонать, прогибаясь навстречу.

— Лёша, не надо, — я хватаюсь за его волосы, не в силах остановить, но и не в силах допустить, чтобы он касался меня языком там.

— Ты такая сладкая, — мужчина усиливает давление языком на клитор и скользит ниже.

— Лёша!

Мужчина дергает меня на себя, проникая языком глубже, вырисовывая круги, его палец скользит между ягодиц, задевая тугое колечко и я дергаюсь от неожиданности, простреленная новой волной удовольствия.

— Либо ты дашь себя вылизать, либо я тебя очень жестко трахну, так что ты не сможешь ходить неделю, — ухватившись за мои бедра, он притягивает меня к себе и погружает свой член на половину, наблюдая за моей реакцией. Я прислушиваюсь к своему телу, ощущая, как мышцы натягиваются с болью и зажмуриваюсь, предвкушая адскую боль, если он решит меня трахнуть.

— Мне больно, — я говорю это тихо, но мужчина покорно выходит, нависая надо мной.

— Я вчера увлекся, — он целует мой нос. — Должен был быть нежнее.

Его взгляд блуждает по моему лицу, и я ловлю себя на мысли, что хочу просыпаться с ним в одной кровати, чтобы иметь возможность, каждое утро, ощущать его горячее тело рядом с моим. Мне давит на грудь сладко-щемящее чувство, разливающееся в груди, когда я смотрю на мужчину

— Ты должна была сказать, что ты девственница до того, как я войду в тебя.

— А ты разве этого не знал?

— Я думал об этом, но не надеялся, — мужчина ближе придвигается ко мне, упираясь в живот твердым членом.

— У тебя всегда такой твердый? — я краснею, спрашивая это.

— Только когда думаю о тебе.

Из кровати мы вылезли ближе к обеду, когда боль внизу моего живота заставила сходить в туалет и сообщить Краснову, что отцом он не станет. Но выяснилось, что у мужчины в доме нет прокладок. Он ушёл в магазин, оставив меня одну, предоставляя шанс, чтобы все обдумать.

Я хотела навсегда вычеркнуть его из своей жизни, но в итоге легла в его постель. Я хотела избавиться от его тотального контроля, но лишив меня невинности, я уверена, что он не позволит мне глотнуть свободы. Что бы сказал отец? Я улыбаюсь представляя, что было бы, если бы отец был жив и я привела Краснова домой, в качестве своего парня.

Минут через десять в туалет вошел Алексей, протягивая мне несколько ярких упаковок.

— Не знал, какими ты пользуешься, поэтому взял несколько.

— Спасибо, — я улыбаюсь ему. — А теперь кыш, мне нужно уединение.

Мужчина прикрывает дверь и когда я слышу звон посуды на кухне, наконец-то могу привести себя в порядок.

Я смотрю на себя в зеркало, нанося увлажняющий крем, и улыбаюсь. Все словно во сне. Думала ли я, что мой поступок на грани сна и реальности станет источником моей улыбки? Определенно нет.

Я наблюдаю за мужчиной, который напевает под нос какую-то мелодию, расставляя чашки с кофе и не могу отделаться от мысли, что это сон. Он ловит мой взгляд и улыбается, впервые вижу такую теплую и искреннюю улыбку, при виде которой становится тепло.

— Тебе нравятся мои футболки? — мужчина приближается, запуская руки под тонкую хлопковую ткань.

— От них пахнет тобой, — говорю правду, наслаждаясь прикосновениями, который становятся настойчивее.

— Я соорудил небольшой завтрак, — он кивает на стол. — Бутерброды и кофе.

— Бутерброды? — делаю вид, что удивлена, вспоминая, что Краснов сторонник здорового, сбалансированного питания.

После полуденного завтрака Краснов утягивает меня в гостиную и включает какой-то фильм. Положив голову на мои колени, все его внимание приковано к телефону. Он ведет активную переписку с серьезным выражением лица и мне хочется отобрать смартфон, чтобы в выходной день он не думал о работе. Но я не могу этого сделать, осознавая какая на нем большая ответственность. Вместо этого, я рассматриваю его, замечая морщинки в уголках глаз и лбу, редкие седые волосы, проглядывающиеся на висках. Мужчина их коротко стрижет, и они не заметны. Я отмечаю, что он мне ужасно нравится несмотря на его возрастные изменения.

Он ловит мой взгляд.

— Аккерман будет ждать нас в понедельник, я договорился с советом директоров, они тоже будут, — говорит мужчина и слышу в его голосе грустные нотки, как будто он не хочет присутствовать на встрече.

Вспоминаю свой настрой, когда я прилетела в Москву, желая уволить Алексея и нанять кого-нибудь «с улицы», чтобы только нас ничего не связывало. А сейчас я не знаю, что мне делать и как поступить правильнее.

Я дотрагиваюсь до золотой подвески на шее, вспоминая как мне было больно, прощаясь с родным городом. Я всеми силами старалась удерживать ненависть к Алексею, но каждый раз, сталкиваясь с ним, я была парализована от желания хоть на мгновение задержаться рядом с ним. Его магнетизм нельзя недооценивать. Я сразу вспоминаю Алёну, которая стала, уверена, одной из немногих, которыми Краснов просто воспользовался. Возможно и я ему надоюм так же быстро, и он найдет способ от меня избавиться, как это было полтора года назад. И мне трудно самой себе признаваться в этом, но мне плевать что будет потом. Все чего я желаю, это как можно дольше находиться рядом с ним, даже если однажды, он выставит меня за дверь.

Мужчина словно читает мои мысли, перехватывая мою руку, переплетая пальцы, говорит:

— Лирика, это не просто секс.

Мне хочется в это верить. Даже не так. Мне важно в это верить.

Вечером звонит Маринка, и я вынуждена вырваться из рук мужчины, чтобы ответить на звонок.

— Алло? — я чувствую, как моя футболка ползет вверх, оголяя грудь и поднимая голову, злобно смотрю на Краснова, которого это только веселит.

— Лика, ты где шляешься? — вместо приветствия слышу я и чувствую горячие губы мужчины на своем соске.

— Я дома, — говорю на автомате, совсем забыв, что это не мой дом, когда зубы Краснова слегка прикусывают нежную кожу груди.

— Какой дома? Я стою под твоими окнами. И тебя нет дома, — четко говорит подруга с раздражением в голосе. — Лика, ты в порядке?

— О да, — буквально постанываю в трубку, когда язык мужчины начинает сводить мои нервные клетки с ума.

— Миронова, ты чего как странно дышишь? — кажется, что Марина начала что-то подозревать. — Ты не одна?

Я не успеваю ничего сказать, потому что Алексей выхватывает у меня телефон и самым непосредственным голосом говорит:

— Мариночка, я очень рад, что вы позвонили Анжелике, но в данный момент времени она очень занята. Мы обсуждаем перспективы развития долгосрочных отношений между нашими компаниями и оцениваем существенные изменения в отрасли. Я планирую вложить неприличную сумму в твердой валюте, а Лика с радостью готова принять эту твердую валюту, но мы пока не можем этим заняться, прорвало трубы на производстве и придется подождать недельку.

Я едва сдерживаю смех, понимая, что именно Краснов имеет ввиду под твердой валютой, которую планирует вложить в меня.

— Да, Мариночка, и вам хорошего вечера.

Краснов куда-то швыряет мой мобильник и накрывает в страстном поцелуе мои губы. Я трусь о его тело, ощущая чувствительными сосками шероховатость его одежды. Его руки сводят меня с ума, заставляя желать большего. Очень жарко, я не могу дышать, задыхаясь под натиском мужчины. Но ему кажется мало, он не в силах остановиться, продолжая распалять наши тела еще больше.

— Надо остановиться, — тяжело дыша он прижимается лбом к моему лбу. — Иначе меня уже посещают мысли взять тебя в месячные.

Я улыбаюсь, осознавая какое сильное влечение он испытывает рядом со мной.

Я внимательно изучаю свой скудный гардероб, ощущая тяжелый взгляд Краснова за спиной.

— Ты должна переехать ко мне, — мужчина смотрится нелепо, развалившись на моей кровати, окруженный розовым цветом стен.

— Нет, — я достаю коктейльное черное платье, прикидывая его на себе, ловлю хмурый взгляд в зеркале.

Я ужасно сильно хочу переехать к мужчине, но боюсь, что мы оба еще не готовы перейти на новый уровень. А точнее сказать, я боюсь быть лишена своей призрачной свободы, стоит мне только переступить порог его дома с чемоданом в руках. Меня вмиг окружают «няньки» на мерседесах и каждый мой шаг будет под контролем Краснова. А я не хочу быть содержанкой, и я буду законченной идиоткой, если хотя бы не попытаюсь управляться со всем самостоятельно.

— В этом платье у тебя грудь будет сильно выглядывать.

Я улыбаюсь, услышав тяжелые нотки в голосе. Мужчина вообще не хотел отпускать меня на встречу с Маринкой, но выбора у него не было.

— То, что нужно, — резюмирую я и скидывая одежду, начинаю одеваться.

— Когда ты перестала меня стесняться? — он изучает мое тело, и я чувствую его горячий взгляд, скользящий от шеи до бедер и обратно.

— Когда ты делал мне уколы, — я улыбаюсь, вспоминая времена, которые сохранились в моей памяти, как одни из лучших.

Кажется, что только там, в лесной глуши, когда мы были отрезаны от внешнего мира, он мог позволить себе быть самим собой. И я знала объяснения всему этому — там, нас никто не смог бы увидеть и никому не было до нас дела. А сейчас все будет иначе. Все обязанности по управлению компании перейдут мне, а я, черт его возьми, не знаю, что мне делать. Уверена, все взгляды будут устремлены на меня, на мои решения и поступки. И как воспримут люди, что я в отношениях со своим экс-опекуном? Нельзя отрицать, что в головах общественности зародится мысль, что наши отношения начались еще до моего совершеннолетия и если мы не сможем сдержать эти мысли, то у нас будут неприятности.

Когда платье сидит на мне как вторая кожа, я распускаю волосы и кручусь, чтобы предоставить мужчине возможность оценить мой образ.

— Ты так и не сказала, куда Марина тебя тащит, — он сводит брови на переносице. — Но судя по твоему внешнему виду, не трудно догадаться.

— Если ты догадался, что это клуб, то я тебя поздравляю, — я поправляю макияж глаза и делаю вид, что не замечаю растущего негодования мужчины.

— Нет, — знакомое мне слово, которое раньше вводило меня в приступ злости и желаний топнуть ногой, но сейчас я лишь улыбаюсь.

— Ты не можешь мне запретить, — поворачиваюсь к нему лицом, представляя, как бы выглядел наш секс на этой нелепой кровати, застеленной розовым пледом. — Уже четыре месяца ты не являешься моим опекуном, — делаю шаг. — Ты мой парень? Предложений вроде не поступало, — ещё шаг. — Может быть ты мне муж? А нет, не муж. — ещё шаг. — Отец? — я кладу руки по обе стороны от его бедер, наклоняясь так, чтобы он мог оценить ложбинку моих грудей.

Знаю, какой эффект на него произвожу, наблюдая за его злостью и возбуждением, которое трудно скрыть под спортивными штанами.

— Тебя в Англии этому научили? — мужчина сверлит меня тяжелым взглядом, понимая, что он проиграл.

— Нет, от мамы досталось, — язвлю я, отталкиваясь от кровати, направляюсь к выходу. Завершают мой образ черные босоножки на каблуке. Сегодня я настроена покорять и разбивать мужские сердца. А вот мужчина на это не настроен.

Он настаивает на том, чтобы подвезти меня до клуба, и я без задней мысли соглашаюсь, понимая, что в спортивных штанах в клуб он не пойдет.

— Ли́ка, — у Алексея тяжелый взгляд, и я вижу, как он старается контролировать себя. — Я не хочу, чтобы ты шла туда одна. Там полно озабоченных придурков.

— Ле́ша, — я кладу свою ладонь на его колено в попытках успокоить. — Я буду не одна. Марина будет со своим парнем, не волнуйся ты так. И не забывай, что на производстве прорвало трубы.

Но я вижу, что мои слова не произвели нужного эффекта.

Остановившись у клуба, мужчина разворачивается ко мне, и я ощущаю всем телом тяжесть его взгляда.

— Может быть лучше поедем ко мне? Залезем под одеяло, посмотрим какой-нибудь фильм?

Мне нравится его предложение, но я не могу согласиться.

— Ле́ша, у меня нет друзей. Марина — мой единственный друг. И я не хочу придумывать отговорки, чтобы не видеться с ней. Не лишай меня, пожалуйста, этого. Я и так слишком много времени провела в четырех стенах.

Я вижу, по тому, как ходят его желваки, что ему тяжело, но он сдается и просто кивает, отпуская меня.

Я едва касаюсь кожи его щеки, в невесомом поцелуе и ускользаю из машины, не давая нам обоим и минуты на сомнения.

Уверенной походкой я направлялась в сторону клуба и набирала подруге, чтобы узнать ее местонахождение. Я была горда собой, что без боя смогла отвоевать свое право идти в «Лотос».

Марина и её парень ждали меня у бара. Её спутника сложно было бы не заметить. Высокий и подтянутый мужчина всем своим видом излучал уверенность и спокойствие, в отличие от большинства парней, глаза которых бегали из стороны в сторону в поисках компании на одну ночь. Мужчина быстрым взглядом коснулся моего тела и вернул все своё внимание на Марину, которая по сравнению с ним была дюймовочкой.

— Не верю своим глазам, — подруга накинулась на меня с объятиями. — Ты и вправду пришла. Я до последнего не верила в это.

Марина отодвигается в сторону и направляет мое внимание на мужчину.

— Ли́ка, познакомься, это мой Петр.

Мужчина протягивает мне широкую ладонь, и я принимаю её, ощущая легкое пожатие.

— Очень рад познакомиться, Марина много рассказывала про тебя.

Я улыбаюсь.

Я чувствую себя по-настоящему живой за последние несколько лет. словно ничего в моей жизни кардинально не изменилось, словно я не расставалась со своей привычной жизнью. словно, так и должно быть. Я должна быть здесь, с Мариной, наслаждаться

музыкой, позволить телу двигаться в такт и не думать о взрослых проблемах. Я же еще так молода, мне только восемнадцать лет, и я не должна думать об управлении бизнесом и своих неоднозначных отношениях с Красновым. Нет, сегодня я Миронова Анжелика, молодая девушка, которая ничем не отличается от других девушек.

Марина протягивает мне коктейль, и мы направляемся через танцпол к столикам. Помещение клуба еще не успело заполниться людьми и здесь достаточно свободно.

— Чем занимаешься? — мужчина делает глоток воды и смотрит прямо на меня.

— Эм, — если бы я знала, что сказать. — На самом деле, я ещё не знаю. А ты?

— Я ещё тоже не знаю, — мужчина загадочно улыбается, и я не могу понять значение его слов.

— Эй, ну ты чего? — Марина в шутку толкает его в бок и поворачивается ко мне. — У него разносторонний бизнес, он ещё не определился чем ему больше нравится заниматься. Вот на прошлой неделе он открыл цветочный магазин, а в прошлом месяце шиномонтажную. А вот полгода назад....

Подруга не успела договорить, Петр прервал её, слегка дотронувшись до её руки.

— Я думаю, Анжелике не интересно будет это знать.

— Ой, не подумала, — она отмахнулась рукой. — Я просто....

Она замерла. Я перевела взгляд в сторону, куда смотрела подруга. И сердце пропустило удар.

Прямо к нам, уверенной походкой направлялся Краснов.

От спортивных штанов и след простыл. На нем были темные джинсы и черная футболка, отлично подчеркивающая рельеф его тела. Толпа расступалась перед ним, создавая коридор из любопытных взглядов.

— Он идет к нам? — я услышала шепот подруги сквозь гроыхания музыки.

— Кто это? — подал голос Петр.

— Я разберусь, — я поднялась с места и направилась навстречу мужчине.

— Ты что здесь делаешь? — я пытаюсь перекричать музыку, сверля взглядом лицо мужчины.

— Потанцуй со мной, — его рука по-хозяйски ложится на талию и с силой впечатывает в сильное мужское тело.

Между нами не осталось расстояния, и мужчина начинает раскачиваться в такт музыки, а на моем лице появляется глупая улыбка.

Мне начинает казаться, что с мужчиной что-то не так. Раньше он бы ни за что на свете не пошел за мной, не звонил и не искал. А сейчас он пришел в ночной клуб, где тусуется молодежь, а мой спутник уже давно вырос из этого возраста.

— Как ты так быстро переоделся?

— Я так много работаю, что бывает не успеваю захватить домой, поэтому вожу с собой сменную одежду.

Из-за громкой музыки, чтобы услышать друг друга приходится говорить у самого уха, отчего наши щеки соприкасаются. При повороте в танце, замечаю обескураженное выражение лица подруги.

— Мне придется все объяснять Марине.

— Я сам, — мужчина отстраняется и полагая руку мне на талию, ведет к столику.

Подруга тревожно переводит взгляд то а меня, то на Краснова.

Я не планировала рассказывать кому-либо о нас с Алексеем, потому что не до конца была уверена в его намерениях и сомневалась, что наша связь затянется на долгий срок. Если вспомнить, что Краснов никогда не был женат и в длительных отношениях замечен не был, то сомнений не избежать. И если он закроет передо мной дверь, то мне будет легче пережить эту трагедию одной.

— Алексей, — мужчина протянул руку Петру. — Краснов.

Петр был удивлен и приподнял бровь, пожимая руку Краснова в ответ. Уверена, что он знал Краснова, пусть и не лично, но слышал о нем.

— Петр Старостин.

— Марина, с вами мы знакомы, — Краснов улыбнулся ей.

— Так вы...? — Марина рассекала воздух указательным пальцем, переводя его то меня, то на Краснова.

— Что? — мужчину забавляла ситуация, а я готова была провалиться сквозь землю.

— Вместе? — голос Марины дрогнул.

— Да, — сказа он.

— Нет, — сказала я одновременно с ним.

Краснов медленно перевел взгляд на меня, как будто не мог поверить в услышанное. А я не могла поверить в происходящее. Если память мне не изменяет, собираясь в клуб, я обозначила статус наших отношений, подчеркнув, что он мне не парень.

— Мы это еще не обсуждали, — я старалась говорить спокойно, но сердце под ребрами отбивало чечетку.

Я не была готова к такому повороту событий и в мыслях даже не допускала, что когда-нибудь Краснов будет сидеть со мной и моими друзьями. И уж тем более не была готова, что он заявит о том, что мы вместе. Когда я перестану удивляться действиям мужчины?

Наверное, никогда.

— Ты же знаешь, что этот вопрос не требует обсуждений, — мужчина говорил это легко, с лукавой улыбкой.

— Ты же помнишь, по какой причине мы постоянно ругались?

— Напомни, — мужчина придвинулся ближе, кладя руку за моей спиной.

— Ты не спрашивал моего мнения, все решал за меня, и сейчас ты делаешь то же самое.

Может быть спросишь, хочу ли я быть вместе с тобой?

Мужчина придвинулся к моему лицу, говоря на ухо, чтобы никто не услышал кроме меня.

— Ночью ты так стонала, что я принял это за «да».

Интимность момента была замечена всеми, отчего Марина потащила своего парня на танцпол, оставляя нас вдвоем.

Как бы сильно мужчина не распалял во мне чувства, гордость была задета пренебрежительным отношением к моему мнению, несмотря на то, что я уже взрослая девушка. И он мог бы хотя бы для вида спросить меня, если так уверен в себе.

Стало обидно, что он ворвался в этот вечер и лишил меня возможности пообщаться с подругой, и теперь мне придется все ей объяснять.

— Нам надо поговорить, — я поднялась с места, понимая, что вечер бесповоротно испорчен. — Я попрощаюсь с Мариной, подожди меня в машине.

Я нашла глазами подругу и направилась к ней.

— Марина, я должна уйти, прости что не получилось пообщаться, — я целую подругу в щеку и посылаю страдальческую улыбку.

— Все в порядке? — она обеспокоенно смотрит по сторонам в поисках моего неожиданного спутника.

— Да, не переживай.

Я сажусь в автомобиль и грозно смотрю на мужчину, которого это только забавляет.

— Ты специально пришел? — догадываюсь я, наблюдая за тем, как он доволен собой.

— А ты думала, что я позволю тебе в таком виде находиться одной в клубе?

— Я была не одна.

Он усмехнулся и вырулил с парковки.

Он был погружен в свои мысли по пути к моему дому и остановившись у подъезда перевел задумчивый взгляд на меня.

— Что-то хочешь сказать?

— Ты очень красивая, — он провел рукой по моим волосам, пропуская пряди сквозь пальцы. — Мне жаль, что у нас так все получилось неправильно, но это было необходимо.

— Я не понимаю, — я уставилась на мужчину.

— Я не хотел отправлять тебя в Англию, но должен был это сделать.

— Должен?

— Я не могу тебе всего рассказать, но ты должна знать, что я не хотел расставаться с тобой. Ты — это все что я хотел. И хочу. В этом моя большая проблема.

Слова мужчины сбили меня с толку. Он только больше запутал меня, и я не была уверена уже ни в чем. Я рассматривала черты его лица, замечая усталость, которая скопилась за годы усердной работы. Отдыхал ли Алексей Краснов когда-нибудь?

— Тебе пора домой, — он отвернулся. — Слава приедет в понедельник и привезет тебя в офис.

Мужчина резко меняется в лице, словно пару секунд назад не смотрел на меня с нежной тоской. Он серьезен и не смотрит на меня, закрыв все эмоции.

— Но нам надо поговорить, — я не тороплюсь покидать салон автомобиля, желая урвать еще пару мгновений наедине с ним.

— Поговорим в понедельник, тебе нужно отдохнуть и все обдумать. Я тебе уже сказал, что не отпущу тебя просто так, но ты должна решить для себя, готова ли ты на такие жертвы. Я не молод, не терпелив и у меня скверный характер.

Я не решилась что-либо сказать, потому что не знала, что должна была сказать. Я вышла из автомобиля и направилась в сторону дома, не оборачиваясь.

Странное чувство зародилось внутри, как будто что-то произошло и поведение Алексея резко изменилось. Еще день назад он был нежным и все было слишком хорошо, о чем я и не мечтала, но сейчас он выглядел отстраненным, как будто что-то обдумывал.

Ночью я спала плохо, просыпаясь и проверяя дисплей телефона в надежде на что? Сама не знаю.

Стоя утром под струями душа, думала над словами мужчины. Чувство тревоги не покидало меня, как будто что-то вот-вот произойдет.

Все воскресенье слонялась по квартире без дел, поглядывая на экран телефона в надежде увидеть оповещение, которое так и не пришло. Вечером в гости завалилась подруга с бутылкой вина и сотнями вопросов.

— Как ты могла не рассказать мне? — не унималась Марина.

Мы устроились на полу среди горы подушек, на заднем фоне играла музыка и у нас получился, своего рода, девичник.

— Что рассказывать? — я пожалала плечами. — У нас все очень сложно. Только я думаю, что все наладилось, сразу все меняется и я уже ничего не понимаю.

— Вы спали? — звучит тихо и напугано, как будто она уже знает ответ на свой вопрос.

Я утвердительно киваю, убирая пряди волос со лба.

— И как это было? — Маринка пододвигается ближе.

— Было то всего один раз, нечего рассказывать, — я отмахиваюсь, не желая вдаваться в подробности своего первого опыта, который случился по моей инициативе. До сих пор стыдно, что я так бесцеремонно нарушила свое слово и первая сделала шаг.

Я же не собиралась усложнять и без того сложные отношения. В моих планах было решить вопрос с компанией и моим образованием, а я лишь только больше запуталась в себе.

— Анжи, это же... это же, — подруга захлебывалась от восторга. — Ты такого мужика отхватила.

Я не разделяла радости Марины. Краснов был прав, у него скверный характер и мы все время будем воевать с ним, не важно по каким вопросам. Сейчас как никогда не хватает совета родителей. Хм, а одобрили бы они мой выбор? То, что, я выбрала Краснова, в этом нет сомнений. Я не собираюсь отказываться от него, как он отказался от меня, пусть и вынужденно. Если я не попробую эти отношения, то буду жалеть всю оставшуюся жизнь. У нас может не получится, но попробовать стоит.

— Он представит тебя как свою девушку? — Марина сделала глоток вина и мечтательно закрыла глаза, что-то представляя. — А потом я буду подружкой невесты.

— Марин, это уже перебор, — я останавливаю мечты подруги. — О нас никто не должен знать. Ты хоть представляешь, как это выглядит со стороны? Он был моим опекуном. И наша разница в возрасте... Он же мне в отцы годится.

— И что? У нас с Петей тоже разница в возрасте приличная.

— Марин, — я беру девушку за руки. — Я очень прошу тебя, никто не должен знать.

Марина улыбается одними уголками губ, и я понимаю, что она не рада такому положению, но выбора у нее нет и она кивает:

— Как скажешь.

Утром под окнами я замечаю БМВ Вячеслава. Удивляюсь, что Краснов не прислал за мной мерседес, но решаю, что сделал это специально, чтобы у меня была возможность пообщаться со Славой.

Надеваю строгое платье-футляр и лодочки на высоком каблуке. Наношу легкий макияж и делаю укладку. Своим внешним видом я очень довольна. Но желудок сжимают спазмы из-за нервозности. Я не могу впихнуть в себя даже чашку кофе. Не желая терять время, хватаю сумку и спускаюсь на улицу.

— Воу, вот это бизнес-вумен, — Славик открывает для меня пассажирскую дверь.

— Я рада, что ты оценил, — я быстро улыбаюсь Славику и он замечает, как потрясывает руки, когда я пристёгиваю ремень безопасности.

— Не волнуйся, Алексей не даст тебя в обиду, — он пытается меня успокоить. — Он все воскресенье готовился к этой встрече, почти не спал.

От этих слов стало еще нервознее и тревога только усилилась. Не буду скрывать. Что так же переживала за Алексея. Вдруг совет директоров решит, что он не имеет права управлять компанией, т. к. я уже совершеннолетняя и он больше не имеет ко мне отношения. Больше всего я боялась, что эти противные дядьки решат поставить на место исполнительного директора своего человека, который будет продвигать ненужные идеи для компании.

— Почему на БМВ? — мне не важен ответ, но я не могу молчать, мне нужно отвлечься.

— Мерседес взял Алексей, сказал, что он ему нужен. Думаю, он планирует кого-то подвезти и заодно записать разговор. Ну ты понимаешь, — Славик улыбнулся, оголяя белоснежные зубы.

— Ну, да.

Я не понимала ничего. Я так самонадеянно думала, что смогу ворваться в управление компании безо всяких проблем. Я же дочь Миронова Андрея, он же завещал мне компанию, а это значило, что теперь я главная и все должна были меня слушать. Теперь я считаю эти мысли детскими и глупыми. Я совершенно не знаю всех тонкостей управления такой большой организацией и боюсь, что приведу компанию лишь к банкротству. Без помощи Алексея я пойду ко дну.

Мы подъезжаем к офису и сердце с новой силой начинает биться под ребрами, словно птица, запертая в клетке.

Я набираю в легкие воздух и выхожу из салона, ступая в знойный летний воздух.

— Удачи, — Славик не идет за мной.

Я удивляюсь, что он не будет меня сопровождать, но в этом нет необходимости, поскольку я замечаю высокую фигуру Краснова, который направляется напрямиком к нам.

— Привет, — он кивает мне и изучает с ног до головы. По его взгляду я не могу понять, о чем он думает. Он все такой же отстраненный.

Слегка приобняв за талию, он ведет меня по просторным коридорам здания. На нас с любопытством смотрят сотрудники. Кто-то даже перешептывается. Краснова, уверена, здесь знает каждый сотрудник. А вот моя персона им любопытна. Хотя, осмелюсь предположить, что из-за моего сходства с матерью, кто-то уже догадался о моей личности и слухи не заставят себя ждать.

В большом конференц-зале уже собрались люди, и все ждали только нас. Мы остановились у широких массивных дверей, за которыми стоял гул голосов.

— Лица, — Краснов придвинулся ближе. — Я рядом. Не важно, что они сегодня скажут, ты должна знать, что я всегда рядом.

Я кивнула, растирая вспотевшие ладошки.

Мужчина распахнул двери передо мной, и я шагнула внутрь. Стоило только мне войти, голоса стихли и воцарилась тишина. Алексей отодвинул для меня кресло во главе стола, я уверенно села, сохраняя маску уверенности и спокойствия.

Обведя зал глазами поняла, что большинство — мужчины пенсионного возраста с выпирающими животиками. Одним словом, зажравшиеся мухи.

— Добрый день, — я улыбнулась присутствующим самой беззаботной улыбкой, на которую была способна. — Я собрала всех вас по важному вопросу.

Заметила, как лысый мужчина в зеленом костюме усмехнулся и покачал головой.

— Если кто-то еще не в курсе, меня зовут Анжелика Андреевна и согласно последней воли моего отца я приняла управление компанией. Мы с вами как раз должны решить вопрос....

— Мы с вами? — лысый мужик меня перебил. — Я не собираюсь с вами ничего решать. Вы еще не выросли для взрослых бесед.

— Простите? — я строго взглянула на мужчину, пораженная таким неуважением. Краем глаза заметила едва уловимый кивок головы Краснова, как знак одобрения.

— Вы ещё очень молодая и к тому же без образования. Я никогда не буду воспринимать вас как генерального. Так что это вы простите.

По залу раздались возгласы поддержки. И зал снова наполнился гулом.

Стало очевидно, что мужчины не станут меня воспринимать серьезно.

— Господа, — Краснов поднялся с места, привлекая внимание присутствующих. — Анжелика Андреевна является законной владелицей пакета акций компании, и мы с вами должны определить кто будет управлять компанией.

— Алексей Александрович, мы надеялись, что вы так и продолжите управлять компанией, — сказал грузный мужчина, но стоило ему поймать мой взгляд, поспешно продолжил. — До тех пор, пока Анжелика Андреевна не будет готова принять управление.

— Это отличная мысль, — поддержал его лысый.

После его слов все присутствующие в один голос стали твердить о том, что Краснов их устраивает всецело и полностью. Я наблюдала за выражением лица Алексея, по которому ничего было не понять, как будто он снова надел маску безразличия и его истинные эмоции остались скрыты от посторонних глаз. Но я заметила, как сильно он сжал ладони в кулаки.

— За последний год, прибыль только растет и это отличный показатель талантливого управления Алексея Александровича, — лысый заулыбался, глядя прямо мне в глаза.

Стало понятно, кто в этой компании имеет власть. Лысый. Все его слушались и его слова воспринимались как единственно верные, а я даже не успела договорить свою речь. Он бесцеремонно перебил меня и повернул все в нужное ему русло, выставив меня недоучкой.

Мужчины в один голос твердили о сохранении Алексея на посту исполнительного директора.

Лысый встал с места и вышел из зала. За ним удалились все, оставляя нас с Алексеем и секретарем одних.

— Лиза, вы можете идти, — Алексей кивнул девушки на дверь, и она поспешно удалилась.

— Кто это, черт возьми, — я сорвалась. — Ты видел, как он меня перебил?

— Успокойся, — Алексей сел в кресло, пальцами потирая переносицу.

— Что мне сделать? Лёша, я даже не договорила. Он не дал и слова мне сказать.

— А что ты хотела сказать? — мужчина поднял на меня глаза.

— Это уже не важно, — я направилась к выходу из зала. — Я в туалет.

Я шла по коридору стараясь успокоить свои нервы. Завернув за угол и отыскав уборную смогла выдохнуть, надеясь на возможность побыть одной.

Смотря на свое отражение хотелось кинуть в него чем-нибудь. Я была противна себе. Я не могу определиться что мне делать с Алексеем, я не могу усмирить своих подчиненных. Я вообще ничего не могу.

— Вот это встреча, — знакомый голос заставил меня обернуться.

В уборную вошла блондинка, которая истошно кричала на оглашении завещания. Её я запомнила на всю жизнь. Только сейчас она выглядела лучше. Волосы каскадом спадали на плечи, никакого намека на вычурный маникюр. Если бы не обстоятельства нашего знакомства и её поведения, я бы не узнала в ней ту истеричку. Словно сейчас передо мной другой человек.

— Что вы здесь делаете?

— Я здесь работаю, — она сделала шаг ко мне. — А ты что здесь забыла?

Её улыбка больше была похожа на оскал и мне стало не по себе. Правильно было бы уйти, но любопытство взяло верх.

— Это моя компания, ничего удивительного, что я здесь.

— Ха, недолго тебе осталось, — она сделала еще один шаг. — Может быть сейчас у тебя есть все, но подожди, и у тебя не будет ничего.

— Вы мне угрожаете? — я с вызовом посмотрела в лицо женщине.

Она выглядела спокойной, но глаза выдавали её неприязнь ко мне.

— Я не угрожаю, а говорю, как будет. Ты же знаешь, что твой отец изменил завещание?

Я помню, что как-то Алексей обмолвился, что отец менял завещание незадолго до своей смерти. И это наводит меня на мысль, что это волнует женщину куда больше, чем должно.

— И что?

— Он не менял его, — она больше не улыбалась, смотря изподлобья. — Измененное завещание — подделка. Андрей не собирался тебе ничего оставлять. Он тебя не любил.

Слова словно иголки врезались под кожу, причиняя боль. Женщина вторгалась в мою жизнь, оскверняя добрую память о моем отце. Она не имела права так говорить. Я выросла в любви и не разу не усомнилась в том, что я желанный ребенок.

Её попытки вывести меня на эмоции провалились с треском, потому что в своих родителях я была уверена на сто процентов.

— Вы лжете.

— Так Алексей Александрович тебе ничего не рассказал? — женщина засмеялась, увидев изменения в моем лице. — Так и думала.

— Что он должен был рассказать? — к горлу подступал неприятный болезненный ком.

— А это пусть он сам тебе скажет, — она засмеялась и вышла. Я слышала, как она удаляется все дальше по коридору.

Сердце болезненно отдавалось внутри. Я была окончательно разбита. Мне в наследство достался улей с дикими пчелами, которые не воспринимают меня как члена своей семьи, я для них маленькая глупая девчонка, которой они не доверяют. И хуже всего от того, что даже Краснов мне не доверяет. Он что-то от меня скрывал. Я должна узнать, кто эта женщина, которая присутствовала на оглашении завещания, но которую я раньше никогда не видела, которая так легко говорит о моем отце.

Я вернулась в конференц-зал, но мужчины там уже не было. Меня заметила секретарша и указала на кабинет Краснова.

Мужчина сидел в кожаном кресле и подписывал бумажки. У стола так же стоял Аккерман.

— Здравствуй, Анжелика, — он кивнул мне. — Надо подписать документы по передаче управления.

Я поставила подпись, не глядя на бумажки.

— Лёш, ты ничего мне не расскажешь? — я уперла руки в столешницу, сверля взглядом

мужчины.

Он поднял взгляд и непонимающе уставился на меня.

— Лирика, я не понимаю, что я должен рассказать.

— Только что в туалете я встретила с одной неприятной дамочкой. Если помнишь, на оглашении завещания была одна неприятная мадам. Так вот, она сказала, что завещание отца подделка и мне не долго осталось.

— Это какой-то бред, — Алексей снова вернулся к бумажкам. — Завещание подлинное.

— Это не все, — я продолжила, а Алексей отложил в сторону бумаги, тяжело вздыхая. — С её слов, ты должен мне что-то рассказать. Я о чем-то не знаю.

Мужчина встал из-за стола и подошел ко мне. Аккерман молча наблюдал за нами, не двигаясь.

— Милая моя, — Алексей обнял меня, желая успокоить. — Она просто тебя провоцирует. А ты ведешься на её уловки. Мне нечего тебе рассказать.

Он слегка отстранился, поправляя выбившуюся прядь. Его слова были более убедительны. Женщина действительно могла играть на моих нервах. Но я все равно не понимаю какой ей от этого толк.

— Сейчас ты поедешь домой, примешь ванну, отдохнешь. Мы позже с тобой все обсудим, — его губы коснулись моего лба. — Я должен работать.

Я словно безвольная кукла кивнула, хотя мне не хотелось уезжать, не хотелось прекращать этот диалог и так просто сдаваться. Но я знала, что спорить с Красновым бесполезно, он в любом случае прогнет меня под себя и всему этому Аккерман будет свидетелем.

Я со злостью пнула мягкое кресло-мешок, которое так к месту расположилось в углу спальни Марины. Обещание обсудить мои переживания Краснов не торопился выполнять. Он вообще ни с чем не торопился, забив на меня по полной программе. А я как маленький ребенок, злилась. И в первую очередь злилась на себя, что повелась на его уловки и позволила сделать то, что не должна была позволять.

Он игнорировал мои звонки и сам не звонил. Прошла неделя с тех пор как мы виделись и мне начинает казаться, что меня обвели вокруг пальца. Заставил подписать бумажки о передачи компании в его ручки и свалил.

— Может тебе к нему домой приехать? — говорит Марина, опуская поднос с чаем на столик.

— Нет, — вылетает резко, чем хотелось бы. — Я уже сделала первый шаг сама и начинаю жалеть об этом. Что бы я ни делала, ничего хорошего из этого не выходит.

Я падаю в пострадавшее кресло-мешок.

— Почему я такая наивная дура? — говорю в потолок, запрокинув голову.

— Ой, Анжи, перестань. Мы с тобой в таком возрасте, когда самое время совершать глупости и ошибки, иначе жизненный опыт будет скудным. Посмотри на это с другой стороны, теперь ты знаешь, как делать не надо.

— Да, ты права. Все это ошибка. Большая. Глупая. Ошибка.

Почему мне грустно от мысли, что у нас с Алексеем ничего не получится? Что мы заведомо совершаем ложные действия, которые приводят нас в тупик. Может я переоценила свои чувства к нему и это лишь моя больная фантазия, которая берет истоки в юности. Мне было всего шестнадцать, и Алексей фактически всегда был рядом, что и спровоцировало мнимую симпатию. Твою мать. Как же сложно разобраться в себе и понять, что происходит.

— Лирика, зачем ты так близко к сердцу все воспринимаешь? Ну, переспали, подумаешь. Это опыт как никак. Чай будешь?

— Нет, — я поднимаюсь на ноги. — Поеду домой, включу сериал и буду разлагаться. Не провожай.

На душе погано.

Я подхожу к родному подъезду, когда замечаю черный Мерседес. Сердце словно ожило, набирая скорость. Улыбка сама собой расцвела на лице и я, забыв обо всем на свете готова была бежать на встречу с мужчиной. Но вовремя себя осекла.

Он пропадал целую неделю, а я, как безмозглая дурочка радуюсь его приезду. Анжелика Андреевна, у вас вообще хоть капля гордости осталась? Или все выветрилось с мозгами?

Набрав в легкие побольше воздуха, двинулась к подъезду. К моему удивлению, машина была пуста и рядом никого не было.

Мужчина нашелся в моей квартире.

Я застала его за чтением какой-то лабуды по финансовым рискам.

— Где ты так долго ходишь? — не отрываясь от книги, спросил мужчина стоило мне только переступить порог гостиной.

— И тебе привет.

— Что с голосом? Я тебя чем-то обидел? — он оторвался от книги, сканируя меня взглядом.

Колени ослабли, и волна горячей дрожи прошла по телу, стоило встретиться с его взглядом. Голодные серые глаза предупреждали, несмотря на расслабленную позу и каменное выражение лица.

— Как минимум ты не отвечал на звонки, — я стараюсь говорить, как можно равнодушнее, но от него вряд ли можно скрыть волнение.

Он поднимается, и я непроизвольно делаю шаг назад.

Всю неделю я ждала встречи, но стоило этому случиться, я превратилась в один сплошной нервный комок, словно никогда не была знакома с мужчиной.

Алексей одной рукой притянул меня к себе, впечатывая в твердую грудь, не оставляя между нами ни малейшего пространства. Я чувствую себя очень маленькой в мужских руках. Ему не составит труда раздавить меня словно букашку, но он осторожно удерживает меня, слегка надавливая на позвоночник. Я понимаю, что он не выпустит меня из своих рук, что полностью рушит мои планы на разговор.

Его взгляд блуждает по моему лицу и замирает на губах.

— Я летал в Лондон, — его дыхание обжигает подбородок. — Решал маленькие вопросы.

— А предупредить не мог? — я утопаю в его неповторимом аромате, впитывая каждой клеточкой мужской парфюм.

— Это была незапланированная поездка, — его рука спускается ниже, сжимает ягодицу и прижимает тело ближе.

Я чувствую его эрекцию и от этого пульс подскакивает. Дыхание становится тяжелым, словно я пробежала стометровку, а внизу живота завязывается горячий узел. Я закрываю глаза, наслаждаясь ощущениями от его прикосновений, проваливаясь в темную пропасть своего желания. Я не в силах ему сопротивляться, сбросить с себя его руки и высказать претензии. Он знает свою власть надо мной и знает, на какие рычаги надавить. Он голодный хищник, за спиной которого сотни жертв, а я глупый кролик, впервые столкнувшийся лицом к лицу с хищником.

— Я готов прямо сейчас разорвать на тебе это платье, — я чувствую, как юбка поползла вверх, оголяя ягодицы, обтянутые тонким кружевом. Пальцами мужчина поддел резинку трусиков, проскальзывая между ягодиц и останавливаясь на клиторе. — Какая ты мокрая.

— Не надо, — звучит как мольба об обратном.

Он вводит в меня палец, и я выгибаюсь не в силах сдержать стон. Колени подводят, но сильные руки удерживают меня на месте.

— Я знаю, что будет на десерт, — мужчина резко выводит из меня палец, запуская новую волну возбуждения.

Я хочу новую порцию его прикосновений, но он поправляет мое платье, по-прежнему не выпуская из рук.

— Немного терпения, моя маленькая, — уверена, разочарование на моем лице ни с чем не спутать. — У тебя есть полчаса на сборы. Я забронировал столик в ресторане, будет обидно, если бронь слетит.

Я словно под гипнозом киваю и на негнущихся ногах направляюсь в спальню.

Алексей.

Когда Анжелика появляется в дверном проеме у меня перехватывает дыхание. Она слишком хороша для меня. Её совершенное тело плотно обтянуто темной тканью бархатного платья, которое отлично подчеркивает высокую грудь. Она словно свежий цветок, который я так опрометчиво сорвал не в силах сдержаться.

Я не думал, что она так скоро будет податливой, напротив, ожидал отпор с её стороны, но малышка удивила своей покорностью. И мне не терпится проверить эту покорность в горизонтальном положении.

Я много думал о нас пока был в рабочей поездке в Англии. И как бы я не убеждал себя в неправильности наших отношений, член каждый раз утверждал обратное стоило только представить Анжелику. Мысли о ней не давали нормально спать по ночам, подкидывая сцены страсти, которые не терпится воплотить в жизнь. И я думал, что каменный член — это результат отсутствия секса в последние несколько недель, но это оказалось не так. Я позвонил своей старой знакомой, с которой мы неплохо проводили время, когда я жил в Лондоне, но даже ее искусный минет не помог справиться с развращенной фантазией, где я отымел малышку Лику во всевозможных позах. Будь её отец жив, отстрелил бы мне все яйца.

— Ты прекрасна, — я не могу удержаться, чтобы не поцеловать её.

Мы слишком долго не виделись. И я готов даже плюнуть на ресторан и взять её здесь, но тогда я буду просто ублюдком, не сводив её на нормальное свидание.

— Куда поедем? — спрашивает она, когда я помогаю ей сесть в машину, придерживая пассажирскую дверь.

— Это сюрприз.

Когда выезжаем на шоссе, я кладу руку на её колено, чувствуя, как она напряглась.

— Расслабься и разведи ноги.

Она послушно выполняет мое требование и раздвигает колени насколько позволяет юбка платья. Но мне этого достаточно, чтобы дотянуться до трусиков, которые уже пропитаны влагой. На лице Анжелики появляется сексуальный румянец, и я наслаждаюсь её прекрасным профилем. Девушка ёрзает на месте в то время как я ласкаю внутреннюю сторону её бедра.

— Тебе нравится? — спрашиваю и усиливаю давление на клитор, замечая бусинки сосков под тканью платья. Без бюстгалтера, коварная соблазнительница.

— Да, — срывается на выдохе с её губ.

Я отодвигаю тонкую ткань кружева и ввожу сразу два пальца, попадая в сладкий тесный плен. Девушка выгибается, поддаваясь мне навстречу.

Член болезненно ноет от желания заменить пальцы и оказаться внутри неё, такой горячей, такой податливой. И мне приходится приводить в порядок дыхание и не потерять внимание от дороги, когда с пухлых губ срывается стон.

Я сбрасываю скорость, перестраиваясь в крайний правый ряд, надеясь, что это убережет нас от столкновения.

Я загоняю в неё свои пальцы ускоряя темп, ощущая, как тело девушки поддается мне навстречу. Её щеки залиты румянцем, а глаза окутаны Она

— Лёша, я..., - она кончает, когда я резко ввожу пальцы, одновременно сжимая клитор.

— Умница.

Когда оргазм отпускает её, прошу подать мне салфетки из бардачка. Но вместо того, чтобы просто передать мне салфетки, Лика сама вытирает последствия страсти с моей руки, заливаясь при этом румянцем. Её невинность и неопытность только больше подстёгивают мое желание развратить её.

Когда мы подъезжаем к ресторану, я вижу панику на её лице.

— В чем дело?

— Вдруг нас кто-то увидит вместе. Тебя многие знают. Вдруг поползут слухи?

— Не волнуйся, все предусмотрено.

Я беру её за руку и уверенно веду в здание одного из самых дорогих ресторанов. Мне нравится ощущать ладонь девушки в своей. Это странное чувство, потому что раньше я никогда не испытывал потребности непрерывно ощущать кожу женщины, но с Ликой... Я хочу чувствовать её всегда.

— Здесь никого нет, — малышка озирается по сторонам в пустом зале ресторана.

— Я предусмотрительно забронировал весь ресторан.

Отодвигаю для неё стул, наслаждаясь видами на ложбинку груди.

— Спасибо, — она берет меню, внимательно изучая позиции.

— Ты подумала над моими словами?

— Какими именно?

— Лика, ты готова быть со мной? Ты должна понимать, что я не потреплю внимания со стороны других мужчин. Ты только моя.

— Опять приставишь ко мне Славика? — она откладывает меню в сторону. — Я готова сделать заказ.

Она машет рукой. После того как официант принимает заказ и удаляется, все её внимание снова оказывается под моим контролем.

— Я не только Славика приставлю.

— Тогда нет.

Такого я точно не ожидал, но вида не подаю. Издержки профессии — держать лицо. За годы среди хищных акул бизнеса научился не показывать истинных эмоций.

— Ты думаешь, что я хочу ограничить твою свободу, а я лишь хочу обеспечить тебе безопасность.

— Безопасность от кого? От других мужчин? — знакомые нотки в её голосе предупреждают о возможности начать спор, который обернется для нас еще одним провалом.

— Ты очень красивая, — говорю искренне. — И каждый мужчина будет несказанно рад получить твоё внимание, плюс ты богатая наследница.

— А мы можем обойтись без Славика и прочих личностей. Или ты мне не доверяешь?

— Давай на чистоту, — делаю паузу, дожидаясь, когда официант разольет вино по бокалам и удалится. — Я уже не молодой мальчик и годы возьмут свое. А ты молода и прекрасна. Вскоре тебе со мной станет скучно, и ты будешь искать новые ощущения, а я не привык делиться тем, что принадлежит мне.

— А с чего ты взял, что мне станет скучно? Ты машину времени изобрел и уже слетал в будущее? — она делает глоток вина.

Я очарован её изяществом, сравнимым только с дорогим фарфором. И как неандерталец не могу удержать желание спрятать её в своей пещере и никому не показывать, боясь

повредить тонкую работу.

— Тогда давай проверим, переезжай ко мне, — снова делаю попытку услышать заветное согласие.

Девушка тяжело вздыхает, принимая важное для себя решение. И я уже готов победоносно усмехнуться, и она говорит:

— Нет, Лёш. Я возможно могла бы мириться с присутствием Славика, но дело не только в нем, — она прячет глаза, и я чувствую, как тяжело ей даются слова. — Ты же понимаешь, что мы всегда будем на виду у сотни людей и я не хочу, чтобы у тебя возникли проблемы из-за связи со мной.

— Я смогу решить любую проблему, ты не должна об этом волноваться.

— Как я могу не волноваться? Это меня тоже касается.

Девушка приступает к еде, и я не хочу прерывать её. Ей нужно набраться сил перед тем как я она станет моим десертом. И уверен, ночью, она заговорит по-другому и не станет долго сопротивляться моему желанию принадлежать мне целиком и полностью. А ведь именно этого я и хочу, чтобы Лика была только моей, абсолютно во всех смыслах. А для этого мне необходимо, чтобы она переехала в мою квартиру, не лишая возможности наслаждаться её горячим телом при любой возможности.

Остаток ужина мы проводим за разговорами о всякой ерунде, больше не поднимая острую тему. Анжелика расслабилась и вино отлично в этом помогло. Она смеется, и я ощущаю необыкновенный прилив сил, наслаждаясь звонким голосом. И мне с трудом удается отвести взгляд от пухлых губ, когда она проводит по ним языком, слизывая остатки вина.

И в этот момент я решаю, что пора переходить к десерту.

Я делаю знак официанту и оставив на столе приличное количество банкнот, смотрю в глаза Лики.

— Нам пора.

Девушка молча следует за мной.

— Мы куда-то спешим? — Лика улыбается, разглядывая меня.

Я чувствую, как ее взгляд блуждает по моему лицу, спускается на шею и стремится к рукам. Мне нравится видеть её такой расслабленной. Жаль, что это заслуга, в основном, алкоголя.

Дорога до моей квартиры занимает не больше десяти минут и обойдется мне в несколько тысяч рублей, о чем сообщат штрафы за превышение скорости и проезд под красный сигнал светофора. Но мне трудно держать себя в руках, особенно когда ладонь девушки скользит к паху и уверенно сжимает член.

— Я хочу тебя, — срывается с её губ.

Впервые в жизни я позволяю себе быть несдержанным и набрасываюсь на губы Лики в лифте. Я жадно сминаю пухлый рот, втягивая в себя сочную губу, наслаждаясь ароматом её тела. Лёгкий тонкий цветочный запах духов и её кожи словно наркотик сносит крышу. Хочу почувствовать бархат её кожи под своим телом. Вонзиться в её бедра и внимать сладкие стоны, срывающиеся с её невинных губ.

— Твою мать, какая ты сладкая, — мне трудно оторваться от тела девушки, когда двери лифта открываются и мы словно в вальсе, не разрывая поцелуй, перемещаемся на лестничную клетку.

Я на ощупь открываю дверь и толкаю хрупкое тело в темноту коридора, запирая дверь.

Дверь закрыта, а это значит, что больше нет сдерживающих факторов. Есть только я и она.

Подхватив стройное тело направляюсь напрямиком в спальню, не желая терять драгоценного времени. Хочу трахнуть её до потери сознания.

Поставив девушку на пол, развернув к себе спиной, резко дергаю молнию платья, в считанные секунды освобождая горячее тело из бархатного плена. Ткань падает к ногам. Я не спешу разворачивать её лицом к себе, наслаждаясь изящными изгибами спины и упругой сочной задницей в кружеве.

— Это лишнее, — поддеваю трусики и отправляю их к платью.

Девушка абсолютно обнажена и находится в полном моем распоряжении.

— Я буду твоим первым везде, — говорю и надавливаю пальцем на тугое колечко между ягодиц, слегка вводя палец внутрь, отчего слышу тяжелой вздох, то ли от испуга, то ли от возбуждения.

Разворачиваю её и не могу устоять перед розовыми ореолами. Опускаясь на колени, всасываю сосок, лаская его языком, получая в награду протяжный стон. Пальчики девушки зарылись в моих коротких волосах, приятно царапая кожу головы. Перемещаюсь на другую грудь, чувствуя, как девушку подводят ноги, и она готова упасть.

Приходится прерваться.

Уложив её на кровать прощаюсь с одеждой и нависаю над хрупким телом, устраивая член между её ног, но не торопя события.

— Хочу насладиться тобой, — шепчу ей в губы, прежде чем овладеть её ртом.

Он жадно трахает мой рот языком, выписывая сложные элементы и заставляя меня ерзать на простынях. Соски стали чувствительными, и я вздрагиваю, когда горячая мужская грудь трется о мою. А затем горячий язык накрывает воспаленные бусины, и я не могу сдержать стоны от острого наслаждения, парализовавшего тело.

Кто бы что ни говорил, но тело у Алексея шикарное. Я провожу руками по его твердому прессу, поднимаясь к крепкой груди. Жадно рассматривая широкие плечи, запоминая каждую деталь.

— Я так долго этого ждал, — Алексей снова таранит мой рот, одновременно руками разводя мои ноги.

Головка его члена трется у самого входа, но он не спешит, дразня меня.

— Лёша, умоляю тебя, — хнычу я, ёрзая под крепким телом в перерывах между поцелуями.

Алкоголь стер стыд и стеснение, и я сгораю от желания ощутить его внутри себя. Вся моя кожа словно пылает в огне и каждое его прикосновение остро ощущается, отзываясь ноющей болью внизу живота.

— Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя?

Мужчина погружает в меня головку, но резко выходит, лишая меня порции удовольствия.

— Да, — выдыхаю я, когда он повторяет свой трюк.

— Что да? Я не понял, — он улыбается словно хищник, нависая над моим лицом.

— Трахни меня, — краска заливает мое лицо, когда я говорю это.

Но стыд мимолетный, поскольку Алексей резко погружается в меня, выбивая из легких весь воздух. Размеры его члена болезненно растягивают меня, и я хватаюсь за его шею, как за спасительный круг.

— Какая же ты узкая, — он стискивает зубы и делает толчок. — Идеальная.

Он целует меня в такт со своими движениями. Резкими, жесткими, властными, разрывающие мою плоть. Он выходит почти на всю длину и резко врывается внутрь меня, заставляя выгибаться навстречу. Он именно трахает меня. А я принимаю это. Он желает обладать мной, и я желаю того же.

Я с упоением принимаю его внутри себя, ощущая себя желанной, необходимой ему. И пусть на разных условиях, но мы оба хотим быть друг с другом.

Его губы ловят мои стоны и тяжелое дыхание. Когда я чувствую, что балансирую на грани пропасти, то сама жадно целую его, впиваясь короткими ногтями в крепкие плечи. Он все понимает и увеличивает темп, не оставляя мне шанса. Я теряю контроль над своим телом, ощущая, как внутри меня растекается тепло, а перед глазами стелется белая пелена.

Алексей делает финальный толчок, погружаясь в меня максимально глубоко и резко выходит, кончая мне на живот.

Я чувствую, как горячая сперма брызгает мне на грудь, ребра, живот и улыбаюсь. Мне нравится чувствовать его удовольствие на своем теле. Это по животному грязно, но это заводит.

Мужчина падает рядом, и я слышу его тяжелое дыхание.

— Ты невероятная.

Проходит пару минут, когда я прихожу в себя и уже могу ясно воспринимать происходящее.

— Мне нужно в душ, — бормочу я, приподнимаясь на локтях.

Но тяжелая рука мужчины толкает меня обратно на кровать.

— Мы не закончили.

Он вытирает сперму с моего тела своей рубашкой и разворачивает меня на живот. Я не готова ко второму раунду. Ощущая тяжесть во всем теле, мне трудно контролировать свои движения. А между ног ужасно ноет, как напоминание о жестком сексе.

— Встань на колени, — это приказ, но я не могу выполнить его, распластавшись на подушках.

— Давай Ли́ка, — он шлепает меня по заднице, оставляя обжигающий след на нежной коже.

— Лёша, я не могу, — жалобно стону в надежде на помилование.

Сильные руки проскальзывают между моим телом и простыней, приподнимая мою задницу. Пальцы скользят между складочками, размазывая влажность.

— Ты ещё мокрая, — слышу прежде, чем ощутить горячий язык на своем клиторе.

— Лёша, я же не была в душе, — я пытаюсь сопротивляться, но сильные руки удерживают меня в неподвижном положении.

Язык скользит дальше и погружается в лоно, заставляя меня умолять мужчину не делать этого. Но кажется, Алексею плевать на мои возражения, потому что он усиливает толчки языком подключая пальцы. Я чувствую, как болезненный узел закручивается внизу живота, и я вновь превращаюсь в податливый пластилин.

Не в силах бороться, я позволяю мужчине ласкать меня.

— Умница, — Алексей отстраняется, когда я прекращаю попытки сопротивления и я готова рухнуть, но резкий толчок члена внутрь заставляет меня вскрикнуть. Тело парализует тупая боль наряду с острым наслаждением.

— Да, моя девочка, — движения Алексея более мягкие, плавные, растягивающие удовольствие по моим стенам.

Я чувствую, как он легко скользит внутри меня благодаря тому, что дополнительно увлажнил мои складки и боль сменяется наслаждением. Я задыхаюсь от ощущений, когда он наклоняется и сминая мою грудь, играя с соском. Тело отзывается на его прикосновения, словно он хозяин. Руки собственнически мнут грудь, в то время как член упорно таранит мое лоно.

— Переезжай ко мне, — движения становятся более глубокими, когда он говорит.

Несмотря на туго соображающий мозг в данный момент, мне хватает воли сказать нет. Толчки сменяются жесткими, грубыми и я снова чувствую боль, которая преумножается напряжением внизу живота.

— Ты чертовски узкая, я долго не протяну, — Низкий гортанный голос опалает мою шею.

Он наматывает мои волосы на кулак, заставляя прогнуться, запрокинув шею. Новый угол проникновения доставляет мне новую волну удовольствия, и я не в силах терпеть напряжение, позволяю оргазму завладеть моим телом. Алексей кончает на меня, разливая сперму на спину.

Когда я прихожу в себя, за окном уже светло. Прислушиваясь к своему организму, понимаю, что мне нужно в туалет.

С трудом передвигая ноги, направляюсь в заветную комнату, ощущая на себе урон от жаркой ночи.

— Ли́ка, ты проснулась? — слышу голос Краснова, доносящийся с кухни.

— Да, — хриплю я, и прочистив горло добавляю. — Проснулась.

В дверном проеме появляется обеспокоенное лицо Краснова, взгляд которого становится голодным при виде моей наготы.

А чего стесняться? Ночью он меня во всех позах рассмотрел.

— Я приготовил завтрак, но, если ты не оденешься, завтракать буду тобой.

Боже упаси, я от ночи ещё не отошла.

Справив нужду, приняв ободряющий душ и приведя себя в порядок, смотрю в зеркало, осознавая, что однажды, Краснов меня точно порвет и я не смогу ходить. От этих мыслей улыбаюсь. Потому что понимаю, что ночи с Красновым будут жаркими и возможно я зря отказываюсь переезжать к нему. Но личная свобода и сохранность репутации Краснова перевешивают жаркие ночи на чаше весов.

Порывшись в шкафу мужчины, надела его футболку, которая прикрыла мою наготу, решив отказаться от тесных кружевных трусиков.

— Давно проснулся? — спрашиваю, вдыхая аромат блинчиков.

— Не помню, — говорит он и ставит передо мной чашку кофе.

Мы завтракаем под звуки утренних новостей, и я замечаю, как взгляд Алексея становится серьёзным.

— Сегодня я отвезу тебя к гинекологу. Мы уже не первый раз занимались сексом без защиты.

Перспектива оказаться на кресле гинеколога после жаркой ночи, так себе. И если мне память не изменяет, перед походом к женскому доктору нужно воздерживаться несколько дней от близости, о чем и сообщаю своему хищнику.

— А как же воздержание перед походом к врачу?

— Она моя хорошая знакомая, поэтому осмотрит тебя сегодня.

— Насколько хорошая? — понимаю, что не должна была это спрашивать, но удержать внутри себя вопрос тоже не могла.

И, кажется, Алексей понял, что это не простое любопытство, а заявка на него самого.

— Очень хорошая, — он ухмыляется, отпивая из моей чашки бодрящий напиток.

— Ты с ней спал? — не уверена, что хочу услышать ответ на этот вопрос, но сказанное назад не вернешь.

— Нет, я не сплю с женщинами, с которыми буду вынужден иметь дела. Предпочитаю одноразовый секс без обязательств с незнакомыми женщинами, которых никогда больше не увижу, — он поймал мой взгляд и добавил. — Ты исключение.

Стало ли мне лучше после этой фразы, определенно нет. Мысль, что Алексей может спать с другими женщинами, разъедала все внутри меня, словно гниль, заражая все здоровые клетки. Я однажды застала его с Крупиной и понятно, что в его постели были и другие женщины, но почему же мне так больно. Почему мне тяжело принять тот факт, что он

доставил удовольствие другим женщинам, кроме меня, ведь они были до меня. И мне неприятно допускать мысли о том, что Краснов может проводить ночи с другими, потому что я отказалась к нему переехать.

Кажется, мужчина уловил направление моих мыслей.

— Хватит думать, иди собирайся, — он сказал это ровно, без каких-либо эмоций.

Мы заехали ко мне домой, чтобы я переделалась и взяла документы.

Дорогой до клиники, рука мужчины по-хозяйски лежала на моем колене, и я изо всех сил старалась скрыть улыбку.

За окном яркое солнце, и глаза Алексея скрыты за солнцезащитными очками. Его отросшая щетина, которую я так редко вижу, мне нравится, потому что она щекочет кожу.

— Ты решила, куда будешь поступать? — неожиданно спрашивает он, ловко управляя авто одной рукой.

Я не была готова к этому вопросу, потому что сама ещё ничего для себя не выбрала и не решила, чем именно хочу заниматься. То, что я должна управлять компанией за меня решил отец, просто включив в завещание, но чем я действительно хотела заниматься по жизни, меня никто не спросил. Но говорить об этом мужчине, я посчитала не обязательным.

— Думаю. Не могу выбрать между Управлением бизнесом и Коммерцией.

— Что ж, времени остается не так много. Пора бы уже документы в ВУЗ подавать, а ты все думаешь, — упрек с его стороны вмиг рушит мой окончательный настрой.

Нужно срочно как-то выкручиваться из сложившейся ситуации.

— Лёш, я все равно без тебя не справлюсь в управлении компании. Поэтому в любом случае, тебе придется ждать пока я окончу универ, а потом еще пару лет, пока войду в курс дела.

— Я так и знал, что придется тянуть детище Андрея Миронова до самой смерти, — он улыбается.

А я не понимаю, что именно он имеет виду под детищем — компанию, либо меня. Но я не успеваю спросить об этом, поскольку мы уже прибыли к месту назначения.

Современное здание полностью из стекла подсказывает мне, что обследования в этой клинике стоят целое состояние.

Я иду чуть позади Алексея, наблюдая за его спиной, обтянутой в белоснежную футболку. Я знаю, что на его плечах остались следы от моих ногтей и стоит только мне вспомнить что было ночью, тут же ощущаю жар между ног. Не вовремя.

Коридоры клиники наполнены светом и воздухом, персонал улыбается нам, и я замечаю, как женщины бросают на Алексея заинтересованные взгляды.

На стойке регистрации, миловидная девушка принимает документы и заполняя карточку, не стесняясь строит глазки моему мужчине. Моему, потому что пришел он со мной. Но её фраза объясняет неприкрытый флирт.

— Что ж вы с дочерью на прием пришли. Уже не девочка, восемнадцать есть.

Я чуть челюсть не потеряла, уронив её. А вот Алексея, кажется, несколько не удивила и не задела эта фраза.

— Это моя супруга, — его рука по-хозяйски легла на мою талию. — Планируем беременность, поэтому пришли.

Такого вранья от Краснова я не ожидала. Я знаю мужчину, как эталон честности, который не переносит вранья.

Пребывая, мягко говоря в шоке, как и девушка за стойкой регистрации, уставилась на

названного супруга.

— Не нервничай, малыш, тебе вредно, — озорные огоньки в его глазах танцевали на моих нервах.

Отдавая документы и бланки для врача, девушка оценивающим взглядом прошлась по моему телу. А я пожалела, что не накрасилась и не оделась поприличнее.

Видимо все было написано на моем лице, потому что мужчина, стоило нам завернуть за угол, впечатал меня в стену, закрывая собой словно щитом. Пространство сузилось до предела наших тел, как будто все вокруг перестало существовать.

Его губы жадно целовали, вновь распалая внутри меня огонь, как будто я была колодезной водой, а он никак не мог напиться.

— Лица, я прошу тебя, не мучай. Будь моей.

— Я и так твоя, — я отстранилась, пытаюсь восстановить дыхание.

— Мне мало. Я хочу, чтобы ты всегда была рядом. Понимаешь? Хватит гордость показывать, переезжай ко мне.

— Лёш..., - я не успела договорить, поскольку открылась дверь кабинета и я услышала свою фамилию. Мужчине пришлось отступить.

Не успела я устроиться на кресле, как в кабинет бесцеремонно вошел Краснов, устраиваясь на диванчике.

— Что ж, — врач взяла медицинские приспособления, но остановилась, едва взглянув на следы бурной ночи.

Анна Петровна, женщина примерно сорока пяти-сорока семи лет, была грузной, но лицо у нее было приятным, она определенно располагала к себе. И мысленно я дала себе оплеуху, что могла приревновать Лёшу к ней. Но глядя на то, как Анна Петровна взглянула на Краснова, стало понятно, что знакомы они действительно давно.

— Ты совсем рехнулся? — она с силой бросила перчатки в урну, обращая все свое внимание на мужчину. — Ты её насиловал что ли?

— Нет, все не так, — начала я лепетать в защиту мужчины, но меня остановила поднятая ладонь Анны Петровны.

Краснов молчал. И я была удивлена. Я думала, что он скажет что-то в свою защиту, придумает как оправдаться, но он молчал.

Женщина устроилась за письменным столом, размашистым подчерком заполняя карточку.

— Можешь одеваться, — получила я указания.

— А ты, — она перевела взгляд на Краснова. — Не трогай её пару дней. Не знаю, что у вас за отношения и, если честно знать не хочу. Я выпишу противозачаточные. Лучше начинать пить с начала цикла, но боюсь, кое-кто не сможет ждать так долго, поэтому начнешь пить с сегодняшнего дня.

Женщина протянула мне листок с названием препарата.

— Спасибо.

— Не надо мне благодарности, — она строго взглянула на Краснова.

Купив необходимые таблетки в соседнем здании, направились на парковку. Алексей выглядел немного подавленным, но тем не менее крепко держал меня за руку.

— Почему ты ничего не сказал ей?

— Потому что она была права, — он взглянул на меня, но выражение лица я не смога понять. — Я ведь, правда, изнасиловал тебя.

Я как корова хлопала ресницами не в силах понять, где были насильственные действия со стороны мужчины. Все же было по обоюдному согласию.

— Но это не так. Я хотела тебя не меньше, чем ты меня. В чем проблема?

— Я должен был быть нежнее, или хотя бы оставить тебя в покое после первого раза.

— Лёша, — я дотронулась ладонью до его щеки, искренне улыбаясь ему. — Это была лучшая ночь в моей жизни. Я бы не стала ничего менять.

Это была правда. Несмотря на дискомфорт между ног и запрет на близость пару дней, Краснов подарил мне невероятные ощущения. И не один раз. Но мужчину, кажется, это не убедило.

Вот уже пару дней я навожу порядок в родительской квартире. Собрала два мешка ненужного хлама, которому место на помойке. И приступила к самому ответственному этапу — разобрать документы.

Лёша пропадает на работе, что-то случилось в баре, поэтому он разрывается на части. Но меня это немного радует, поскольку я могу побыть одна и подумать о том, что между нами происходит и куда это может привести. Он звонит по вечерам и в конце нашего диалога уговаривает переехать к нему, чтобы мы были как можно больше времени вместе. Когда говорю ему очередное «нет», чувствую себя законченной эгоисткой. Но каждый раз успокаиваю себя тем, что так будет лучше для нас обоих. Я всё ещё хорошо помню наши стычки и их последствия, чтобы вновь совершать такую ошибку.

Роясь в документах, среди чеков, квитанций, гарантийных талонов на бытовую технику мне попались документы на машину. Ту самую, на которой разбились родители. Я смотрела на бумаги как на что-то невыносимо жуткое. Тело оцепенело, такое часто бывает, когда встречаешься лицом к лицу со своим страхом. Все внутри похолодело, окутывая сознание толстой пеленой ужаса. Я старалась прочитать содержимое документа, но буквы расплывались в неразборчивую тёмную строчку. Глаза щипало от подступающих слёз, и я заставила себя сделать глубокий вдох до боли в груди. Неприятное чувство окутало, словно ватное одеяло, тяжелым грузом ложась на плечи. Мне не давала покоя мысль, что кто-то сознательно положил эти документы в кучу ненужных бумажек. Отец всегда сортировал документы и ни за что бы не положил документы на машину с квитанциями и бесполезными чеками, которые выбросят в мусор, даже не взглянув.

Вспотевшими ладошками, набирая номер Краснова, думала только о том, что хочу услышать его голос, чтобы он меня успокоил и заверил, что все будет хорошо. Но моя нервозность только росла, когда гудки тянулись, а ответа так и не было.

Засунув документы в сумку, продолжила свою уборку, но мысленно уже была далека от реальности. Меня не отпускало предчувствие, что эти документы могут что-то значить и их обязательно нужно передать Алексею.

Вечером дозвониться до Алексея также не удалось, и я не в силах сидеть на месте, поехала к нему. Я была удивлена, когда не увидела автомобиль Вячеслава, дежурившего под моими окнами. Я уже смирилась с тем, что Алексей приставил ко мне «няньку», и сейчас, когда Слава был мне так нужен, его не оказалось на месте. Я надеялась, что это всего лишь совпадение, что Славы нет, а Лёша не отвечает на звонки.

Всю дорогу, в такси, не бросала попытки дозвониться до мужчины, но натыкалась на автоответчик.

Стоя под дверью с ключами в руках, не знала, как правильно поступить. Страшно признаваться, но боялась зайти и постучать его в компании какой-нибудь красотки. Но в следующую секунду убеждала себя, что это бред, но так или иначе, все-таки нажала на кнопку звонка. По ту сторону послышался шорох, но дверь так никто и не открыл.

Собравшись с духом, решила открыть дверь своим ключом. Но он не повернулся в замочной скважине — дверь была не заперта. Не к добру.

Ступая в темноту коридора, ощущая, как под ребрами неистово бьется сердце, задержала дыхание. Бесшумно ступая, зажав ключ в руке, двигалась в темноте коридора.

Завернув за угол, подпрыгнула от испуга, столкнувшись с девушкой.

Высокая стройная блондинка тоже испугалась, вскрикнув «ой».

— Вы кто? — я внимательно осмотрела гостью.

Выглядела она шикарно, словно сошла с обложки журнала. Вот это сюрприз.

Прислушиваясь к звукам, я поняла, что мужчины дома нет. Первое, что я почувствовала, это разочарование, но взглянув на блондинку, поняла, что я начинаю злиться.

— Извините, Алексей не сказал, что ждет гостей, — она смущенно пожала плечами. — Я Мария, его психотерапевт. А вы...?

Она выжидающе на меня уставилась, ожидая пока я обозначу своё отношение к хозяину квартиры. Но фигушки.

— Как вы попали в квартиру? — я шагнула вперед, отодвигая девушку плечом, направилась на кухню. Мой голос звучал резче, чем я планировала.

Она направилась за мной.

Все это начинало меня дико раздражать. Мужчина не отвечает на мои звонки, а в его квартире тусуется незнакомая мне мадам. Так ещё и психотерапевт. Что она ему психотерапевтит, интересно было бы узнать. И ведет себя так, словно не первый раз находится в квартире без хозяина. И где, чёрт возьми, Слава?

— Я поняла, вы должно быть Анжелика, — она улыбнулась. — Алексей рассказывал про вас.

Я проигнорировала её слова.

— Вы не ответили на мой вопрос. Как вы попали в квартиру?

— У меня есть ключи, — в подтверждение этому она показала мне связку ключей. — Алексей попросил привезти ему лекарства.

— Лекарства? — мое раздражение вмиг улетучилось, на смену ему пришло беспокойство.

Краснов не жаловался на здоровье и выглядел очень бодро. Неужели что-то случилось?!

— А он вам ничего не сказал? — девушка опустила взгляд, поняв, что сказала лишнего.

Я опустилась на стул, не понимая, что вообще происходит. На меня словно вылили ушат холодной воды.

С каждым часом, день становился всё отвратнее. Напряжение сковывало меня все сильнее, и я чувствовала, как медленно начинаю переполняться от негативных эмоций. Никогда раньше не испытывала ничего подобного и теперь понимаю людей, которые тянутся за сигаретой. Потому что сама готова была закурить сигаретку, чтобы немного расслабить накалившие нервы.

— Анжелика, — девушка присела рядом. — Я не должна вам этого говорить, но будет лучше, если вы узнаете о состоянии Алексея.

Я молчала, потому что стало по-настоящему страшно за Краснова. Я не могла даже представить, что у него могут быть проблемы со здоровьем. С виду крепкий сильный мужчина, который ни разу не пожаловался на усталость и не был замечен за приемом лекарств, оказывается скрывал свои проблемы.

— Вы же знаете, что Алексей служил в Чечне? — после моего утвердительного кивка, она продолжила. — Это не прошло бесследно. Алексей страдает бессонницей и энтамафобией[1]. Последнее время он почти не спит. Если так продолжится, его придется госпитализировать и принудительно вводить в сон.

От меня не скрылось беспокойство в глазах девушки и возможно между ними есть что-

то больше, чем просто «врач-пациент», но эти мысли я отодвинула подальше. Сейчас к моим переживаниям добавилось еще одно.

— Ему можно как-нибудь помочь? — я не узнала свой голос.

— Алексей очень скрытный, но я уверена, что ему станет лучше, если рядом с ним будет заботливый человек. Ещё я привезла снотворное и успокоительное. Правда он их не пьет, предпочитая травить себя алкоголем, — она закатила глаза и сделав паузу протянула мне визитку. — А это мой номер телефона, вы всегда можете мне позвонить. И я надеюсь, этот разговор останется между нами, не хочу подрывать доверие своего клиента.

Я проводила Марию и решила, что нужно отвлечься до прихода Алексея. Чтобы не тратить время впустую, приступила к приготовлению ужина. В холодильнике, на удивление, были продукты.

Шинкуя овощи, не могла отделаться от мыслей, что Краснов очень многое от меня скрывает. И это ещё больше терзало меня. Он настойчиво просит переехать меня к нему, но при этом ничего не рассказывает. Он не делится тем, что происходит в компании, у него в бизнесе, а про себя не говорит тем более, отделяясь общими фразами. Нам нужно поговорить.

— Лика? — из коридора доносился до боли знакомый голос и я, не в силах сдержаться, кинулась к нему навстречу.

Врезавшись в сильное тело, повисла на шее. В ответ получила поцелуй.

— Вот это сюрприз, — в темноте блеснула хищная улыбка. — Соскучилась?

Но ответа он не дождался, жадно впившись в мои губы. Оторвав меня от пола, понес в спальню. И как бы я не хотела останавливать его, мне пришлось это сделать.

— Лёша, я приготовила ужин, — уворачиваясь от поцелуев, лепетала я. — Я очень старалась.

Мужская рука скользнула под тонкую ткань футболки и сопротивляться стало труднее.

— Лёша, — со стоном вырвалось с губ. — Нужно поесть.

— Я хочу десерт.

С трудом отлепив мужские руки, заглянув в глаза, серьёзно сказала. Настолько серьёзно, насколько только смогла в данных обстоятельствах.

— Сначала ужин, потом десерт.

Мужчина улыбнулся, внимательно изучая мое лицо. Я не смогла понять его взгляд.

Ковыряясь вилок в тарелке, не спускала взгляда с мужчины, который с большим аппетитом поглощал мою еду. Все никак не могла поверить в то, что у Краснова психическое расстройство. Не верилось. Или я не хотела в это верить.

— Лёш, у тебя все хорошо? — не выдержала я.

Мужчина подняла глаза, делая вид, что не понимает моего вопроса.

— Как на работе? Вопрос с баром урегулирован? — решила начать с этого.

— Все нормально. Ты же знаешь, для меня нет нерешаемых проблем.

И снова самоуверенная улыбка на губах, которая так и говорит «всё ок, женщина». И никаких подробностей.

— А как дела в компании?

После моего последнего визита в офис, мы так и не обсудили то, что произошло. Алексей старался уводить меня от этой темы раз за разом. И сейчас это лишь усиливало мои подозрения в том, что Краснов скрывает от меня что-то важное. Я не могу прочитать по нему абсолютно ничего. Все его эмоции словно под жестким контролем и ни один мускул

на лице, ни одна морщинка не выдают истинных чувств.

— Все как обычно, — он пожал плечами. — А почему ты интересуешься?

— Да так, хочу быть в курсе дел, — тоже уклончиво ответила я и сразу поймала напряженный взгляд.

Ему не понравился мой ответ. Что ж, у меня хороший учитель.

— Может быть завтра поедешь со мной в офис? Поручу тебе какое-нибудь задание, — через какое-то время предложил Алексей и я сдерживалась изо всех сил, чтобы не завизжать от восторга.

— Конечно поеду, — спокойно ответила я.

Несмотря на то, что последний мой визит был так себе, я ни за что ни упущу возможности попробовать себя в деле. Иначе как я ещё узнаю, на что я способна.

Вспомнив про найденные документы, вытащила их из сумки и протянула мужчине.

— Это я нашла среди родительских документов. Может это будет полезно.

Краснов даже не взглянул на бумажки, просто кивнул и положил их в рабочий портфель. Я бы от любопытства умерла, а он просто убрал.

— Лёш, что происходит? — я не выдержала.

— Ты про что? — руки мужчины легли на мои бедра.

Он медленно притягивал меня к себе, до тех пор, пока между нашими телами не осталось и миллиметра.

— Ты даже не взглянул на документы.

— Я обязательно их посмотрю, а сейчас хочу побыть с тобой, — его губы накрыли мои в медленном поцелуе, который сменился страстным танцем, распалая сознание.

— Неужели тебе не интересно, что там написано?

— Мне интересно какие на тебе трусики.

Горячее дыхание обожгло лицо, и я почувствовала, как мужчина расправился с пуговицей на моих шортах. Внутри все затрепетало, и я отдалась страсти. Все тревоги и переживания вмиг растворились под натиском сильных рук.

— Хочу тебя, — прошептал он, прежде чем подхватить меня на руки.

[1] Энтамафобия или боязнь закрытых дверей – изнурительная фобия, часто связанная с агорафобией и клаустрофобией.

Я лежала на груди мужчины, полностью опустошенная после дикого секса. Он выводил на моих обнаженных бедрах замысловатые узоры, и я поняла, что не хочу делиться этим ни с кем. Не хочу, чтобы рядом с Красновым была друга женщина, кроме меня. Он мне нужен.

— Я перееду к тебе, — неожиданно для себя сказала я. — При условии, что ты ничего не будешь от меня скрывать.

Я знала, что это будет тяжелым испытанием для мужчины, поскольку он ещё ни разу не поделился своими проблемами. Но я отчаянно нуждалась в его доверии.

— Я и так от тебя ничего не скрываю, — его рука замерла на бедре.

— И бессонницу? — я приподняла голову, заглядывая ему в глаза.

— С Марией значит пересеклась, — он поднялся, отстраняясь от меня.

— Ты куда? — спросила я, наблюдая как мужчина встает с кровати.

— Покурить.

Я наблюдала как высокая фигура скрывается в темноте коридора.

Упав на подушки сильно зажмурила глаза, до красных искр, искренне не понимая в чем проблема быть со мной честным.

Мужчина вернулся через несколько минут, задумчиво глядя на меня, облокотился о стену. Он что-то очень тщательно обдумывал в голове прежде чем сказать:

— Лица, я тебе ничего не рассказываю, потому что так пытаюсь защитить. Если ты чего-то не знаешь, значит не причастна к этому. Улавливаешь суть?

Я закатила глаза.

— Лёша, мы не в девяностых. От чего меня защищать!? Это смешно.

— Если бы ты знала положение дел....

— Так расскажи, — я заерзала на кровати, устраиваясь поудобнее.

— Нет, — он оттолкнулся от стены и двинулся ко мне.

Чувство обиды вмиг овладело всеми моими мыслями.

— Ты не воспринимаешь меня всерьёз?

Мужчина скинул одежду, забираясь под одеяло.

— Ты единственная кого я воспринимаю всерьёз, поэтому ничего не рассказываю. Всё, спи.

Его рука обвилась вокруг талии, и я почувствовала лёгкий поцелуй в шею. Но сон долго не накрывал меня. Мысли беспорядочным хаосом крутились в голове словно пчелиный улей.

Придется все выяснять самой, если мужчина не хочет рассказывать истинных положений дел.

Утром проснулась в крепких объятиях, слушая размеренное дыхание мужчины. Он спал.

Переведя взгляд на часы, поняла, что проснулась раньше будильника и нужно выключить его, прежде чем он противной трелью разольется по комнате.

Аккуратно освободившись из крепких рук, чтобы не разбудить Краснова, двинулась в ванную, где привела себя в порядок.

Готовя завтрак, думала, как мне узнать, что скрывает от меня Краснов. Единственный, кто может знать о всех делах мужчины — это Слава, но он ни за что не станет делиться со мной информацией даже под дулом пистолета. Аккерман может многое знать, но не уверена, что он посвящён во все дела. Больше я никого не знала, кто может быть доверенным

лицом Краснова. Мужчина очень тщательно выбирал окружение и вряд ли кто-то знает абсолютно все, кроме него самого.

От мыслей меня отвлек мужчина, обняв меня со спины.

— Яичница почти готова, — я улыбнулась, наблюдая как рука мужчины скользнула в трусики, накрывая чувствительную кожу.

— Почему не разбудила? — он положил подбородок мне на плечо, тяжело выдыхая в шею.

— Хотела, чтобы ты поспал, — сказала правду я.

Когда завтрак был поглощен, а Краснов оделся и выглядел как модель с обложки журнала, двинулись в мою квартиру, чтобы я оделась.

Решив не париться с выбором одежды, надела простое бежевое платье и босоножки на каблуке. Сделала лёгкий макияж, чтобы не терять времени и удивила мужчину, собравшись меньше, чем за десять минут.

— Я думал, тебе понадобится около часа, — он улыбнулся, но улыбка никак не коснулась его глаз.

— Кстати, где Слава? Я его вчера тоже не видела.

Отсутствие водителя наводило на мысли, что он опять выполняет какое-нибудь поручение Краснова.

— Он в отпуске, парню нужен отдых.

Я сделала вид, что поверила, но на самом деле я очень сильно сомневалась в его словах.

По пути в офис от меня не скрылось его напряжение. Стоило нам только оказаться в офисе, мужчина переменялся в лице, полностью беря все эмоции под контроль и сейчас я наблюдала непроницаемую маску на его лице. Только сейчас заметила, что со мной он уже не такой, каким был раньше.

— Сегодня побудешь в финансовом отделе, познакомишься с начальником отдела, посмотришь на бюджет компании, посмотришь куда мы тратим больше всего и может в твоей головке родиться идея по оптимизации расходов.

— Так скоро толкаешь меня в пучину?

— Тебе полезно, — было не слишком приятно услышать такое, но я понимала, что он прав.

Если я сейчас не начну втягиваться в процесс, то потом будет поздно.

Начальником отдела оказался приятный мужчина около пятидесяти лет. Он был рад меня видеть и даже отдал в мое распоряжение собственное рабочее место.

Я внимательно изучала графики, таблицы, при этом не забывая поглядывать на сотрудников отдела, которых от меня отделяла стеклянная перегородка. Я заметила, что никто не обращает на меня никакого внимания, полностью сосредоточившись на работе. Когда наступило время обеда, я уже чувствовала, что глаза готовы вывалиться от напряженной работы за экраном компьютера.

— Анжелика Андреевна, составите мне компанию за обедом? — спросил Семен Иванович, начальник отдела.

Я взглянула на экран мобильного в надежде увидеть сообщение от Алексея, но экран предательски был чист. Пытаясь скрыть разочарование, натянула улыбку.

— Конечно, — ответила мужчине на его предложение.

Мы двинулись в сторону лифтов.

— Я очень рад, что вы продолжаете дело своего отца, он бы гордился вами.

— А вы хорошо знали отца? — спросила я.

— Не могу сказать, что мы были друзьями, но общались не плохо.

— Я могу у вас кое-что спросить? — понизила голос, чтобы никто случайно не услышал нашего разговора. — Касаемо компании.

— Конечно, всё что угодно.

— Как здесь обстановка?

— Не понял? — мужчина остановился, непонимающе уставившись на меня.

— Ну, вы же знаете всю внутреннюю, видите, как расходуются деньги, что приносит прибыль, а что не очень. Вы же должны знать, как распределены внутренние ресурсы, и кто берет на себя больше, чем нужно.

Мужчина немного замялся.

— Анжелика Андреевна, не рекомендую вам соваться в это. Ходят слухи, что вашего отца убили. И не исключено, что это кто-то из своих.

Последнее он сказал шепотом и двинулся дальше, оставив меня стоять посередине пустого коридора.

Я догнала мужчину у самого лифта, когда металлические двери распахнулись, позволяя нам войти внутрь кабины.

Мы были вдвоем.

— Кого стоит опасаться? — спросила я, надеясь услышать честный ответ.

— Всех.

Слово, словно молоток судьи, звучало как приговор.

— Даже Краснова? — аккуратно спросила я.

— Его особенно, — мужчина взглянул на меня по-отечески. — Не хочу пугать вас, но здесь каждый боится его. Изначально я думал, что у него просто характер тяжелый, но вы не представляете, что случилось с одним сотрудником. Выяснилось, что один паренек потихоньку выводит деньги из компании, для такой организации — это сущие копейки, но никто не знает где он сейчас. Он словно исчез.

Я с трудом слушала слова Семена Ивановича, отказываясь верить в причастность Алексея к исчезновению парня. Всё это никак не вязалось у меня с тем мужчиной, которого я знала. В памяти всплыл бухгалтерский отчет, который я видела накануне Нового года почти два года назад.

— А как давно это случилось?

— Около года назад. Парня вызвали к Алексею Александровичу и больше его не видели. Просто взял и исчез. Даже вещи свои не забрал. Жутковато.

Я не хотела верить в то, что Алексей мог причинить кому-то вред, пусть даже человеку, который проворачивал делишки за его спиной.

Двери лифта распахнулись, и я сделала шаг, чувствуя, как тело напряжено. Заставляя ноги двигаться, шла рядом с Семеном Ивановичем в сторону столовой. Мой взгляд зацепился за светлую макушку, хозяин которой уверенно пересекал холл в сторону выхода. Парень обернулся, и я увидела его лицо. Слава.

— В отпуске значит, — тихо проговорила я, мысленно ругая себя за доверчивость.

Слова Семена Ивановича и Слава, который якобы должен быть в отпуске, выбивали почву из-под моих ног. Мои нервы были натянуты, как струна, готовая вот-вот лопнуть, когда мы сидели за обедом.

— Анжелика Андреевна, вы очень напряжены, все хорошо?

— Нет, мне нужно отойти, — я извинилась и убрала за собой поднос, направилась напрямик в кабинет к Краснову.

В приемной, увидев мой настрой, секретарша вышла из-за стола, вставая перед дверью, загораживая путь.

— Алексей Александрович очень занят, — её напуганное лицо окончательно разрушило моё терпение.

— Чем? Или может быть мне стоит спросить кем?

— Простите, Анжелика Андреевна, но он просил никого не пускать, а вас тем более, — она виновато смотрела на меня, продолжая загораживать дверь, расставив руки.

Вот кем мог Краснов гордиться — секретаршей, которая так отчаянно закрывает собой вход в кабинет.

— Хорошо, — я глубоко вздохнула, стараясь унять бурю внутри себя, чтобы не устроить концерт на радость сплетникам. — Я подожду здесь пока он не освободится.

Устраиваясь в мягком кресле, неотрывно смотрела в глаза Елизаветы, которая надеялась, что я уйду. Но я намерена сидеть здесь до тех пор, пока не увижу, с кем Краснов во время обеденного перерыва, закрылся в кабинете.

Время шло, и я смогла немного успокоиться, чтобы не думать о том, как я бросаю в лицо мужчины обвинения. С ним это не сработает, тут нужно действовать с умом. Мою истерику он воспримет, как детскую выходку, которая только подтвердит мою незрелость, а я должна доказать всем, что достаточно выросла, чтобы со мной считались, как с равной.

Прошло около часа, прежде чем двери кабинета распахнулись. Всё это время Елизавета наблюдала за мной, готовая в любой момент прыгнуть на защиту дверей, словно дикая кошка. Но я не настолько глупа, чтобы врываться в кабинет и устраивать истерики. Из кабинета вышел худощавый парень, одетый в бесформенную одежду. Он бросил на меня насмешливый взгляд и подмигнув Лизе, вышел из приемной.

— Лиза, пригласи... — из дверей выглянул Краснов, но заметив меня, он оборвал фразу. — Лица?

— Хотела поговорить, Алексей Александрович, — резко сказала я, выделяя его имя, поднимаясь с места, расправляя невидимые складки на платье.

— Проходи, — он распахнул шире дверь, впуская меня внутрь и повернулся к Лизе. — Если кто-то придет, пусть подождет.

Я плюхнулась в одно из многочисленных кресел у стола, гневным взглядом прожигая мужчину. Он делал вид, что не замечает моего настроения, вальяжно устраиваясь в кресле и даже не взглянул на меня, погружаясь в монитор компьютера.

— Что случилось? — спросил он, после затянувшегося молчания.

Я чувствовала, как мое доверие к нему ускользает, словно вода сквозь пальцы. Я внимательно изучала его лицо, пытаюсь понять, что он скрывает на самом деле и насколько правда может оказаться ужасающей.

Я еле сдержала усмешку, понимая, что пустила в свою жизнь мужчину, которого совершенно не знаю. Позволила ему завладеть моим телом, завладеть моим сердцем, которое предательски стучало под ребрами. Он контролировал меня, как свою собственность. Даже компания фактически находилась в его руках, и только он один знал, что происходит в этих стенах.

— Кто я для тебя? — спросила и все внутри замерло от ожидания.

Я была готова принять любой ответ, даже тот, который мне мог не понравиться, но это

нужно было решить сейчас. Я хотела услышать правду, чтобы точно знать, как строить дальнейший разговор.

— Лика, что случилось? — мужчина оторвался от монитора, переводя на меня взгляд, который был нечитаем.

— Ничего не случилось. Просто стало интересно, кто я для тебя.

Мужчина выдохнул.

— До вечера никак не терпит? У меня срывается крупный контракт и сейчас тратить время на выяснение отношений я не могу.

— Какой контракт? — спросила я, зная, что он не ответит.

— Это не важно, — в подтверждении моих мыслей, ответил мужчина.

Я прыснула в голос, бросив презрительный взгляд на человека, в котором так отчаянно нуждалась. Но вот нуждался ли он во мне? Или я для него глупая девчонка, всего лишь дочь его друга, которую он потрачивает. Сейчас все его слова, которые я воспринимала как проявление заботы, перестали иметь значение. Надежда на взаимные чувства разбилась о камни его безразличия.

— Я всё поняла, Лёш, — поднялась со своего места. — Мы просто друг друга неправильно поняли. С самого начала.

— Лика, — мужчина вздохнул, зажав пальцами переносицу. — Давай мы вечером обсудим все, что тебя волнует, хорошо?

— Я не единожды пыталась вывести тебя на разговор, но все заканчивалось либо скандалом, либо сексом. И нам нечего обсуждать, потому что ты не хочешь ничего мне рассказывать. Я для тебя совсем ничего не значу?

Мои слова с отчаянием слетали с губ в попытках найти отклик у мужчины, и я заметила, что он хотел что-то ответить, но я прервала его, поднятой рукой вверх.

— Не надо мне говорить, что ты меня защищаешь ничего не рассказывая. Признай, ты делаешь это для себя. У меня складывается такое чувство, что тебе абсолютно плевать на меня. Ты не отвечаешь на мои звонки. Я не знаю, где ты пропадаешь. Тебе же не сложно написать сообщение, но ты и этого не делаешь. Поэтому логично, что у меня возник вопрос. Кто я для тебя?

Я говорила спокойно, наблюдая, как на лице мужчины не дернулась ни одна мускула, ни одна морщинка не сдвинулась с места. Лицо, выражающее безразличие, смотрело словно поверх меня.

Молчание затянулось и я поняла, что ответа не получу.

— Я так и думала, — развернувшись, двинулась на выход, чувствуя спиной тяжелый взгляд мужчины.

Поднявшись в экономический отдел, наткнулась на обеспокоенный взгляд Семена Ивановича.

— Анжелика Андреевна, вы в порядке? На вас лица нет. Вам плохо? — мужчина засуетился, наполняя водой стакан.

Его беспокойство привлекло внимание сотрудников, и все оторвались от работы, наблюдая за нами.

— Всё в порядке, просто голова болит, — натянула мученическую улыбку на лицо. — За компьютером пересидела. Прошу меня простить, но я вынуждена вас покинуть, на сегодня мой рабочий день окончен.

Собрав свои вещи, не оглядываясь, покинула кабинет.

Пока шла по коридору, заказала такси, понимая, что сегодня больше не хочу видеть Краснова.

Уверенная в том, что Краснов узнает где я нахожусь и непременно примчится для разговора, в попытках запутать свои следы, выключила телефон. Доехав на такси до железнодорожного вокзала, купила билет ближайшего отправления даже не взглянув на город прибытия, расплатившись банковской картой и вышла из здания. За наличные взяла такси, которое не трудно найти у вокзала и устроившись на заднем сидение решила, что домой ехать нельзя.

— Простите, мой телефон разрядился, можно с вашего позвонить? — мило улыбнувшись, спросила у таксиста.

Мужчина оказался приветливым и без лишних вопросов протянул мне мобильный.

Набрав номер подруги, тревожно теребила подол платья, ожидая ответа.

— Алло? — услышала голос Маринки через несколько гудков.

— Марина, это я, Лика. Пожалуйста не задавай вопросов, выслушай меня. Если Краснов будет спрашивать обо мне — ты ничего не знаешь. Я не звонила и не писала. И будь, пожалуйста, убедительна. Просто говорю, чтобы ты не волновалась и не развела панику.

— Ты сбежала от него? — нервный смешок подруги заставил улыбнуться.

— Нет, просто хочу побыть одна некоторое время, а ты понимаешь, что Лёша этого не может допустить.

— Если что, ты знаешь где меня искать.

— Спасибо.

Попрощавшись с подругой, вернула телефон обратно владельцу.

Остановившись у гостиницы, расплатилась за проезд и быстро скрылась в здании.

Чтобы получить ключ от номера без регистрации, чтобы не засветить паспорт, пришлось выложить неплохие деньги, но тем не менее администратор согласился.

Оказавшись в номере, без сил рухнула на кровать, чувствуя, что внутри не осталось ничего. Абсолютная пустота заменила все эмоции и чувства. Даже смерть родителей не уничтожила меня, я чувствовала боль и горечь потери, что говорило о моей способности ещё что-то чувствовать. Но сейчас, я окончательно была разбита. Накрывшись с головой одеялом, позволила одинокой слезе скатиться по щеке, прежде чем провалиться в сон.

Проснулась около часа ночи от чувства голода. Желудок скрутило от спазма, но выходить за пределы номера, который теперь был для меня чем-то спасительного убежища, совершенно не хотелось.

На тумбочке нашлись брошюры отеля. Позвонив в ресторан, который к счастью, работал круглосуточно, заказала поздний ужин. Чтобы не терять время в ожидании еды, направилась в душ, позволяя горячим струям смыть остатки прошедшего дня.

В отеле я пряталась несколько дней, не покидая номер и не включая мобильник. Я спала, ела, смотрела ток-шоу, фильмы и наблюдала из окна на закаты солнца. Впервые я подумала, что моя жизнь абсолютно ничего не значит. Что я есть, что меня нет. Ничего не изменится, если я исчезну. Всем плевать на мои чувства. За последний год никто не спросил меня о том, что я чувствую и чего я хочу на самом деле. Краснов делал лишь то, что хотел сам, лишь так, как было удобно ему. А я как слепой котенок, доверчиво слушала его голос и верила всему. Или же я сильно обманулась, впрочем, не в первый раз. К н и г о е д . н е т

Нащупав на шее золотого ангела, в который раз убедилась, что поступаю неправильно

раз за разом. И никто не может мне подсказать, как поступить, потому что обратиться за советом мне не к кому. Я никому не могу рассказать всё, что происходит между нами с Красновым. Стоит себе признаться, что я сама до конца не понимаю, что нас действительно связывает с мужчиной. Можно ли это назвать отношениями, если никто из нас ни разу не высказался по этому поводу.

Расплатившись за пребывание в отеле, попросила вызвать мне такси.

Подъезжая к своему дому, знала, что он придет. В том, что люди Краснова дежурят неподалёку не было сомнений. За эти годы, я могла с уверенностью сказать, привычки Краснова не менялись только в нескольких вещах. Он не доверял никому и его люди всегда были рядом, пусть я их видела.

Стоило только мне включить телефон, он моментально завибрировал, извещая о входящем звонке. Понимая, что игнорировать мужчину бесполезно, иначе он заявится, в течение часа, лично.

— Я слушаю, — ровный голос без эмоций на некоторое время обескуражил собеседника судя по замешательству на другом конце.

— Ты в порядке? — уверена он не это хотел спросить, но моя холодность заставила его переиграть сценарий разговора.

— Это не важно, — ответила его же фразой.

— Лика, скажи где ты и я приеду.

Я сдержалась, чтобы не высказать колкости в его адрес. Я была уверена, что он уже осведомлен о моем местонахождении и судя по звукам, раздающимся из динамиков, он ехал в машине и ставлю все свои деньги, он ехал ко мне.

— Алесей Александрович, я не хочу вас видеть, — спокойно сказала правду. — Позвольте мне побыть одной.

— Лика, это не смешно. Не разговаривай со мной таким тоном. И какой я тебе к чёрту Алексей Александрович? — мужчина был на грани срыва.

Его вопрос остался не ответенным, поскольку я прервала соединение, нажав на сброс.

Нужно было раньше сбежать, чтобы у мужчины хоть немного нервишки пошалили, и он наконец-то сказал мне всё как есть. Я уже поняла, что вывести его на разговор можно лишь доведя до бешенства. Почему мы не можем быть нормальными людьми и разговаривать без лишних эмоций?

Я скатилась по стене, чувствуя тяжесть в ногах, как будто пробежала марафон.

Прошло не больше пятнадцати минут, прежде чем дверной звонок был атакован.

Стоило только открыть дверь, разгневанный мужчина ворвался в квартиру, припечатывая меня к стене.

Его кулак с силой врезался в стену возле моего лица, но я даже не дернулась, полностью эмоционально опустошенная.

— Какого чёрта, Лика? — он сорвался на крик.

Я заметила, что дверь осталась открыта и в дверном проёме стоял Слава, на лице которого читался испуг.

Я улыбнулась ему, и Алексей перевел взгляд на Вячеслава. Буря эмоций отразилась на лице Краснова, словно внутри него случилась маленькая война.

— Пошёл вон! — крикнул он, захлопывая дверь перед лицом парня.

— Зачем ты так? — искренне не поняла я.

— Я велел ему ждать в машине, его никто не приглашал.

Я пыталась вырваться из рук мужчины, удерживающих меня у стены, но наши силы были не равны.

— Он за тебя переживал, а ты совсем с ума сошла. Ты в курсе, что из-за твоей выходки, пришлось поезд до Владивостока обыскивать? И в итоге оказалось, что ты даже не сядила на него!

— Весело, правда? — съязвила я. — Кстати, как там твоя сделка, не сорвалась?

Мужчина рвано выдохнул, в попытках совладать с внутренними демонами.

— Лица, хватит. Своим поведением, ты только доказываешь свою незрелость.

— Лёш, мне восемнадцать, если ты не забыл, — горячие слезы полились по щекам, обжигая кожу. — Я старалась тебя понять, очень старалась, но не получается. А знаешь почему? Потому что ты не хочешь. Ты! С самого начала ты воспринимал меня как навязанный груз, — я ткнула пальцем в его грудь. — Я не один раз пыталась стать тебе ближе. Я искренне интересовалась твоими делами и как ненормальная хотела быть частью твоей жизни. Я не хотела переезжать к тебе в попытках защитить твою репутацию, я защищала тебя! А ты словно вообще не слышишь меня. И на все мои вопросы отвечаешь так, словно я пустое место, которое не заслужило знать правду. Ты считаешь меня незрелой?

Мужчина опустил голову, но я видела, как ходят его желваки.

— Лица, — он поднял взгляд, и трудно было понять, что мужчина испытывает на самом деле. Калейдоскоп разных эмоций был отражен на лице. Боль. Отчаяние. Злость. — Я очень хочу тебе рассказать обо всем, но не могу.

Слёзы градом текли по моим щекам. Но я не впадала в истерику, не предавалась рыданиям. Я просто позволяла горячим струйкам стекать по моему лицу.

Я смотрела на лицо, которое считала родным, вдыхала терпкий аромат его тела и окончательно убеждалась в своей ошибке. Не нужно было давать нам шанс, мы его не заслужили. Я — незрелая истеричка, он — параноидальный псих.

— Уходи, — сказала почти беззвучно. — Мне нужно побыть одной. Я позвоню тебе.

Проведя ладонью по щеке, покрытой щетиной, мысленно отпускала его, понимая, что нашей истории не будет никогда. Наши отношения останутся за закрытыми дверями, только для нас. Я всегда буду помнить этого мужчину, с обжигающими серыми глазами, и он останется лишь в воспоминаниях, которые я буду бережно хранить.

Прошла неделя с тех пор, как мы виделись с Красновым. Слава больше не дежурил под моими окнами, его сменили неизвестные парни, которые менялись каждые четыре часа.

Марина волновалась за меня и порывалась приехать, но я убеждала её в том, что одной мне будет легче справиться с принятым решением. Я должна пережить этот момент самостоятельно, чтобы не осталось сомнений.

Позвонив Аккерману, договорилась о встрече.

Он ждал меня в своем офисе.

Мужчина не стал задавать лишних вопросов.

— Анжелика, это Андрей, — Иаков Соломонович представил мне высокого парня, лицо которого никогда не отпечатается в моей памяти. — Он мой племянник. Я хочу уйти на пенсию и все дела передать Андрею.

Я кивнула.

— Поэтому он будет участвовать при нашей беседе, чтобы потом завершить дело, которое ты задумала, — после недолгой паузы он спросил. — Ты уверена в своем решении?

— Да, — ни капли, не сомневаясь ответила я.

Подписав необходимые документы, попрощалась с мужчинами и выйдя из офиса Аккермана, набрала Краснова.

Мужчина ответил после второго гудка, он ждал моего звонка.

— Я выбрала ВУЗ, — без приветствий начала я. — Всё отправила тебе на электронку.

Не дожидаясь его ответа, отключилась и направилась в сторону парка, наслаждаясь солнечными лучами, подставляя лицо к небу. Впитывая каждой клеточкой тепло, наслаждалась дуновением ветра, касающегося моего лица, плеч, кончиков пальцев.

Вибрация мобильного разрушила момент, и я ответила, не глядя на экран, зная, что это Краснов.

— Лика, я против, — голос был спокоен, но я уже представила, как ходят его желваки в этот момент.

— Это мой выбор, Лёш. Прошу, отпусти меня и давай всё закончим.

Найдя на шее ангела с силой сжала его, в надежде что он придаст мне сил.

— Лика....

— Документы готовы, Аккерман привезет их тебе.

— Слава проводит тебя.

Частые гудки известили меня о том, что разговор закончен.

«Спасибо», — зависло на кончике языка. Мысленно я была благодарна ему, что он так, относительно, просто принял мое решение и не заявил желание проводить меня самостоятельно, позволив Славе сказать мне «пока».

На следующее утро, стоя в аэропорту, среди суетливых туристов, провожатых, прибывших, чувствовала себя не так, как в прошлый раз, когда улетала в Англию. Однако сходство было. Я также крепко сжимала ангела, чувствуя боль, но в этот раз боль была не такой ядовитой. Я знала цену, которую заплатила Краснову за жизненный урок.

— Посадка на твой рейс, — Слава опустил глаза, надеясь скрыть от меня слезы.

Мужчины тоже плачут. Я обняла Славу настолько крепко, насколько была способна.

— Я обязательно вернусь, — я поцеловала его в щеку, не уверенная в правдивости своих

слов.

Я не до конца была уверена в том, что захочу вернуться в Россию по истечении нескольких лет. И только время сможет расставить все на свои места. И пусть кто-то решит, что это побег, возможно так и есть. Я бегу от себя, от своих чувств, от непонимания и отчаяния. Но если я не сделаю этого сейчас, то потом может быть поздно. У меня просто не осталось сил бороться, я сдаюсь и не хочу знать куда бы привел меня путь, если бы я продолжила бороться.

Оставляя позади нерешенные проблемы, несказанные слова, нереализованные мечты, я не тешила себя иллюзией, что это никогда не догонит меня. Так не бывает. Однажды всё всплывет на поверхность и мне придется решить то, что я не решилась решить сейчас.

Глава 32. Заключительная

Раньше я никогда не замечал, насколько её улыбка прекрасна. И стоило только её нежным губам изогнуться в улыбке, мои повторили в ответ. И пусть я наблюдал за ней из окна автомобиля, мне было этого достаточно, чтобы ощущать себя намного лучше.

Анжелика, закутавшись в пушистый шарф, прогуливалась под ручку с высоким парнем. Она улыбалась ему так, как когда-то улыбалась мне. Жаль, что это было не часто. Вспоминая редкие моменты, когда на её лице сияла улыбка, становилось противно от своей ничтожности. Я не смог сделать её счастливой.

Прилетев в Лондон пару недель назад, узнал, где она живет. К счастью проблем с этим не было. Мои парни неустанно наблюдали за Анжеликой, отчитываясь о каждом её шаге. И стоило только потенциальному ухажеру появиться на её пути, отчет с досье о нём лежал на моем столе. Неподходящие ей парни вмиг устранялись, и я радовался, как мальчишка, но не буду скрывать, что был разбит, когда узнал о том, что за ней ухаживает один из обеспеченных парней Лондона. Устранять его не было смысла. Я же не законченный мудака, чтобы окончательно разрушить жизнь девушки.

Бросив последний взгляд на Анжелику, вырулил с парковки и направился в аэропорт.

Набрав нужный номер, сомневался в себе, но все-таки смог сказать:

— Снимаю наблюдение с Мироновой.

Я отпускаю её окончательно, как она того и хотела.

Больше книг на сайте - Knigoed.net